Герритсен Тесс

Бешенство

Джекобу, Адаму и Джошу – мужчинам моей жизни

БЛАГОДАРНОСТИ

Эмили Бестлер, способной сделать блистательной любую книгу;

Россу Дэвису, врачу, нейрохирургу, человеку эпохи Возрождения;

Джеку Янгу, с радостью отвечавшему на самые странные вопросы;

Пэтти Кан – за помощь в исследовательской работе;

Джейн Беркли и Дону Клири, моим проводникам в издательском мире.

И самая большая благодарность – Мег Рули, которая всегда указывала мне верное направление. И вела меня.

1

Великолепная штука – скальпель.

Доктор Стенли Маки никогда прежде не замечал этого. Но сейчас, когда он стоял под бестеневыми лампами, склонив голову, он внезапно осознал, что любуется тем, как свет отражается от лезвия и рассыпается бриллиантовыми брызгами. Это настоящий шедевр – бритвенно-острый полумесяц из нержавеющей стали, столь прекрасный, что доктор никак не осмеливался взять его, опасаясь, что может каким-то образом испортить его очарование. На поверхности лезвия играла маленькая радуга – свет, разложенный на простейшие составляющие.

– Доктор Маки! Что-то не так?

Он поднял глаза и увидел операционную сестру, которая хмуро смотрела на него поверх маски. Он никогда прежде не обращал внимания на то, какие зеленые у нее глаза. Казалось, он видел, по-настоящему видел многое будто впервые. Бархатистую текстуру ее кожи. Тонкую жилку на виске. Родинку прямо над бровью.

Родинку? Он пригляделся. Крохотное темное пятнышко подползало к уголку ее глаза, словно многоногое насекомое…

– Стен! – Голос анестезиолога, доктора Рудмана, прорезал смятение Маки. – С вами все в порядке?

Маки тряхнул головой. Букашка исчезла, снова обернувшись родинкой, малюсеньким пятнышком темного пигмента на светлой коже медсестры. Он сделал глубокий вдох и взял скальпель из лотка с инструментами. Затем перевел взгляд на женщину, лежавшую перед ним на столе.

Операционные лампы были направлены на нижнюю часть ее живота. Голубые медицинские простыни уже закрепили в нужных местах, оставив открытым прямоугольник обнаженной плоти. Живот был красивый: плоский, со светлым следом от трусиков бикини, соединившим изящные парные бугорки тазовых костей, – удивительное зрелище в сезон метелей и по-зимнему бледных лиц. Жаль, что придется резать такую красоту. Шрам, который оставит аппендэктомия, в будущем навредит карибскому загару.

Он приставил кончик лезвия, ориентируясь на точку Мак-Бернея – прямо посредине между пупком и выступом правой тазовой кости. Примерно здесь и расположен аппендикс. Он уже готов был сделать надрез, но вдруг остановился.

Его рука дрожала.

Он не понимал, в чем дело. Такого никогда не случалось. Стенли Маки всегда отличался непоколебимой твердостью руки. Теперь же ему потребовалось громадное усилие, чтобы только не выронить инструмент. Он судорожно глотнул и оторвал лезвие от кожи. «Спокойно. Сделай пару-тройку глубоких вдохов. Это пройдет».

– Стен!

Подняв взгляд, Маки увидел, что доктор Рудман нахмурился. Хмурились и обе сестры. Маки читал в их глазах те же вопросы, что уже несколько недель шепотом задавали коллеги у него за спиной: «По-прежнему ли сведущ старый доктор Маки? Ему семьдесят четыре – стоит ли его допускать к операциям?» Он не стал обращать внимание на эти взгляды. Ему и так пришлось защищаться перед квалификационной комиссией и разъяснять обстоятельства смерти своего недавнего пациента. В конце концов хирургическое вмешательство всегда сопряжено с риском. Если в брюшной полости слишком много очагов кровотечения, легко спутать анатомические ориентиры, сделать неверный надрез.

Комиссия, проявив мудрость, сняла с него обвинения.

Тем не менее, у больничного персонала зародились сомнения. Он видел их на лицах медсестер, в суровом взгляде доктора Рудмана, во всех тех глазах, что неотступно следили за ним. Неожиданно он ощутил на себе и другие взгляды. На мгновение ему показалось, что в воздухе плавают десятки глазных яблок и все зрачки направлены на него.

Он моргнул, и жуткое видение исчезло.

«Все дело в очках, – подумал он. – Надо будет их проверить». Капля пота скользнула по щеке. Он крепче сжал скальпель. Это же простая аппендэктомия, операция, с которой справится любой начинающий хирург-интерн. Разумеется, сможет и он, даже дрожащими руками.

Он сосредоточился на животе пациентки, на этом плоском, золотисто-смуглом животе. Дженнифер Хэлси, тридцать шесть лет. Приезжая из другого штата, проснулась утром в номере бостонского мотеля от боли в правой нижней части живота. Преодолевая нараставшую боль, через лютую метель добралась до отделения неотложной помощи клиники Виклин, откуда попала к дежурному хирургу Маки. Она ничего не знала о слухах насчет его некомпетентности, о приглушенных, полных лжи пересудах, неуклонно уничтожавших его врачебную репутацию. Она была просто страдающей от боли женщиной, которой срочно требовалось удалить воспаленный аппендикс.

Маки прижал острие к коже Дженнифер. Дрожь в руке прошла. Он может. Разумеется, он может это сделать. Он сделал надрез, проведя тонкую, четкую линию. Операционная сестра помогала ему, удаляя кровь, передавая зажимы. Он прорезал глубже, сквозь желтоватый подкожный жир, время от времени останавливаясь, чтобы прекратить кровотечение. «Ничего сложного. Все будет отлично». Он доберется до брюшной полости, удалит аппендикс, и все. А потом отправится домой. Возможно, чтобы вновь обрести ясную голову, ему просто нужно немного отдохнуть.

Он прорезал блестящую брюшину и попал в полость.

– Открыть, – велел он.

Стальным расширителем сестра аккуратно раздвинула края раны.

Просунув руку в отверстие, Маки почувствовал, как теплые и скользкие кишки окружили его пальцы в резиновой перчатке. Что за удивительное ощущение – проникнуть в жар человеческого тела. Все равно что вернуться в гостеприимную материнскую утробу. А вот и аппендикс. Одного взгляда на покрасневшую, вспухшую ткань хватило, чтобы

понять – диагноз верен, аппендикс нужно удалять. Маки потянулся к скальпелю.

Однако, снова переведя взгляд на разрез, он понял: что-то не так.

В брюшной полости наблюдался явный избыток кишок, раза в два больше необходимого. Гораздо больше, чем требуется этой девице. Так не пойдет. Он потянул за петлю тонкой кишки; гладкая, теплая, она скользнула по перчатке. Скальпелем он отхватил лишний кусок и опустил влажную спираль в лоток. Ну вот, подумал он. Так-то лучше.

Глаза операционной сестры, которая изумленно уставилась на него, расширились до предела.

– Что вы делаете? – воскликнула она.

– Слишком длинные кишки. Так не годится.

Он запустил руку в брюшную полость и снова извлек петлю кишечника. Эта лишняя плоть совсем ни к чему, только обзор закрывает.

– Доктор Маки, не надо!

Он сделал надрез. Кровь горячей дугой хлестнула из обрубленного кольца.

Сестра схватила его обтянутую перчаткой руку. Он гневно стряхнул ее ладонь – какая-то медсестра посмела прервать процесс!

– Пришлите другую сестру, – распорядился он. – И дайте отсос. Нужно убрать всю эту кровь.

– Остановите его! Помогите мне остановить его!

Свободной рукой Маки дотянулся до катетера отсоса и погрузил его в рану. Кровь забурлила в трубке и полилась в резервуар.

Чья-то рука схватила его за халат и оттащила от стола. Это был доктор Рудман. Маки попытался высвободиться из его хватки, но Рудман не отпускал.

– Положите скальпель, Стен.

– Ее придется обработать. Слишком много кишок.

– Положите инструмент!

Силясь освободиться, Маки резко повернулся к Рудману. Он забыл, что все еще держит скальпель. Лезвие полоснуло по шее Рудмана. Тот вскрикнул и схватился за горло.

Маки попятился, не сводя глаз с крови, которая сочилась из-под пальцев Рудмана.

– Это не я, – пробормотал он. – Я не виноват.

Медсестра завопила в переговорное устройство:

– Пришлите охрану! Он сошел с ума! Нам нужна охрана! Срочно!

Маки неловко попятился, поскользнувшись на луже крови. Крови Рудмана. Крови Дженнифер. Багровое озерцо расползалось по полу. Маки бросился прочь из операционной.

Остальные кинулись за ним.

Ослепленный паникой, он устремился к выходу, путаясь в лабиринте больничных коридоров. Где это он? Почему все вокруг кажется незнакомым? И тут прямо перед собой он увидел окно, за которым кружились хлопья снега. Снег. Это холодное белое кружево очистит его, смоет кровь с его рук.

За спиной послышался топот погони. Кто-то крикнул: «Стоять!»

Сделав для разбега три громадных шага, Маки ринулся в светлый прямоугольник.

Стекло взорвалось миллионами алмазных брызг. Холодный воздух засвистел за спиной. Все кругом было белым – прекрасная кристальная белизна.

А он летел, летел, летел…

2

На улице стояло настоящее пекло, однако водитель запустил кондиционер на всю катушку, и Молли Пикер на заднем сиденье откровенно мерзла. Холодный воздух из вентиляционного отверстия, расположенного возле ее колен, бесцеремонно устремлялся прямо под короткую юбчонку. Подавшись вперед, она постучала в плексигласовую перегородку.

– Простите, пожалуйста, – сказала она. – Эй, ау! Вы не могли бы выключить кондиционер? Ау!

Она постучала снова.

Водитель, казалось, ее не слышал. А может, просто не обращал внимания. Ей был виден только белобрысый затылок.

Поежившись, она скрестила руки на груди и отдвинулась подальше от вентилятора. За окном проплывали улицы Бостона. Места были ей совершенно незнакомы, однако Молли поняла, что машина следует на юг – на последнем дорожном указателе значилось «Вашингтон-стрит, Южный Бостон». Сейчас она разглядывала приземистые здания с зарешеченными окнами и группки сидящих на крылечках людей с лоснящимися от пота лицами. Еще не начался июнь, а температура уже под тридцать. По людям на улице легко было понять, что за окном жара: безвольно ссутулившись, они медленно брели по тротуарам. Молли нравилось разглядывать людей. В основном она смотрела на женщин, находя их более интересными. Она рассматривала их наряды и удивлялась, почему некоторые женщины носят в жару черное, почему толстухи натягивают на свои задницы яркие облегающие штаны, почему никто теперь не носит головных уборов. Она изучала походку красоток: покачивая бедрами, они отлично сохраняли равновесие на высоченных каблуках. Она гадала: какими секретами, неизвестными ей, владеют эти женщины? Интересно, чему их учили мамы и почему эти уроки упустила Молли? Она долго и пристально вглядывалась в их лица, надеясь постичь тайну их красоты. Какой магией владеют эти красавицы и чем обделена она, Молли Пикер.

Машина остановилась перед светофором. На углу стояла, выпятив бедро, девица в туфлях на платформе. Проститутка, как и Молли, но постарше, лет восемнадцати, с роскошной черной гривой, разметавшейся по бронзовым плечам. «Черные волосы – это было бы здорово», – с мечтательной завистью подумала Молли. Они говорят сами за себя. Не то что ее собственный не пойми какой цвет – не темный, но и не светлый, да и волосенки мягкие – в общем, вида никакого. Сквозь затемненные стекла машины брюнетка не могла видеть, что Молли пялится на нее, но, казалось, чувствовала взгляд, потому что, неторопливо развернувшись на своих каблучищах, встала лицом к лимузину.

Не такая уж она и красавица.

Молли откинулась на спинку сиденья, испытывая непонятное разочарование.

Машина свернула налево, на юго-восток. Они были уже далеко от мест, хорошо известных Молли, и направлялись в незнакомый и опасный район. Жара выгнала людей из домов; они сидели в затененных дверных проемах, обмахиваясь кто чем и провожая взглядами плывущий мимо

автомобиль. Они знали, что такого нет ни у кого в округе. Да и сама Молли понимала, что она здесь чужая. Куда же это Роми ее отправил?

Адреса он ей не дал. Обычно ей в руку совали бумажку с каракулями, в которых угадывались название улицы и номер дома, и Молли приходилось изворачиваться, чтобы наскрести на такси. Однако на этот раз ее ждала машина. Шикарный автомобиль, без красноречивых пятен на заднем сиденье и вонючих скомканных салфеток, забитых в пепельницу. Он весь был просто неправдоподобно чистый. Молли никогда прежде не доводилось ездить в таких чистых автомобилях.

Шофер свернул в переулок налево. Здесь уже не было сидевших вдоль улицы людей. Но Молли знала – они по-прежнему наблюдают. Она это чувствовала. Пошарив в сумочке, она выудила оттуда сигарету и прикурила. Она успела сделать лишь пару затяжек, когда бестелесный голос произнес:

– Пожалуйста, затуши.

Молли изумленно огляделась:

– Чего?

– Я сказал, затуши. В этой машине курить не разрешается.

Виновато зардевшись, она быстренько затолкала сигарету в пепельницу. Тут она заметила, что в перегородке есть крохотный динамик.

– Ау! Вы меня слышите? – крикнула она.

Ответа не последовало.

– Послушайте, вы не могли бы выключить кондиционер? Я тут уже окоченела. Эй! Господин шофер!

Поток ледяного воздуха стих.

– Ну, спасибочки, – сказала она. И добавила шепотом: – Вот скотина!

Найдя кнопку стеклоподъемника, она приоткрыла окно. Жаркий запах летнего города, горячий и сернистый, ворвался в салон. Она ничего не имела против жары. Жара напоминала ей о доме, о влажных знойных летних деньках из детства, которое она провела в Бофорте. Чертовски хотелось курить, однако у нее не было никакого желания препираться с жестяной коробочкой.

Машина сбросила газ и остановилась. Голос из динамика сказал:

– Приехали. Можешь выходить.

– Что, здесь?

– Нужный дом прямо перед тобой.

Молли взглянула на четырехэтажное кирпичное здание. Окна первого этажа были зарешечены. На тротуаре поблескивало битое стекло.

– Вы, наверное, шутите, – удивилась она.

– Входная дверь открыта. Поднимешься на третий этаж, последняя дверь справа. Стучать не надо, просто входи.

– Роми ничего такого не говорил.

– Роми сказал, ты не будешь упрямиться.

– Да, но вообще-то...

– Это всего лишь часть игры, Молли.

– Какой игры?

– Фантазии твоего клиента. Знаешь ведь, как это бывает.

Молли тяжело вздохнула и снова посмотрела на здание. Ох уж эти клиенты с их фантазиями! Какого хрена вообразил себе этот парень? Трахаться в компании крыс и тараканов? Чуточку опасности, капельку мерзости для обострения удовольствия? И почему фантазии клиентов никогда не совпадают с ее собственными? Уютный гостиничный номер с джакузи, Ричард Гир с Красоткой попивают шампанское...

– Он ждет.

– Да иду я, иду, – Молли распахнула дверь и ступила на тротуар. – Вы ведь меня дождетесь, верно?

– Буду на этом самом месте.

Она повернулась к дому и вздохнула. Затем поднялась по ступенькам и толкнула дверь.

Внутри вид был не лучше, чем снаружи. Все стены изрисованы, коридор завален газетами и ржавыми пружинами. Это ж надо было постараться устроить такую помойку!

Молли пошла вверх по лестнице. В здании царила зловещая тишина, и перестук ее каблуков эхом отражался от стен. Дойдя до второго этажа, она заметила, что у нее взмокли ладони.

Что-то здесь не так. Совсем не так.

Она остановилась на лестничной площадке, глядя в сторону третьего этажа. «Во что ты меня втянул, Роми? И что вообще это за клиент?»

Обтерев влажные ладони о блузку, она вздохнула и поднялась еще на один пролет. В коридоре третьего этажа она остановилась у последней двери справа. Изнутри доносилось какое-то жужжание – кондиционер? Она открыла дверь.

Ее обдало волной прохлады. Сделав шаг внутрь, она к своему изумлению очутилась в комнате с белоснежными стенами. Посередине стояло что-то вроде стола для врачебного осмотра с обивкой из красно-коричневого винила. Никакой другой мебели в комнате не было, даже стула.

– Здравствуй, Молли.

Она резко обернулась, ища глазами человека, назвавшего ее по имени. Но в комнате никого не было.

– Где вы? – спросила она.

– Тебе нечего бояться. Я просто немного застенчив. Сначала мне хотелось бы взглянуть на тебя.

Молли обратила внимание на зеркало, висевшее на дальней стене.

– Вы там, сзади, верно? Это что-то вроде одностороннего зеркала?

– Умница.

– Так чего вы от меня хотите?

– Поговори со мной.

– И все?

– А потом еще кое-что.

Ну, разумеется. Потом всегда еще кое-что. Она подошла – почти непроизвольно – к зеркалу. Он сказал, что стесняется. Ей стало немного легче. Так, пока все под контролем. Она встала, уперев руку в обтянутое мини-юбкой бедро.

– Ладно. Если вы хотите поговорить, пожалуйста – деньги-то ваши.

– Сколько тебе лет, Молли?

– Шестнадцать.

– У тебя регулярный цикл?

– Что?

– Менструации у тебя регулярные?

Она хихикнула:

– Ничего себе!

– Отвечай на вопрос.

– Ну да, вроде регулярные.

– И последняя была две недели назад?

– Откуда вы это знаете? – удивилась она. Затем, тряхнув головой, пробормотала: – А, вам Роми сказал.

Роми, конечно, знал. Он всегда был в курсе, когда к его девочкам «приходили гости».

– Ты здорова, Молли?

Она сердито уставилась в зеркало.

– А что, по мне не скажешь?

– Заболеваний крови нет? Гепатита? ВИЧ-инфекции?

– Я чистая, вы ничего не подцепите, если это вас так беспокоит.

– Сифилис? Гонорея?

– Слушайте, – огрызнулась она. – Вы трахаться хотите или как?

Молчание. Затем голос тихо произнес:

– Разденься.

Это было уже кое-что. Этого она и ожидала.

Она подошла к зеркалу – так близко, что от ее дыхания стекло тут же запотело. Он захочет увидеть все до мельчайших подробностей. Они всегда этого хотят. Она стала раздеваться – неторопливо, затягивая представление. Расстегнув блузку, она позволила себе больше ни о чем не думать, спрятаться в некое мысленное убежище, где не было места мужчинам. Она покачивала бедрами, словно танцуя под воображаемую мелодию. Блузка скользнула с плеч на пол. Сейчас Молли стояла с обнаженной грудью, от холода ее соски затвердели. Она закрыла глаза. Почему-то это помогало.

«Скорей бы уж, – думала она. – Перепихнуться с ним и свалить отсюда».

Расстегнутая юбчонка упала к ногам, Молли переступила через нее. Затем стянула трусики. Все это она проделала, не открывая глаз. Роми говорил, у нее красивое тело. И если она правильно будет им пользоваться, никто не обратит внимания на невзрачное лицо. Сейчас она и пыталась использовать свое тело, танцуя под музыку, которую слышала только она.

– Отлично, – сказал мужчина. – Можешь больше не танцевать.

Она открыла глаза и недоуменно уставилась в зеркало. Оттуда глядело ее отражение. Жидковатые каштановые волосы. Груди маленькие, но вполне приметные. Мальчишеские узкие бедра. Танцуя с закрытыми глазами, она играла роль. Теперь же столкнулась лицом к лицу с собственным образом. С самой собой. Она непроизвольно скрестила руки, прикрывая нагую грудь.

– Иди к столу, – велел он.

– Что?

– К столу для осмотра. Ляг на него.

– Ладно. Если тебя это заводит.

– Меня это заводит.

У каждого свои заморочки. Она влезла на стол. Красновато-коричневый винил холодил голые ягодицы. Она легла и стала ждать, что будет дальше.

Дверь открылась, послышались шаги. Молли удивленно поглядела на человека, который подошел к изножью стола и склонился над ней. Он был одет во все зеленое, даже лица почти не было видно, только глаза –

голубые, холодно-стальные. Они внимательно рассматривали ее поверх маски.

Молли встревоженно села.

– Ложись, – приказал он.

– Какого черта ты тут вытворяешь?

– Я сказал, ляг.

– Черт, я сваливаю…

Он схватил ее за руку. Только теперь она заметила, что на нем перчатки.

– Послушай, я не причиню тебе вреда, – сказал он; голос его смягчился, стал почти ласковым. – Разве ты не понимаешь? В этом и состоит моя фантазия.

– То есть – играть в доктора?

– Да.

– А я, стало быть, твоя пациентка?

– Да. Это тебя пугает?

Она сидела, раздумывая. Вспоминая все те причуды, которые приходилось терпеть по милости клиентов. И нынешняя, при таком раскладе, казалась относительно безобидной.

– Хорошо, – согласилась она, снова укладываясь.

Выдвинув упоры для ног, он сказал:

– Давай, Молли. Наверняка ты знаешь, куда деть ножки.

– Это так нужно?

– Я же доктор, забыла?

Она вгляделась в закрытое маской лицо, гадая, что скрывает этот прямоугольник ткани. Наверняка, это самый обыкновенный мужчина. Все они такие обыкновенные! И только их фантазии внушали ей отвращение. Пугали ее.

Она неохотно задрала ноги.

Он чем-то щелкнул под столом, и изножье опустилось чуть ниже. Теперь Молли лежала, широко разведя бедра, обнаженные ягодицы почти свешивались с края стола. Она много раз демонстрировала себя мужчинам, однако в этой позе было что-то страшно уязвимое. Да еще эти яркие лампы, которые светят прямо в промежность. И эта полная нагота на смотровом столе. И человек, чей пристальный взгляд с врачебной отчужденностью сосредоточен на самой интимной части ее тела.

Он обернул ленту на «липучке» вокруг ее лодыжки.

– Эй, – возмутилась она. – Не люблю, когда меня связывают.

– А я люблю, – промурлыкал он, закрепляя вторую ленту. – Люблю, когда девочки лежат вот так.

Она дернулась, когда он ввел обтянутые перчаткой пальцы в ее тело. Склонившись к ней и сосредоточенно прищурившись, он продвигал пальцы все глубже. Молли закрыла глаза и попыталась отвлечься, не думать о происходящем, однако эти ощущения трудно было игнорировать. Как будто грызун копался у нее внутри. Человек в маске положил одну руку поверх ее живота, в то время как пальцы другой продолжали двигаться внутри. Почему-то это казалось Молли худшим насилием, чем обычный половой акт, ей хотелось, чтобы все побыстрее закончилось. «Ну, что, придурок, заводит это тебя? – думала она. – Стоит уже? Когда ж ты начнешь-то наконец?

Он вытащил руку. Молли облегченно обмякла. Открыв глаза, она увидела, что он больше не смотрит на нее. Его взгляд был направлен куда-то за пределы ее поля зрения. Человек кивнул.

Только тут она поняла, что в комнате есть еще кто-то.

Резиновая маска накрыла ее нос и рот. Молли хотела было вывернуться, но ее голова была прижата к столу. Она попыталась высвободить голову, отчаянно царапая края маски. Ее тут же схватили за руки и надежно привязали запястья к столу. Судорожным вдохом она втянула резко пахнущий газ, ощутив, как он обжигает гортань, и тут же зашлась в приступе спазматического кашля. Молли снова попыталась скинуть маску, но та держалась крепко. Непроизвольно она сделала еще вдох. Она переставала чувствовать свои руки и ноги. Свет стал меркнуть; ярко-белое стало серым.

Черным.

Она услышала чей-то голос:

– А теперь бери кровь.

Но эти слова уже ничего для нее не значили. Совсем ничего.

– Ох ты, господи! Что же ты тут наделала!

Голос принадлежал Роми – это все, что она смогла понять. Остальное, похоже, оставалось за пределами ее сознания. Где она? И где была?

Почему так болит голова и пересохло в горле?

– Ну же, Молли-Дуролли, открой глаза.

Она застонала. От собственного стона у нее зазвенело в голове.

– Твою мать, открой глаза, Молли. Ты изгадила всю комнату.

Она перевернулась на спину. Сквозь прикрытые веки свет казался кроваво-красным. Она предприняла отчаянную попытку открыть глаза и поймать взглядом лицо Роми.

Его темные глаза смотрели на нее с отвращением. Напомаженные волосы были зачесаны назад и блестели на свету, как медный шлем. Софи тоже была здесь. Она стояла, скрестив руки поверх шарообразных грудей, на лице читалась легкая насмешка. Молли охватило еще большее отчаяние, когда она увидела Софи и Роми, стоявших бок о бок, словно давние любовники, которыми они когда-то были. А может, оставались до сих пор. Эта лошадиная морда, Софи, вечно торчит поблизости, стараясь оттереть Молли. А теперь она еще приперлась в ее комнату, куда не имела никакого права приходить.

Разозлившись, Молли попыталась сесть, однако в глазах потемнело, и она снова повалилась на кровать.

– Мне плохо, – пробормотала она.

– Тебе уже давно плохо, – уточнил Роми. – А теперь давай, приведи себя в порядок. Софи тебе поможет.

– Я не хочу, чтобы она до меня дотрагивалась. Убери ее отсюда.

– Сдалась мне твоя халупа, плоскодонка! – фыркнула Софи и вышла.

Молли простонала:

– Роми, я не помню, что со мной произошло.

– Да ничего не произошло. Ты вернулась и пошла спать. И заблевала всю подушку.

Она еще раз попыталась сесть. Помогать ей он не стал, вообще не дотронулся. Еще бы, от нее такой ужасный запах. Он встал и направился к двери, предоставив ей самой возиться с грязным постельным бельем.

– Роми, – окликнула она.

– А?

– Как я сюда попала?

Он засмеялся:

– Офигеть! Здорово ты нахрюкалась, а? – Он вышел.

Молли долго сидела, спустив ноги с кровати, пытаясь восстановить события последних нескольких часов. Стараясь избавиться от остаточного головокружения.

Она помнила только, что был клиент. Человек в зеленом. Какая-то комната с огромным зеркалом. И там был стол.

Однако самого секса она не помнила. Возможно, она постаралась выкинуть его из головы. Возможно, это было так отвратительно, что она загнала это в подсознание, – такой способ защиты она успешно применяла с самого детства. Лишь иногда она позволяла обрывкам детских воспоминаний вернуться. Это были главным образом хорошие воспоминания, у нее имелось несколько таких – о ее детстве в Бофорте, и она могла по своему желанию вызывать их. Или подавлять – тоже по желанию.

Но что произошло сегодня днем – она вообще не могла вспомнить.

Боже, ну и воняет от нее! Она посмотрела на блузку – та была испачкана рвотой. Пуговицы были застегнуты неправильно, через не-застегнутые промежутки виднелось голое тело.

Она принялась раздеваться: скинула блузку, стянула мини-юбку и оставила их горкой лежать на полу. Нетвердым шагом добравшись до душа, она пустила воду.

Похолоднее. Ей нужен холод.

Под летящими из душа струйками в ее голове начало немного проясняться. При этом еще одно смутное воспоминание обрело четкость.

Человек в зеленом нависает над ней. Разглядывает ее. И путы, охватившие ее запястья и лодыжки.

Она посмотрела на руки и увидела кольцеобразные следы, словно от наручников. Он привязал ее – не так уж необычно. Ох уж эти мужчины с их безумными забавами.

Затем ее взгляд остановился на другом синяке – на сгибе левой руки. Он был совсем бледный, она с трудом разглядела синеватый кружок. А в самом его центре, словно сердцевина мишени, виднелся след от укола.

Она попыталась вспомнить иглу, но не смогла. Все, что ей припоминалось, – человек в хирургической маске. И еще стол.

Холодная вода стекала по ее плечам. Дрожащая Молли глядела на след от иглы, спрашивая себя, что же еще она забыла.

3

Из динамика на стене раздался голос медсестры:

– Доктор Харпер, срочно подойдите сюда.

Тоби Харпер очнулась, обнаружив, что заснула прямо у себя за столом, положив голову на стопку медицинских журналов. Она неохотно выпрямилась, щурясь от света настольной лампы. Латунные часы на столе показывали 4.49 утра. Неужели она и впрямь проспала почти сорок минут? Ей казалось, что она прилегла всего минуту назад. Строчки в журнальной статье, которую она читала, начали расплываться, и она подумала, что нужно дать глазам немного отдохнуть. Большего и не требовалось, всего лишь короткая передышка от скучного текста, набранного к тому же нестерпимо мелким шрифтом. Журнал все еще был открыт на той статье, в которой она пыталась разобраться; на смятой странице остался отпечаток щеки. «Рандомизированное контрольное исследование сравнения эффективности ламивудина и зидовудина в лечении ВИЧ-пациентов с количеством CD4+ клеток менее чем 500 на см3». Она закрыла журнал. Боже. Неудивительно, что она уснула.

В дверь постучали, и в кабинет заглянула Модин. Отставной майор Модин Коллинз обладала громовым голосом, который никак не вязался с ее ростом в метр с кепкой и внешностью эльфа.

– Тоби! Ты что, уснула?

– Похоже, задремала. Что у вас там?

– Нарыв на ступне.

– В такое-то время?

– У пациента кончился колхицин, и он считает, что у него разыгралась подагра.

– Боже! – простонала Тоби. – Почему эти чокнутые пациенты так непредусмотрительны?

– Они принимают нас за дежурную аптеку. Слушай, мы пока оформляем его бумаги, так что можешь не торопиться.

– Я сейчас приду.

После ухода Модин Тоби потратила еще немного времени на то, чтобы окончательно проснуться. Ей хотелось вести себя более или менее разумно при разговоре с пациентом. Она поднялась из-за стола и подошла к раковине. Дежурство продолжалось уже десять часов, и до сих пор не произошло ничего особенного. Именно поэтому хорошо работать в тихом пригороде вроде Ньютона. Порой в отделении неотложной помощи клиники Спрингер подолгу не происходило ровным счетом ничего. В таких случаях Тоби могла прилечь на кушетке в ординаторской и вздремнуть, если бы захотелось. Она знала, что другие врачи на ночных дежурствах так и делали, но Тоби, как правило, сопротивлялась искушению. Ей платили за двенадцатичасовое ночное дежурство, и, по ее мнению, неэтично было бы проводить часть этого времени в бессознательном состоянии.

Вот тебе и этика, подумала она, разглядывая свое отражение. Тоби уснула на работе, и последствия тут же сказались на внешности: зеленые глаза припухли, журнальная страница оставила следы типографской краски на щеке. Дорогая стрижка, сделанная в салоне, растрепалась и походила больше на ощетинившегося белобрысого ежа. Вот оно, истинное лицо всегда аккуратной и элегантной Тоби Харпер – не такой уж на поверку и элегантной.

Тоби раздраженно повернула кран и принялась яростно тереть щеку, избавляясь от краски. Затем обрызгала волосы и пальцами зачесала их назад. К черту дорогую стрижку! По крайней мере, теперь Тоби больше не походит на перезрелый одуванчик. Вот с припухшими глазами и проявившимися от усталости морщинками ничего не сделаешь. Да, в тридцать восемь ночные бдения не проходят бесследно, не то что в двадцать пять, когда она студенткой засиживалась до утра за книжками.

Тоби вышла из кабинета и направилась вниз, в приемное отделение.

Там было пусто. Никто не сидел ни за стойкой регистратуры, ни в зале.

– Ау! – окликнула она.

– Доктор Харпер? – отозвался голос из переговорного устройства.

– Где все?

– Мы в ординаторской. Вы не могли бы сюда подойти?

– А как же пациент?

– У нас тут кое-какие трудности. Срочно зайдите сюда.

Трудности? Тоби не понравилось это слово. Ее пульс тут же подскочил до предела. Она бросилась в ординаторскую и распахнула дверь.

Ослепленная вспышкой фотоаппарата, она застыла на месте, и в тот же миг несколько голосов затянули:

– С днем рожденья тебя! С днем рожденья тебя…

Тоби подняла глаза и увидела красные и зеленые бумажные гирлянды, украшавшие комнату. А затем – торт, переливающийся огнями несметного количества свечей. Когда стихли последние ноты поздравительной песни, Тоби, спрятав лицо в ладони, простонала:

– Невероятно! А у меня совсем из головы вылетело.

– Зато у нас нет, – заметила Модин, снова щелкая своим фотоаппаратом. – Тебе же семнадцать, верно?

– Если бы. А что за шутник натыкал такую прорву свечек?

Морти, лаборант, поднял короткую пухлую ручку:

– Ну, меня просто вовремя не остановили.

– Видишь ли, Морти хотелось проверить нашу противопожарную систему…

– На самом деле это тест на работоспособность легких, – сказала Вэл, другая медсестра. – И чтобы пройти его, Тоби, тебе надо задуть их с первого раза.

– А если я не смогу?

– Придется делать тебе интубацию!

– Давай, Тоби! Загадай желание! – распорядилась Модин. – Пусть он будет высоким, смуглым и красивым.

– В моем возрасте лучше довольствоваться маленьким, толстым и богатым.

Охранник Арло пропел тенорком:

– Эй, а у меня есть два из трех названных качеств!

– А еще у тебя есть жена, – одернула его Модин.

– Ну, Тоби! Загадай желание!

– Да, загадывай!

Тоби села перед тортом, остальные четверо столпились вокруг нее, хихикая и толкаясь, словно расшалившиеся дети. Они были ее второй семьей, их роднила не кровь, а годы совместной и очень непростой работы в неотложке. Арло прозвал их ночную смену «Отрядом нянечек». Модин, Вэл и госпожа доктор. И Бог в помощь мужику, который явится к ним с жалобой на урологические проблемы.

«Желание, – подумала Тоби. – Чего я хочу? С чего бы начать?» Она втянула побольше воздуха и дунула. Под взрыв аплодисментов все свечи погасли.

– Отлично! – похвалила Вэл и начала вытаскивать свечки.

Внезапно она взглянула в окно. Все непроизвольно посмотрели туда же.

Полицейская машина, мигая синим маячком, вкатила на парковку.

– У нас клиент, – заметила Модин.

– Что ж, – вздохнула Вэл. – Девушкам пора поработать. А вы, мальчики, глядите, не слопайте весь торт в наше отсутствие.

Арло наклонился к Морти и шепнул:

– Да ладно, девчонки все равно вечно на диете…

Тоби повела подчиненных в холл. Едва женщины подошли к стойке приемной, как автоматические двери отделения неотложной помощи разъехались.

На пороге возник молоденький полицейский.

– Эй, мы тут подобрали одного старикана, он у нас в машине. Слонялся по парку. Не хотите взглянуть на него, дорогие дамы?

Тоби последовала за полицейским на парковку.

– Он ранен?

– Вроде нет. Но явно не в себе. Алкоголь я не унюхал, так что, думаю, это Альцгеймер. Или диабетический шок.

Отлично, подумала Тоби. Полицейский, который возомнил себя врачом.

– Он в сознании?

– Да. Он там, на заднем сиденье.

Полицейский открыл заднюю дверь патрульной машины.

Совершенно голый человек с тонкими ручками и ножками сидел, сжавшись в комок и мотая лысой головой из стороны в сторону. Он что-то бормотал себе под нос, Тоби не смогла разобрать слова. Что-то вроде «пора ложиться спать».

– Нашли его на скамейке в парке, – сообщил второй полицейский, который выглядел еще моложе своего партнера. – Тогда на нем еще было белье, но он снял его в машине. Остальную одежду мы нашли в парке, она на переднем сиденье.

– Хорошо, давайте отвезем его в помещение. – Тоби кивнула Вэл; та уже стояла с креслом на колесах.

– Давай, приятель, – подбодрил мужчину полицейский, – эти милые дамы о тебе позаботятся.

Но тот, еще крепче обхватив себя руками, принялся раскачиваться на своей худосочной попе.

– Не могу найти пижаму…

– Мы дадим вам пижаму, – пообещала Тоби. – Вы пойдете с нами внутрь, сэр. Мы подвезем вас на этом кресле.

Старик медленно повернулся и уставился на нее:

– Но я вас не знаю.

– Я доктор Харпер. Давайте-ка я помогу вам выйти из машины.

Она протянула ему руку.

Он воззрился на ее ладонь так, словно никогда не видел ничего подобного. Но в конце концов тоже потянулся к ней. Тоби обхватила его за талию и помогла вылезти из машины. Ощущение было такое, словно тащишь вязанку хвороста. Вэл подскочила с креслом – очень вовремя, поскольку ноги у мужчины начали подкашиваться. Его усадили в кресло, поместив голые ступни на специальную подставку. Вэл покатила его в приемный покой. Тоби вместе с одним из юных пухлощеких полицейских последовала за ними.

– Что-нибудь о нем известно?

– Нет, мэм. Он ничего нам не сообщил. Но не похоже, что он причинил себе какой-то вред, ничего такого.

– У него есть хоть какое-нибудь удостоверение личности?

– В кармане брюк лежит бумажник.

– Хорошо, нам нужно связаться с кем-нибудь из его ближайших родственников и выяснить, какие у него проблемы со здоровьем.

– Я принесу из машины его вещи.

Тоби прошла в смотровой кабинет.

Модин и Вэл, уже разместившие пациента на каталке, пристегивали его запястья ремнями к боковинам. Он все еще бормотал что-то про свою пижаму и делал неуверенные попытки сесть. Он все еще был голым, если не считать простыни, аккуратно прикрывавшей его бедра. От холода его грудь и руки время от времени покрывались мурашками.

– Он говорит, его зовут Гарри, – сообщила Модин, обертывая манжету тонометра вокруг руки старика. – Обручального кольца нет. Явных синяков тоже. Судя по запаху, ему пора помыться.

– Гарри, – обратилась к нему Тоби. – Вы не пострадали? У вас болит что-нибудь?

– Выключите свет. Я хочу спать.

– Гарри…

– Я не могу спать при этом чертовом свете.

– Давление сто пятьдесят на восемьдесят, – сказала Модин. – Пульс сто, ровный. – Она достала электронный термометр. – Давай-ка, милый. Положим это в ротик.

– Я не голоден.

– А это не едят, дорогой. Нам нужно измерить температуру.

Тоби не стала подходить ближе и несколько секунд разглядывала мужчину со стороны. Он мог двигать всеми четырьмя конечностями; несмотря на худобу, отличался сухой и жилистой мускулатурой, так что, похоже, не голодал. Его гигиеническое состояние – вот что не нравилось Тоби. Щеки старика покрывала по крайней мере недельная седая щетина, под нестрижеными ногтями чернела грязь. И Модин была права насчет запаха. Гарри действительно следовало помыться.

Электронный термометр пискнул, Модин вытащила его изо рта мужчины, посмотрела на датчик и нахмурилась.

– Тридцать семь и девять. Ты нормально себя чувствуешь, милок?

– Где моя пижама?

– Ух ты, у тебя и вправду заело.

Посветив фонариком пациенту в рот, Тоби увидела золотые коронки, их было пять. Взглянув на зубы пациента, многое можно сказать о социально-экономическом статусе человека. Пломбы и золотые коронки – средний класс и выше. Гнилые зубы и плохие десны выдают владельца пустого банковского счета. Либо того, кто смертельно боится зубного. В его дыхании не ощущалось ни алкоголя, ни фруктового запаха, свидетельствующего о диабетическом кетозе.

Осмотр она начала с головы. Ощупав череп, Тоби не обнаружила ни явных трещин, ни шишек. С помощью фонарика проверила реакцию зрачков – все в норме. То же самое можно было сказать о движениях глаз и рвотном рефлексе. Судя по всему, черепные нервы не задеты.

– Шли бы вы отсюда, – сказал он. – Я спать хочу.

– Вы ничего не повредили, Гарри?

– Не могу найти свою чертову пижаму. Вы ее взяли?

Тоби посмотрела на Модин.

– Так, давайте возьмем кровь. На общий анализ, на электролиты, на сахар. Нужно подготовить еще несколько пробирок с красной пробкой для биохимии и токсикологии. А еще нам нужно собрать мочу – видимо, при помощи катетера.

– Есть. – Модин уже держала наготове жгут и шприц.

Вэл придержала руку Гарри, чтобы та взяла кровь. Пациент, казалось, и не заметил, что ему вводили иглу.

– Все в порядке, дорогой, – сказала Модин, заклеивая место укола пластырем. – Ты очень хороший пациент.

– Вы не знаете, куда я положил свою пижаму?

– Я выдам тебе новую, прямо сейчас, подожди минутку. – Модин собрала пробирки. – Я отправлю их с пометкой «Джон Доу».

– Его зовут Гарри Слоткин, – сообщил один из полицейских. Он успел сходить к патрульной машине и теперь стоял в дверях, держа в руках брюки пациента. – Проверил его бумажник. Судя по паспорту, ему семьдесят два, живет в Синичьем переулке, дом сто девятнадцать. Это дальше по шоссе, в Казаркином Холме, том новом районе.

– Ближайшие родственники?

– Здесь есть телефон для экстренных случаев. Некто по имени Дэниел Слоткин. Номер бостонский.

– Я позвоню ему, – предложила Вэл и вышла из комнаты, задернув за собой штору.

Тоби осталась с пациентом. Она продолжила осмотр. Послушала сердце и легкие старика, прощупала брюшную полость и сухожилия. Она постукивала, тыкала и нажимала – ничего особенного не обнаруживалось. Возможно, это просто Альцгеймер, подумала она, отходя на шаг, чтобы как следует разглядеть пациента. Она слишком хорошо знала признаки этой болезни: нарушение памяти, ночные блуждания. Личность распадается, частичка за частичкой. Темнота губительна для этих больных. Стоит дневному свету померкнуть, они теряют зрительный контакт с окружающим миром. Возможно, Гарри Слоткин тоже стал жертвой сумерек: ночные психозы – обычное дело для страдающих Альцгеймером.

Тоби взяла обычный регистрационный бланк и начала писать, используя стандартные медицинские сокращения: ОПС – основные показатели стабильны; ЗОКР – зрачки одинаковые, круглые, реагируют на свет.

– Тоби! – позвала Вэл из-за шторы. – Я дозвонилась сыну господина Слоткина, он на линии.

– Иду, – отозвалась Тоби.

Она повернулась, чтобы отодвинуть занавеску. Тоби не знала, что по другую сторону от шторы стоит мобильный реанимационный набор. Она задела поднос; стальная кювета с грохотом упала на пол.

Тоби нагнулась, чтобы ее поднять, и в этот момент услышала за спиной другой звук – странное ритмичное постукивание. Она посмотрела на каталку.

У Гарри Слоткина подергивалась правая нога.

«У него припадок?»

– Господин Слоткин! – позвала Тоби. – Посмотрите на меня. Гарри, посмотрите на меня!

Взгляд мужчины сосредоточился на ее лице. Он все еще был в сознании, все еще мог реагировать на ее указания. Губы его двигались, неслышно складывая слова, но никаких звуков слышно не было.

Внезапно подергивание прекратилось, теперь нога лежала спокойно.

– Гарри!

– Я так устал, – пожаловался он.

– Что это было, Гарри? Вы пытались пошевелить ногой?

Он закрыл глаза и вздохнул:

– Погасите свет.

Тоби хмуро поглядела на пациента. Так что же это было – припадок? Или попытка высвободить привязанную лодыжку? Сейчас он выглядел совершенно спокойным, обе ноги лежали неподвижно.

Доктор отодвинула штору и подошла к сестринскому посту.

– Его сын на третьей линии, – сообщила Вэл.

Тоби взяла трубку.

– Алло! Господин Слоткин? Это доктор Харпер из клиники Спрингер. Вашего отца только что привезли к нам в отделение неотложной помощи. Похоже, он не пострадал, однако…

– Что с ним?

Тоби умолкла, озадаченная резкостью в голосе Дэниела Слоткина. Что это, раздражение? Или страх? Она спокойно ответила:

– Полиция нашла его в парке и привезла сюда. Он взволнован и растерян. Никаких очаговых неврологических проблем я не нахожу. Он не страдал болезнью Альцгеймера или какими-то другими заболеваниями?

– Нет. Нет, он никогда не болел.

– И слабоумия у него тоже не было?

– Отец соображает лучше меня.

– Когда вы последний раз видели его?

– Не знаю. Несколько месяцев назад, наверное.

Тоби выслушала это молча. Дэниел Слоткин проживает в Бостоне, то есть менее чем в сорока километрах отсюда. Не то расстояние, которым можно было бы объяснить нерегулярность встреч отца и сына.

Словно почувствовав ее незаданный вопрос, Дэниел Слоткин добавил:

– У моего отца очень насыщенная жизнь. Гольф. Ежедневный покер в местном клубе. Нам не всегда удается выбрать время для встречи.

– И несколько месяцев назад он был в ясном рассудке?

– Можно сказать и так. Когда я в последний раз виделся с отцом, он прочитал мне лекцию по инвестиционной стратегии. Все, от фондовых опционов до цен на сою. Даже для моей головы это чересчур.

– Он принимал лекарства?

– Насколько я знаю, нет.

– Вам известно имя его врача?

– Он посещал специалиста в частной клинике, что находится в Казаркином Холме, где он и живет. По-моему, фамилия доктора Валленберг. Послушайте, и насколько же не в себе мой отец?

– Полиция нашла его на скамейке в парке. Он снял с себя всю одежду.

Последовало долгое молчание.

– Боже.

– Я не вижу никаких внешних повреждений. Раз вы говорите, что слабоумия у него не было, значит, мы имеем дело с чем-то другим. Возможно, с микроинсультом. Или какие-то проблемы с обменом веществ.

– С обменом веществ?

– Например, повышенный уровень сахара в крови. Или пониженный уровень натрия. Оба эти фактора могут вызвать расстройство сознания.

Она услышала, как человек на том конце провода глубоко вздохнул. В этом звуке чувствовалась усталость. И возможно, разочарование. Пять часов утра. Разбуди любого в такое время да такими новостями – что ж удивляться утомленному тону.

– Было бы хорошо, если бы вы смогли приехать, – сказала Тоби. – Возможно, знакомое лицо его успокоит.

Молчание.

– Господин Слоткин!

– Видимо, придется, – вздохнул он.

– Если кто-то другой из членов семьи может это сделать…

– Больше никого нет. В любом случае он будет ожидать, что я появлюсь. Чтобы убедиться, что все делается правильно.

Тоби повесила трубку. В последних словах Дэниела Слоткина ей почудилась некая угроза: «убедиться, что все делается правильно». А почему, интересно, она должна была что-то сделать неправильно?

Она снова сняла трубку и, набрав номер клиники Казаркин Холм, оставила сообщение, что их пациент Гарри Слоткин находится в отделении неотложной помощи с расстройством сознания. Затем она позвонила на пейджер технику рентгенкабинета.

Через минуту тот перезвонил из дома, его сонный голос звучал неуверенно:

– Это Вине. Вызывали?

– Это доктор Харпер из неотложки. Нужно, чтобы ты пришел и немедленно сделал компьютерную томографию.

– Как зовут пациента?

– Гарри Слоткин. Мужчина, семьдесят два года, с острым расстройством сознания.

– Хорошо, буду через десять минут.

Тоби повесила трубку и уставилась на свои записи. «Что я просмотрела? – размышляла она. – Что еще мне надо проверить?» Она мысленно перебрала причины, которые могли бы вызвать приступ слабоумия. Инсульты. Опухоли. Внутричерепные кровотечения. Инфекции.

Она еще раз взглянула на основные показатели. Модин записала оральную температуру 37,9. Жара нет, но все-таки выше нормы. Ему нужно будет сделать пункцию спинного мозга, но уже после томографии. Если там какое-то новообразование, пункция может привести к катастрофическому скачку внутричерепного давления.

Вой сирены заставил ее оторвать глаза от записей.

– Что еще? – сказала Модин.

Тоби вскочила и уже ждала у входа, когда, продолжая истошно завывать, подкатила «скорая».

– У нас тут экстренная! – закричал водитель.

Все рванули выгружать носилки. Тоби бросила взгляд на тучную женщину: ее лицо было бледным, рот полуоткрыт; эндотрахеальная трубка уже была закреплена на месте.

– У нее по дороге упало давление… Мы подумали, что лучше заскочить сюда, чем ехать дальше в Ханеман…

– Что с ней? – рявкнула Тоби.

– Нашли на полу. Инфаркт шесть недель назад. Муж сказал, она принимает дигоксин…

Они поспешно вкатили пациентку в отделение. Водитель неловко продолжал давить ей на грудь, что было очень неудобно на ходу. Наконец свернули в травмпункт. Вэл шлепнула по выключателю. Слепящий верхний свет залил все вокруг.

– Так, все тут? Беремся… Она большая. Осторожно с капельницей! Раз, два, три, взяли!

Одним плавным движением четыре пары рук переложили пациентку с каталки на стол. Никому не надо было говорить, что делать. Несмотря на кажущуюся неразбериху экстренной ситуации, в хаосе был свой порядок. Водитель снова начал непрямой массаж сердца. Второй фельдшер продолжал качать в легкие кислород. Модин и Вэл суетились вокруг стола, разматывая трубки капельниц и подсоединяя провода электрокардиографа к кардиомонитору.

– У нас синусовый ритм, – сообщила Тоби, взглянув на экран. – На секунду остановите компрессию.

Водитель перестал жать на грудную клетку.

– Пульс едва прощупывается, – сказала Вэл.

– Увеличь напор в капельнице, – велела Тоби. – Давление есть?

Вэл перевела взгляд с манжеты:

– Пятьдесят на ноль. Допамин капать?

– Неси. Возобновите компрессию.

Водитель положил скрещенные ладони на грудину и снова начал ритмичные надавливания. Модин метнулась к столику с набором инструментов для неотложной помощи и вытащила шприцы и ампулы.

Тоби шлепнула стетоскоп на грудь пациентки и прослушала область сначала правого легкого, затем левого. С обеих сторон улавливались отдаленные звуки дыхания. Это означало, что трубка стоит правильно и воздух в легкие поступает.

– Приостановите надавливания, – попросила она и передвинула стетоскоп к сердцу.

Удары были еле слышны.

В очередной раз глянув на монитор, она увидела учащенный синусовый ритм. Электрическая система сердца не нарушена. Почему же у нее нет пульса? Либо у пациентки шок от кровопотери, либо…

Тоби внимательно посмотрела на шею, и ответ стал для нее очевиден. Из-за тучности не сразу заметно, что шейные вены женщины вздуты.

– Вы сказали, у нее был инфаркт шесть недель назад? – уточнила Тоби.

– Да, – отозвался водитель, возобновляя надавливания на грудную клетку. – Так сказал ее муж.

– Какие-то еще препараты, кроме дигоксина, она принимала?

– На ее прикроватной тумбочке стоял большой пузырек с аспирином. Думаю, у нее артрит.

«Вот оно что», – подумала Тоби.

– Модин, дай мне пятидесятикубовый шприц и иглу для пункции перикарда.

– Есть!

– И кинь мне перчатки и салфетку с бетадином!

В ее сторону полетел пакет. Она поймала его в воздухе и надорвала.

– Прекратите надавливания, – велела она.

Водитель отступил назад.

Тоби поспешно обтерла кожу бетадином, натянула перчатки и взяла шприц. Затем еще раз бросила взгляд на монитор. Там по-прежнему наблюдался учащенный синусовый ритм. Она сделала глубокий вдох.

– Ладно. Посмотрим, поможет ли это…

Используя костистый выступ мечевидного отростка в качестве ориентира, она пронзила кожу и направила иглу к сердцу. Медленно продвигая иглу, Тоби чувствовала, как бухает ее собственное сердце. И в это же время она потянула назад поршень, создавая небольшое отрицательное давление.

Кровь хлынула в шприц.

Она застыла на месте. Руки были абсолютно тверды. «Боже, только бы игла оказалась в нужном месте!» Она продолжила выдвигать поршень, постепенно закачивая кровь в шприц. Двадцать кубиков. Тридцать. Тридцать пять…

– Давление! – выкрикнула она и услышала быстрое «шших, шших» заполняемой манжеты.

– Есть! Измеряю! – воскликнула Вэл. – Восемьдесят на пятьдесят!

– Мне кажется, теперь все понятно, – заметила Тоби. – Нам нужен хирург. Модин, свяжись с доктором Кэри. Скажи ему, у нас перикардиальная тампонада.

– Из-за инфаркта? – поинтересовался шофер «скорой».

– Плюс большая доза аспирина, что усугубляет кровотечение. У нее, возможно, разрыв миокарда.

Окруженное кровью в тесной сумке перикарда, сердце не может расширяться. Не может качать кровь.

Шприц наполнился. Тоби вытащила иглу.

– Давление выросло до девяноста пяти, – сообщила Вэл.

Модин положила трубку висевшего на стене телефона.

– Доктор Кэри едет. Его бригада тоже. Он велел держать ее в стабильном состоянии.

– Легко сказать, трудно сделать, – пробормотала Тоби, прощупывая пульс. Он определялся, но был нитевидным. – У нее опять накапливается кровь. Мне понадобятся еще один шприц и игла, и побыстрее. Мы можем определить ее группу и найти для нее донорскую кровь? А заодно прямо сейчас сделаем анализ крови – общий и электролиты.

Модин протянула ей пригоршню пробирок.

– Восемь?

– Как минимум. Цельную кровь, если сможем раздобыть. И пришли сюда свежей замороженной плазмы.

– Давление упало до восьмидесяти пяти, – сказала Вэл.

– Черт! Придется это повторить.

Тоби разорвала новую упаковку со шприцем и отшвырнула обертку. Пол уже был усыпан обрывками бумаги и пластика, как обычно и происходило в экстренных случаях. «Сколько раз мне придется это повторять? – подумала она, нацеливая иглу. – Припирайся быстрее, Кэри. Я не могу спасать эту женщину в одиночку…»

Однако Тоби не была уверена, что они вместе смогут ее спасти. Если уж у нее действительно дыра в стенке желудочка, ей потребуется не просто торакальный хирург, а целая операционная бригада и шунтирование. Клиника Спрингер – небольшая пригородная больница, способная справляться с кесаревым сечением или простым удалением желчного пузыря, но не оборудованная для серьезных хирургических операций. Бригады «скорой помощи» обычно везут пострадавших с тяжелыми травмами не сюда, а дальше, в более крупные медицинские центры вроде больницы Бригема или Массачусетской больницы общего профиля.

Тем не менее этим утром «скорая», не подумав, доставила женщину в критическом состоянии прямо к дверям Тоби. А у нее для спасения жизни этой пациентки нет ни подготовки, ни персонала.

Второй шприц уже был полон крови. Еще пятьдесят кубиков – а она все не сворачивается.

– Давление снова падает, – сообщила Вэл. – Восемьдесят…

– Док, у нее вентрикулярная тахикардия! – встрял один из фельдшеров.

Тоби кинула взгляд на монитор. Ритм распался на зазубренный узор, характерный для фибрилляции желудочков. Работали только две из четырех камер сердца, но так быстро, что не справлялись с задачей.

– Дефибриллятор сюда! – гаркнула Тоби. – Начнем с трехсот джоулей.

Модин включила прибор. Стрелка устремилась к тремстам ватт-секунд.

Тоби приложила электроды к груди пациентки. Гелевое покрытие обеспечивало лучший электрический контакт с кожей. Она установила разрядные электроды.

– Назад! – велела она и нажала кнопку.

Пациентку встряхнуло, все мускулы одновременно дернулись, когда разряд тока прошил ее тело. Тоби посмотрела на монитор:

– Так, мы опять в синусе…

– Пульса нет. Я не нахожу пульс, – сказала Вэл.

– Возобновите реанимацию! – приказала Тоби. – И дайте мне новый шприц.

Однако, уже открывая пакет и вытаскивая иглу для пункции перикарда, Тоби знала, что они проигрывают эту битву. Можно откачивать кровь литрами, но она все равно наберется и будет давить на сердце. «Просто продержи ее до прихода хирурга. – Тоби повторяла это про себя, словно мантру. – Продержи ее. Продержи…»

– Опять вентрикулярная тахикардия! – воскликнула Вэл.

– Разряд на триста. И болюс лидокаина…

Зазвонил настенный телефон. Модин сняла трубку. Через несколько секунд обратилась к остальным:

– У Морти проблемы с подбором донорской крови по образцу, который я ему отправила! У пациентки третья группа с отрицательным резусом!

«Черт. Только этого еще не хватало!»

Тоби снова приложила электроды.

– Отойдите!

Снова тело женщины дернулось. И снова учащенный синусовый ритм.

– Есть пульс, – сообщила Вэл.

– Вводи лидокаин прямо сейчас. Где у нас мороженая плазма?

– Морти работает над этим, – сказала Модин.

Тоби посмотрела на циферблат. Они занимаются этой пациенткой около двадцати минут, а показалось – несколько часов. В окружающей суматохе, когда звонит телефон и все говорят разом, доктора Харпер внезапно охватила растерянность. Руки в перчатках взмокли, резина прилипла к коже. Ей не удавалось контролировать экстренную ситуацию…

«Контроль» – вот слово, которым жила Тоби. Она всеми силами стремилась к порядку и в своей жизни, и в своей работе. И вот теперь команда, которой она руководит, не справляется с задачей, и Тоби ничего не может поделать. Она не обучена взламывать грудную клетку и зашивать поврежденные стенки желудочков.

Тоби взглянула на лицо женщины. Оно было в пятнах, отвисшие щеки побагровели. Она знала, что сейчас клеткам мозга пациентки уже не хватает питания, они голодают. И умирают.

Водитель «скорой», измученный непрерывным массажем сердца, поменялся местами с напарником. Свежая пара рук продолжила работу.

Линия на мониторе распалась на неровные беспорядочные зубцы. Фибрилляция желудочков. Смертельный ритм.

Бригада действовала по обычному плану. Новые дозы противоаритмических препаратов. Лидокаин. Бретилиум. Все более сильные разряды тока. В отчаянии Тоби выкачала еще пятьдесят кубиков крови из перикарда.

Линия на мониторе сплющилась до извилистой полоски.

Тоби поглядела на остальных. Все понимали, что это конец.

– Ладно, – обессиленно выдохнула Тоби, и ее голос прозвучал устрашающе спокойно. – Хватит. Который час?

– Шесть одиннадцать, – отозвалась Модин.

«Мы продержали ее сорок пять минут, – подумала Тоби. – Большего мы сделать не могли. Никто бы не смог».

Фельдшеры «скорой» отступили назад. То же сделали и остальные. Это физическое отступление и несколько секунд почтительной тишины последовали почти рефлекторно.

Дверь распахнулась и доктор Кэри, торакальный хирург, продемонстрировал свой традиционный театральный выход.

– Где тампонада? – гаркнул он.

– Она только что скончалась, – сообщила Тоби.

– Что? Вы ее не стабилизировали?

– Мы пытались. Но не смогли ее удержать.

– Ну, и как долго вы ее тянули?

– Поверьте, – сказала Тоби. – Достаточно долго.

Она протиснулась мимо хирурга и вышла из помещения.

Она подсела к столу дежурной медсестры и, прежде чем заполнять бумаги, попыталась собраться с мыслями. Из травмпункта до нее доносились стенания доктора Кэри. Его, видите ли, вытащили из постели в полшестого утра, и ради чего? Ради пациентки, которую невозможно было стабилизировать? А подумать нельзя было, прежде чем нарушать его сон? Им что, неизвестно, что ему придется целый день проработать в операционной?

«И почему хирурги такие скоты?» – подумала Тоби, роняя голову на руки. Боже, неужели эта ночь никогда не кончится? Ей нужно продержаться еще час…

Несмотря на застилающую мозг усталость, она услышала, как разъехались двери отделения.

– Извините, – послышался голос. – Я бы хотел видеть своего отца.

Тоби посмотрела на человека с узким неулыбчивым лицом, который разглядывал ее, кривя рот, словно съел что-то горькое. Она поднялась со стула.

– Вы господин Слоткин?

– Да.

– Я доктор Тоби Харпер. – Она протянула руку.

Он пожал ее автоматически, без всякой сердечности. Даже кожа у него была холодной. Дэниел был по меньшей мере на тридцать лет моложе своего отца, но сходство с Гарри Слоткиным бросалось в глаза. Те же острые черты лица, узкие, резко очерченные брови. Но глаза у этого человека были другие – маленькие, темные и унылые.

– Мы еще не закончили обследование вашего отца, – сказала она. – Я пока не получила результаты анализов из лаборатории.

Он оглядел отделение и нетерпеливо вздохнул.

– Мне нужно вернуться в город к восьми. Могу я видеть его прямо сейчас?

– Конечно. – Она вышла из-за стола и повела его в палату Гарри Слоткина. Но, толкнув дверь, увидела, что там пусто. – Должно быть, его забрали на рентген. Я сейчас позвоню и узнаю, закончили с ним или нет.

Слоткин следом за ней подошел к столу и остановился, наблюдая, как она снимает трубку. Под его взглядом было неуютно. Тоби отвернулась и набрала номер.

– Рентген, – отозвался Вине.

– Это доктор Харпер. Как сканирование?

– Еще не делали. Только готовлю оборудование.

– Приехал сын пациента и хочет видеть его. Я направлю к тебе.

– А пациента здесь нет.

– Как?

– Я не забирал его. Он все еще в отделении.

– Я только что была в его палате. Его там… – Тоби осеклась.

Дэниел Слоткин стоял рядом и слышал тревогу в ее голосе.

– Какие-то проблемы? – спросил Винс.

– Нет, никаких проблем.

Тоби повесила трубку и посмотрела на Слоткина.

– Извините, – сказала она и направилась по коридору в смотровой кабинет № 3.

Гарри Слоткина там не было. Но каталка все еще стояла там, и простыня, которой его прикрывали, была смята и валялась на полу.

«Кто-то переложил его на другую каталку и перевез в другое помещение».

Тоби прошла к четвертому кабинету и отдернула штору. Никаких следов.

Направляясь по коридору к кабинету № 2, она чувствовала, как колотится сердце. Свет был погашен. Никто не оставил бы пациента в темной комнате. Тем не менее она щелкнула выключателем.

Еще одна пустая каталка.

– Вы что, не знаете, куда положили моего отца? – рявкнул Слоткин, выходя за ней в коридор.

Нарочито не обращая внимания на его вопрос, она зашла в травмпункт и задернула за собой штору.

– Где господин Слоткин? – шепотом спросила она сестру.

– Старичок этот? – переспросила Модин. – А разве Винс не забрал его на рентген?

– Он сказал, нет. Но я не могу его найти. А тут его сын.

– А ты в третьей смотрела?

– Я везде смотрела!

Модин и Вэл переглянулись.

– Надо проверить все коридоры, – сказала Модин, и они с Вэл выскочили за дверь, оставив Тоби разбираться с сыном.

– Где он? – потребовал ответа Слоткин.

– Мы пытаемся установить.

– Я думал, он здесь, в вашей неотложке.

– Должно быть, вышла какая-то путаница...

– Так здесь он или нет?

– Господин Слоткин, почему бы вам не присесть в комнате ожидания, я принесу чашечку кофе...

– Не надо мне кофе. Мой отец в критическом состоянии, а вы не можете его найти?

– Сестры проверяют рентгенкабинет.

– Мне казалось, вы только что звонили туда!

– Будьте добры, присядьте, и мы точно выясним, что... – Тоби смолкла, увидев, как медсестры торопливо направляются к ней.

– Мы позвали Морти. Они с Арло смотрят на стоянке.

– Вы не нашли его?

– Он не мог уйти далеко.

Тоби почувствовала, как кровь отхлынула от щек. Она боялась глядеть на Дэниела Слоткина, встретиться с ним взглядом. Но не могла отгородиться от его ярости.

– Что здесь у вас происходит? – возмутился он.

Обе медсестры молчали. И обе глядели на Тоби. Они знали, что капитан корабля в отделении неотложной помощи – доктор. На ее плечах лежит вся ответственность. И вся вина.

– Где мой отец?

Тоби медленно повернулась к Дэниелу Слоткину. Ее ответ прозвучал едва слышно:

– Я не знаю.

Было темно, у него болели ноги, и он знал, что нужно домой. Трудность в том, что он не помнил, как туда попасть. Гарри Слоткин даже не мог вспомнить, как забрел на эту пустынную улицу. Он уже подумывал остановиться у одного из тех домов, что попадались ему по пути, и попросить помощи, но во всех окнах было темно. Постучи он в одну их этих дверей с просьбой о помощи, начнутся расспросы и яркий свет, и почти наверняка ему придется унижаться. Гарри был человеком гордым. Он не из тех, кому требуется помочь. Не стремился помогать и он сам – даже собственному сыну. Он всегда считал, что благотворительность, по большому счету, портит людей и не хотел, чтобы его отпрыск рос ущербным. «Сила в независимости. Независимость и есть сила».

Он как-нибудь сам доберется домой.

Появился бы снова тот ангел!

Она пришла к нему в том жутком месте, где его уложили на холодный стол и ослепили ярким светом, и чужие люди кололи его иголками и буравили пальцами. А потом явился ангел. Она не причиняла ему боль. Наоборот, она улыбнулась, отвязывая руки и ноги, а потом прошептала: «Иди, Гарри, иди, пока они не вернулись!»

Теперь он свободен. Сбежал – вот молодец!

Он все шел по улице вдоль темных молчаливых домов, ища хоть какие-нибудь ориентиры. Что-нибудь, что подскажет, где он.

«Я, должно быть, заблудился, – думал Гарри. – Вышел погулять и сбился с пути».

Внезапная боль пронзила его ногу. Он посмотрел вниз и замер от изумления.

В свете фонаря он увидел, что на нем нет туфель. И носков тоже нет. Он уставился на свои голые ступни. Голые ноги. Пенис, съежившийся и бесконечно жалкий.

«На мне нет никакой одежды!»

Он в ужасе оглянулся, опасаясь, что на него кто-нибудь смотрит. Улица была пуста.

Сложив ладони чашечкой, он прикрыл гениталии и поспешил убраться из-под фонаря. Где он оставил одежду? Он не мог вспомнить. Гарри присел на корточки на холодной стриженой лужайке перед одним из домов и попытался собраться с мыслями, однако паника смешала все предшествующие впечатления ночи. Раскачиваясь взад-вперед, он захныкал, бормоча и вздыхая.

«Я хочу домой. Если бы я только мог проснуться в собственной постели…»

Он обхватил себя руками и настолько погрузился в отчаяние, что не обратил внимания на показавшийся из-за поворота свет фар. Лишь когда прямо возле него затормозил фургон, Гарри понял: его заметили. Он еще плотнее сжал руки, превратившись в дрожащий комок.

Голос мягко позвал из темноты:

– Гарри!

Он не поднял голову. Он боялся разжать руки, боялся открыть свою унизительную наготу. Попытался съежиться еще больше, превратиться в маленький клубок.

– Гарри, я приехал, чтобы забрать тебя домой.

Он медленно поднял голову. В темноте лица водителя видно не было, но голос был знакомым. По крайней мере казался.

– Садись в машину, Гарри.

Он продолжал раскачиваться, сидя на корточках и чувствуя, как мокрая трава щекочет голые ягодицы. Голос взлетел до тонкого всхлипа:

– Но я совсем без одежды!

– Твоя одежда дома. Целый шкаф с костюмами. Помнишь?

Послышался негромкий звук, словно металл звякнул о металл.

Гарри поднял глаза и увидел, что дверь фургона открыта. В проеме чернела тьма. Рядом с автомобилем был виден силуэт. Мужчина вытянул руку, словно приглашая старика.

– Давай, Гарри, – шепнул он. – Поехали домой.

4

«Трудно ли найти голого человека?»

Тоби сидела в своей машине и, щурясь, осматривала больничную парковку. Утро было в самом разгаре, и солнечные лучи казались ее утомленным бессонной ночью глазам нестерпимо яркими. И когда только солнце успело подняться? Тоби не заметила, как оно взошло, и дневной свет оказался неожиданностью для ее сетчатки. Вот что получается, когда работаешь по ночам. Сама превращаешься в порождение ночи.

Она вздохнула и завела мотор «Мерседеса». В конце концов пора домой, пора освободиться от кошмаров этой ночи.

Однако, отъехав от клиники Спрингер, ей не удалось стряхнуть мрачное настроение. Всего за час она потеряла двух пациентов. Тоби была уверена, что смерти женщины избежать не удалось бы, она все равно не смогла бы спасти ее.

Гарри Слоткин – другое дело. Тоби оставила помешанного пациента без присмотра почти на час. Она была последним человеком, видевшим Гарри и, несмотря на все усилия, не могла вспомнить, привязала она его запястья перед уходом из палаты или нет.

«Вероятно, я оставила его непривязанным. Это единственное объяснение его побега. Это я виновата. Гарри – моя ошибка».

Но даже если не ее, она – капитан команды и должна отвечать за все. И вот теперь голый обезумевший старик бродит неизвестно где.

Она сбросила скорость. Зная, что полиция уже прочесала окрестности, она все же внимательно осматривала улицы в надежде хоть мельком увидеть беглого пациента. Ньютон – относительно безопасный пригород Бостона, и улицы, по которым она сейчас колесила, выглядели зажиточно и респектабельно. Она свернула на аллею и увидела аккуратные дома, подстриженные изгороди, дорожки за железными

калитками. В таких местах вряд ли кто нападет на пожилого человека. Возможно, кто-нибудь уже приютил его. Возможно, в этот момент Гарри сидит в чьей-нибудь уютной кухне, и его угощают завтраком.

«Где вы, Гарри?»

Она обогнула квартал, пытаясь увидеть эти места глазами Гарри. Ему было холодно без одежды, а темнота сбивала с толку. Куда бы он мог пойти?

«Домой. Он бы попытался добраться домой, в Казаркин Холм».

Ей пришлось дважды останавливаться и спрашивать дорогу. Добравшись наконец до нужного поворота, она едва не проскочила его. Указатели отсутствовали; въезд на дорогу был обозначен каменными колоннами. Между ними располагались открытые ворота. Притормозив у въезда, она заметила в их чугунном рисунке по-барочному изящные «К» и «Х». Сразу за колоннами дорога сворачивала, исчезая в лиственном лесу. Так вот где находятся родные места Гарри.

Она проехала через ворота и оказалась на дороге. Хотя ее мостили недавно, клены и дубы по бокам были вполне взрослыми. Осень уже успела тронуть некоторые листья яркими красками. Вот и сентябрь, думала Тоби. И когда только лето промелькнуло? Она ехала по извилистой дороге, разглядывая деревья по обочинам, густой подлесок и укромные места, которые могли бы скрыть тело. Интересно, осмотрела полиция этот кустарник? Если Гарри брел впотьмах этим путем, он вполне мог тут заблудиться. Надо будет позвонить в полицейский участок Ньютона, предложить прочесать эту часть дороги.

Внезапно деревья впереди расступились, открывая вид столь неожиданный, что Тоби резко нажала на тормоз. Рядом с дорогой вырос зеленый щит, на котором золотыми буквами значилось: «Казаркин Холм. Только для проживающих и гостей».

Позади щита открывался ландшафт, позаимствованный из роскошных живописных изображений английской провинции. Она увидела мягкие перекаты полей с подстриженной травой, сад с аккуратно обрезанными деревьями и причудливыми животными, тронутые осенними красками шеренги берез и кленов. Словно драгоценный камень поблескивал пруд, окруженный дикими ирисами. Пара лебедей безмятежно скользила среди водяных лилий. За прудом раскинулась «деревня» – шикарный поселок; возле каждого коттеджа имелся небольшой, обнесенный изгородью садик. Главным средством передвижения, похоже, здесь были машинки для гольфа с бело-зелеными тентами. Эти автомобильчики были повсюду: стояли на обочинах или неторопливо катили по

дорожкам. Тоби заметила несколько таких же машинок на поле для гольфа – они перевозили игроков с одной лужайки на другую.

Она посмотрела на пруд, неожиданно задумавшись, насколько здесь глубоко и можно ли утонуть. Ночью, в темноте плохо соображающий человек вполне мог забрести в воду.

Она поехала дальше, к поселку. Метров через пятьдесят Тоби увидела поворот направо и еще одну табличку:

КЛИНИКА КАЗАРКИН ХОЛМ

И МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ

Она свернула.

Петлявшая по хвойному лесу дорога неожиданно уткнулась в парковку, за которой маячило трехэтажное здание. С одной стороны к нему вот-вот должны были пристроить новое крыло. Сквозь сетку, которой была обнесена стройплощадка, Тоби увидела готовый котлован под фундамент. На краю котлована несколько мужчин в касках обсуждали чертежи.

Тоби оставила машину на гостевой стоянке и вошла в клинику.

Ее встретила тихая классическая музыка. Тоби остановилась – обстановка произвела на нее впечатление. Это совсем не напоминало типовой больничный вестибюль. Лоснящиеся кожей диваны, на стенах – подлинники живописных полотен. Она посмотрела на издания, лежавшие на журнальном столике. «Архитектурный дайджест», «Городи природа». Никакой вам «Популярной механики».

– Могу я вам чем-то помочь? – Женщина в розовой униформе улыбнулась из окошка регистратуры.

Тоби подошла к ней.

– Я доктор Харпер из клиники Спрингер. Вчера вечером в отделении неотложной помощи я осматривала одного из ваших пациентов. Я пыталась связаться с лечащим врачом, чтобы узнать о состоянии здоровья пациента, но мне никак не удается его найти.

– Кто его врач?

– Доктор Карл Валленберг.

– А, он уехал на конференцию. Вернется в понедельник.

– Могу я взглянуть на медкарту? Возможно, это кое-что прояснит.

– Простите, но мы не даем их без разрешения пациента.

– Пациент не в состоянии дать согласие. Могу я поговорить с кем-то еще из врачей?

– Давайте я сначала найду карту, – сестра подошла к шкафу. – Фамилия?

– Слоткин.

Сестра выдвинула ящик и порылась в папках.

– Гарольд или Агнес Слоткин?

Тоби опешила.

– Есть еще и Агнес? Она родственница Гарри?

Сестра взглянула в записи.

– Его жена.

«Почему сын Гарри ни словом не обмолвился о ней?» – удивилась Тоби. Покопавшись в сумочке, она достала ручку.

– Вы можете дать мне ее номер? Мне очень нужно поговорить с ней насчет Гарри.

– В ее комнате нет телефона. Вы можете подняться туда на лифте.

– Куда?

– Агнес Слоткин находится наверху, в отделении постоянного ухода. Комната три-четыре-один.

Тоби постучала в дверь.

– Госпожа Слоткин! – окликнула она.

Ответа не последовало. Тоби осторожно вошла.

Из радиоприемника тихонько лилась классическая музыка. Сквозь прозрачные шторы мягким рассеянным сиянием проникал солнечный свет. На ночном столике роняли лепестки полуосыпавшиеся розы. Лежащая в постели женщина ничего этого не замечала. Ни цветов, ни солнечного света, ни появления постороннего в ее комнате.

Тоби подошла к кровати.

– Агнес!

Женщина не шелохнулась. Она лежала на левом боку, лицом к двери. Глаза полуоткрыты, но не сфокусированы; тело удерживали подсунутые за спину подушки. Руки сложены на груди в полуобъятии, как у эмбриона. Кремово-белая жидкость из пакета над кроватью капала в трубку, змейкой уползавшую в ноздрю. Постельное белье на вид было чистым, однако в помещении стоял специфический запах, который не могли перебить даже розы. Запах паралитика – запах талька, мочи и витаминных пищевых добавок. Запах медленно угасающего тела.

Тоби взяла женщину за руку и осторожно потянула. Локтевой сустав распрямился с едва заметным сопротивлением. Контрактуры образоваться еще не успели, медперсонал исправно проводил с пациенткой пассивную гимнастику. Опуская руку, Тоби обратила внимание на ее пухлость – несмотря на коматозное состояние, пациентка получала хорошее питание и достаточно жидкости.

Тоби вгляделась в расслабленное лицо, размышляя, на нее ли смотрят эти глаза. Видит ли эта женщина вообще что-нибудь, понимает ли?

– Здравствуйте, госпожа Слоткин, – тихонько сказала она. – Меня зовут Тоби.

– Агнес не может вам ответить, – раздался голос позади. – Но, я полагаю, она вас слышит.

Вздрогнув, Тоби обернулась и увидела обладателя этого голоса. Он стоял в дверях, точнее говоря, заполнял собой весь дверной проем – чернокожий гигант с широким лицом и блестящим клином носа. «Лицо у него приятное, – решила она, – оттого что глаза добрые». Он был в белом докторском халате и держал в руках медкарту.

Улыбнувшись, он протянул ей ладонь. Рука была такой длинной, что рукав халата не покрывал запястье.

«Интересно, существуют ли вообще халаты такого размера», – размышляла она.

– Доктор Роби Брэйс. Я врач госпожи Слоткин. Вы родственница?

– Нет. – Тоби ответила на рукопожатие, почувствовав, как его рука охватила ее ладонь, словно теплая коричневая перчатка. – Я работаю в отделении неотложной помощи клиники Спрингер, это недалеко отсюда. Доктор Тоби Харпер.

– Профессиональный интерес?

– Вроде того. Я надеялась, госпожа Слоткин сможет рассказать мне об истории болезни своего мужа.

– С господином Слоткиным что-то стряслось?

– Прошлой ночью его доставили в неотложку, он бредил и не ориентировался в происходящем. Прежде чем я закончила оформление, Гарри сбежал. Теперь мы не можем его найти, и я так и не поняла, что с ним. А вы случайно не знаете?

– Я лишь контролирую уход за пациентами в стационаре. О нем вам лучше справиться у врачей амбулаторного отделения, это внизу.

– Гарри – пациент доктора Валленберга. Но его сейчас нет в городе. А клиника не даст мне никаких записей без его разрешения.

Роби Брэйс пожал плечами:

– Такой уж тут порядок.

– А вы знакомы с Гарри? Есть ли у него проблемы со здоровьем, о которых мне стоило бы знать?

– Трудно назвать это знакомством. Я вижу его лишь мимоходом, когда он навещает Агнес.

– Так, значит, вы с ним говорили.

– Ну да, здоровались, вот и все. Я здесь работаю только месяц и до сих пор затрудняюсь сказать, кто есть кто.

– А вы имеете право показать мне его медкарту?

Он покачал головой.

– Это может только доктор Валленберг, да и ему понадобится письменное согласие пациента, чтобы дать вам какие-либо сведения.

– Но это могло бы повлиять на медобслуживание его пациента.

– Вы вроде сказали, что он сбежал из вашей неотложки, нет?

– Да, он…

– Значит, он уже не ваш пациент, так?

Тоби молчала, не находя, что ответить. Гарри действительно сбежал из ее отделения, ушел из-под ее опеки. У нее нет убедительных причин требовать его медкарту.

Она посмотрела на лежачую больную.

– Полагаю, госпожа Слоткин тоже не сможет мне ничего рассказать.

– К сожалению, Агнес вообще не говорит.

– Инсульт?

– Субарахноидальное кровоизлияние. Судя по карте, она здесь уже год. Похоже, не выходит из вегетативного состояния. Однако время от времени она вроде как смотрит на меня. Верно, Агнес? – сказал он. – Ты ведь поглядываешь на меня, дорогая?

Женщина в кровати не шелохнулась, даже ресницы не дрогнули.

Он подошел к постели и начал осматривать свою пациентку. Его темные руки резко контрастировали с бледностью ее кожи. Он прослушал стетоскопом сердце и легкие, проверил живот – нет ли метеоризма, посветил фонариком в глаза, исследуя зрачки. Сделав несколько движений ее руками и ногами, проверил подвижность суставов. Затем повернул ее на бок, осматривая кожные покровы на спине и ягодицах. Никаких пролежней. Он снова осторожно уложил ее на подушки и прикрыл одеялом.

– Хорошо выглядишь, Агнес, – промурлыкал он. – Приятного дня.

Тоби последовала за ним из комнаты, чувствуя себя лилипутом, который плетется за великаном.

– Для человека, уже год пребывающего в вегетативном состоянии, она весьма неплохо выглядит.

Он открыл карту и записал результаты последнего осмотра.

– Разумеется. У нас обслуживание класса «Роллс-Ройс».

– И по таким же ценам?

Брэйс оторвался от записей, на губах впервые появилось некое подобие улыбки.

– Скажем так, у нас нет пациентов со страховкой для малоимущих.

– Они сами оплачивают пребывание здесь?

– Они могут себе это позволить. У нас есть весьма обеспеченные постояльцы.

– Это место исключительно для пенсионеров?

– Нет, несколько человек еще продолжают активно трудиться, а место в Казаркином Холме они купили просто для того, чтобы иметь гарантию на будущее. Мы предоставляем проживание, питание, медицинскую помощь. Пожизненный уход, если это необходимо. Возможно, вы заметили, мы расширяемся.

– Еще я заметила превосходное поле для гольфа.

– Есть также теннисные корты, кинотеатр и крытый бассейн. – Он закрыл карту и усмехнулся. – Так и на пенсию пораньше потянет, верно?

– Вряд ли я смогу себе позволить пожить здесь на пенсии.

– Открою секрет: я тоже. – Он взглянул на часы. – Приятно было познакомиться, доктор Харпер. Простите, мне нужно осмотреть и других пациентов.

– Как я могу побольше разузнать о Гарри?

– Доктор Валленберг вернется в понедельник. Тогда и поговорите с ним.

– Но мне хотелось бы сейчас узнать, с чем я имела дело. Это меня действительно волнует. А вы не могли бы посмотреть амбулаторную карту? Позвоните мне, если найдете что-нибудь интересное.

Она быстро записала свой домашний номер на визитке и протянула ему.

Он неохотно принял карточку.

– Я погляжу, что можно сделать, – только и сказал он.

Затем повернулся и пошел в следующую палату, оставив Тоби стоять в коридоре.

Она со вздохом отвернулась от закрытой двери. Тоби сделала все возможное, чтобы раздобыть информацию, но Казаркин Холм упорно отказывался от сотрудничества. Теперь голод и усталость навалились на нее; она ощущала настойчивые призывы своего организма. Есть. Спать. Сейчас же. На ватных ногах она поплелась к лифту. Но застыла на полпути.

Кто-то кричал.

Крик доносился из палаты в дальнем конце коридора, и в нем звучала не боль, а страх.

Тоби кинулась на крик и услышала за спиной нестройные голоса и топот бегущих по коридору ног. Она добралась до комнаты раньше всех и распахнула дверь.

Первое, что она увидела, был пожилой мужчина, стоявший на четвереньках на постели. Ниже пояса он был голый, и его морщинистые ягодицы двигались вверх-вниз в непристойном собачьем танце.

Затем Тоби разглядела распростертую под ним женщину, ее хрупкое тело скрывалось под скомканным одеялом и простынями.

– Уберите его от меня! Пожалуйста, уберите его! – кричала она.

Тоби схватила его за руку и попыталась оттащить. Но он с такой силой толкнул ее, что Тоби отлетела и растянулась на полу. В палату вбежала медсестра.

– Господин Хакетт, перестаньте! Прекратите! – Сестра попыталась оттащить мужчину, однако тоже была отброшена в сторону.

Тоби с трудом поднялась на ноги.

– Хватайте его за одну руку, а я – за другую! – скомандовала она, обходя кровать.

Вместе им удалось ухватить мужчину за руки. Но даже пока его стаскивали, он продолжал дергаться, словно нелепый сексуальный робот, у которого не предусмотрен выключатель. Женщина на кровати свернулась в позу эмбриона и заплакала, кутаясь в одеяло.

Внезапно мужчина вывернулся, заехав Тоби локтем в подбородок. Челюсть клацнула, пронзив острой болью скулу. В глазах у Тоби вспыхнуло, и она чуть не выпустила больного, однако бешеная ярость помогла удержать его. Старик снова кинулся на нее. Эта была звериная схватка; Тоби чувствовала запах его пота, каждый напряженный борьбой мускул. Сестра потеряла равновесие, споткнулась и выпустила его. Старик дотянулся до затылка Тоби и схватил ее за волосы. Теперь он тыкался в нее – торчащий пенис мужчины толкался ей в бедро. Омерзение и злость клокотали в ее горле. Она напрягла ногу, изготовившись саданут ему коленом в пах.

Однако мишень исчезла. Пара громадных черных рук подняла противника в воздух. Роби Брэйс протащил его по комнате и рявкнул сестре:

– Несите халдол, быстро! Пять кубиков внутримышечно. Срочно!

Медсестра выскочила из комнаты и через минуту вернулась, держа в руке шприц.

– Давайте же, я не могу его тут вечно удерживать, – сказал Брэйс.

– Мне бы до его задницы добраться…

– Живей, живей!

– Но он выворачивается…

– Черт, а парень-то силен. Чем вы его тут кормите?

– Он на протокольном лечении, а еще у него Альцгеймер… Не достать мне его никак!

Брэйс сменил хватку, повернув мужчину задом к медсестре. Она ухватила кожу на голой ягодице в складку и воткнула иглу. Старик взвизгнул, взбрыкнул и вырвался от Брэйса. Заметавшись, он схватил с тумбочки стакан с водой и запустил доктору в лицо.

Стакан угодил Брэйсу в висок и разбился.

Тоби рванулась вперед и ухватила старика за запястье, прежде чем тот снова успел замахнуться. Она жестко скрутила его руку, осколок выпал из сжатых пальцев.

Брэйс обхватил гигантскими ручищами больного за плечи и проорал:

– Всадите ему остаток халдола!

Сестра повторно воткнула иглу в ягодицу и вдавила поршень.

– Ну, все! Боже, я надеюсь, это сработает лучше, чем мелларил.

– Этот парень на меллариле?

– Круглосуточно. А я говорила доктору Валленбергу, что это на него не действует. За этими пациентами с Альцгеймером глаз да глаз нужен, а не то… Доктор, да у вас кровь! – ахнула она.

Тоби с тревогой подняла глаза и увидела, как струйка крови, сбегая по щеке Брэйса, капает на белый халат. Осколок стекла раскроил ему кожу на виске.

– Надо остановить кровотечение, – сказала Тоби. – Вам нужно наложить швы.

– Для начала позвольте мне убедиться, что этот парень надежно привязан. Прошу вас, сэр. Вернемся в вашу палату.

Старик смачно плюнул.

– Черномазый! А ну, выпусти меня!

– Бог ты мой! Пытаешься взбесить меня, а?

– Ненавижу черномазых!

– Ага, как и все, – отозвался Брэйс, скорее устало, чем сердито. Ему все-таки удалось вывести – а отчасти вынести – старика в коридор. – Похоже, приятель, ты заслужил свидание со смирительной рубашкой.

– Ой! Только не превращайте меня в чудовище Франкенштейна, ладно?

Тоби аккуратно опорожнила шприц с ксилокаином и вытащила иглу. Она ввела местный анестетик в оба края раны и, немного выждав, осторожно уколола кожу.

– Чувствуете?

– Нет. Все онемело.

– Вы уверены, что не хотите поручить это дело пластическому хирургу?

– Вы ведь работаете в неотложке. Разве вам не приходится постоянно этим заниматься?

– Да, но если вас беспокоит косметический эффект…

– С чего бы? Я и так страшен как черт. Шрам, глядишь, послужит украшением.

– Ну, у вас появится еще один отличительный признак, – сказала она, беря пинцет и нитку.

Все необходимое нашлось в прекрасно оснащенном медицинском кабинете. Как и все прочее в Казаркином Холме, оборудование было

самым лучшим и современным. Стол, на котором лежал Роби Брэйс, можно было установить в самых разных положениях, что делало его удобным для работы хоть с травмами головы, хоть с геморроем. Яркости верхних ламп хватило бы для любого хирургического вмешательства. В углу на случай необходимости стоял мобильный реанимационный набор, последней модели, разумеется.

Она еще раз смазала рану бетадином и проткнула края изогнутой хирургической иглой. Роби Брэйс лежал на боку, не шевелясь. Большинство пациентов в такой ситуации опустили бы веки, однако его глаза оставались широко открытыми и неотрывно смотрели на противоположную стену. Хоть габаритов он был устрашающих, глаза смягчали грозное впечатление. Они были тепло-карими, с густыми, как у ребенка, ресницами.

Тоби сделала еще стежок и протянула нитку через кожу.

– Порез довольно глубокий, – заметила она. – Хорошо еще, в глаз не попал.

– Думаю, он целил мне в глотку.

– И он круглосуточно принимает успокоительное? – она покачала головой. – Вам стоит удвоить дозу и держать его взаперти.

– Обычно так и есть. Мы держим пациентов с Альцгеймером в изолированном помещении, где можно контролировать их действия. Наверное, господину Хакетту удалось выбраться оттуда. И знаете, иногда эти старички не могут справиться со своим либидо. Самоконтроль-то исчезает, а телесные желания остаются.

Тоби отрезала нитку и закрепила последний стежок. Рана теперь была закрыта, и Тоби промокнула ее спиртом.

– А что за протокольное лечение?

– А?

– Сестра сказала, что господин Хакетт на протокольном лечении.

– А, это исследования Валленберга. Инъекции гормонов пожилым людям.

– Для чего?

– Для омоложения, для чего же еще? У нас богатые клиенты, и большинство из них мечтают жить вечно. Они все с радостью готовы участвовать в новейших медицинских выходках.

Он сел на край стола и помотал головой, словно пытаясь избавиться от внезапного приступа головокружения. Тоби охватила паника: чем люди крупнее, тем тяжелее падают. И тем тяжелее поднимать их с пола.

– Лягте обратно, – велела она. – Вы слишком рано поднялись.

– Я в порядке. Пора возвращаться к работе.

– Нет, вы пока посидите здесь, ладно? Иначе вы можете упасть, и мне придется зашивать вас с другой стороны.

– Еще один шрам, – проворчал он, – еще чуть больше отличий.

– Вы и так ни на кого не похожи, доктор Брэйс.

Он улыбнулся, но взгляд его оставался несколько рассеянным. Тоби опасливо наблюдала за ним минуту-другую, готовая подхватить, если тот отключится, однако он сумел удержаться на ногах.

– Так расскажите мне побольше об этом протоколе. Что за гормоны колет Валленберг?

– Целый коктейль. Гормон роста. Тестостерон. Дегидроэпиандростерон. Еще какие-то. На эту тему существует масса работ.

– Я знаю, что гормон роста увеличивает мышечную массу у пожилых. Но мне как-то не попадались материалы по комбинированному применению.

– Но все же в этом есть смысл, верно? С возрастом деятельность гипофиза угасает. И он перестает вырабатывать соки, свойственные молодости. Если верить теории, в этом-то и состоит причина старения – наши гормоны загибаются.

– А Валленберг, стало быть, заменяет их?

– Похоже, это дает некий эффект. Вон, взгляните на господина Хакетта. Парень хоть куда.

– Да уж. Но почему вы даете гормоны пациенту с Альцгеймером? Он же не может дать на это согласие.

– Возможно, он согласился несколько лет назад, когда еще соображал.

– Исследование длится так долго?

– Валленберг работает над этим с девяносто второго года. Загляните в «Указатель медицинских публикаций». Увидите, его имя мелькает в нескольких десятках изданий. Все, кто занимается гериатрией, знают Валленберга. – Брэйс осторожно поднялся из-за стола. Помедлив несколько мгновений, он удовлетворенно кивнул. – Непоколебим как скала. И когда снимать швы?

– Через пять дней.

– А когда я получу счет?

Она улыбнулась:

– Обойдемся без счета. Просто окажите мне услугу.

– Угу.

– Посмотрите карту Гарри Слоткина. Позвоните мне, если что-нибудь найдете. То, что я могла упустить.

– А вы полагаете, что пропустили что-то?

– Не знаю. Но собственных ошибок не выношу. Гарри могло хватить сообразительности добраться назад в Казаркин Холм. Возможно даже, в палату к жене. Будьте начеку.

– Я предупрежу сестер.

– Его нельзя не заметить. – Тоби потянулась к своей сумочке. – Он в костюме Адама.

Тоби подъехала к своему дому, остановилась рядышком с «Хондой» Брайана и заглушила мотор. Она не сразу вылезла из машины, а задержалась на некоторое время: сидела и слушала тихое пощелкивание остывающего двигателя, наслаждаясь мгновениями покоя, когда никто ничего не требует. Как же их много, этих требований! Она сделала глубокий вдох и откинула голову на подголовник. Девять тридцать, тихое время в округе, населенной провинциальными интеллигентами. Родители ушли на работу, дети отправлены в школу или детсад, дома опустели в ожидании домработниц, которые все отдраят и пропылесосят, а затем исчезнут, оставив после себя характерный лимонный запах полироли. Это был безопасный район с ухоженными домиками; не самая изысканная часть Ньютона, но вполне удовлетворявшая потребность Тоби в том, что касалось упорядоченности жизни. После

неожиданностей ночного дежурства в неотложке начинаешь ценить тщательно подстриженную лужайку.

Чуть дальше по улице внезапно пробудился садовый пылесос. Затишье кончилось. Служба наружной уборки на своих пикапах уже вторглась в округу.

Тоби неохотно покинула «Мерседес» и поднялась на крыльцо.

Брайан, помощник ее матери, поджидал у двери, скрестив на груди руки и неодобрительно щурясь. Он был похож на жокея, изящный миловидный молодой человек, однако преграду он представлял собой значитльную.

– Ваша мама сегодня прямо на стенку лезла, – сообщил он. – Не стоит так с ней поступать.

– А ты разве не сказал ей, что я задержусь?

– Без толку. Знаете же, она этого не понимает. Она ждет, что вы придете рано, а если нет, она принимается за свое – ну, знаете, подходит к окну и в ожидании вашей машины начинает раскачиваться взад-вперед, взад-вперед до бесконечности.

– Прости, Брайан. Я ничего не могла поделать. – Тоби вошла следом за ним в дом и положила сумку на стол в прихожей.

Нарочито медленно вешая куртку, она твердила про себя: «Спокойно, спокойно. Не кипятись. Он тебе нужен. Он нужен маме».

– Мне-то все равно, задерживаетесь вы на два часа или нет, – продолжал он. – Я свое получаю. И получаю очень неплохо, спасибо вам. Но вот вашей маме, бедняжке, это не растолкуешь.

– У нас проблемы на работе.

– Она не притронулась к завтраку. Вон, у нее в тарелке остывшая яичница.

Тоби хлопнула дверцей стенного шкафа:

– Я приготовлю ей другой завтрак!

Молчание.

Она стояла к нему спиной, продолжая держать руку на дверце. В голове крутилось: «Я не хотела отвечать так резко. Я просто устала. Я так устала!»

– Что ж, – проговорил Брайан, обозначив этим все. Обиду. Поражение.

Тоби повернулась к молодому человеку. Они были знакомы уже два года, но так и не стали настоящими друзьями, никогда не заходили дальше отношений работника и нанимателя. Она ни разу не была у него дома, не видела Ноэля, его соседа по дому. И все же в этот момент она понимала, что зависит от Брайана больше, чем от кого-либо. Именно он делал ее жизнь относительно нормальной, и Тоби не могла потерять его.

– Прости, – извинилась она. – Мне просто не потянуть сейчас еще и это. У меня была премерзкая ночь.

– Что случилось?

– Мы потеряли двух пациентов. За час. И я до сих пор чувствую себя просто ужасно. Я не хотела на тебе отыгрываться.

Он слегка кивнул, неохотно принимая извинения.

– А как у вас прошла ночь?

– Она проспала всю дорогу. Я только что вывел ее в сад. Это всегда успокаивает.

– Надеюсь, она не повыдергает весь салат.

– Не хочу вас огорчать, но салат пошел в семена уже месяц назад.

«Ну вот, теперь я еще и садовник никудышный», – подумала Тоби, направляясь через кухню к черному ходу. Каждый год с самыми радужными надеждами она разбивала огородик. Она сажала салат, цуккини и зеленую фасоль, и ростки успешно всходили. Но затем наваливались всевозможные дела, и она забрасывала огородные хлопоты. Салат зацветал, желтая перезревшая фасоль висела на плетистых стеблях. Тоби с отвращением все обрывала и давала себе клятву на следующий год постараться как следует, но прекрасно знала, что и следующий год принесет урожай несъедобных цуккини, больше похожих на бейсбольные биты.

Она вышла во двор. Сначала она не заметила маму. Сад разросся, превратившись в полные сорняков джунгли; цветы и вьющиеся растения доходили в высоту до подбородка. Этот сад всегда отличался приятным художественным беспорядком: клумбы, разбитые без всякого плана,

просто по чьей-то садоводческой прихоти, расползались вширь год от года. Когда Тоби купила этот дом лет восемь назад, она собиралась повыдергать самые непокорные растения и установить безжалостный садовый порядок. Но тогда Элен отговорила ее; Элен объяснила, что в саду надо культивировать как раз беспорядок.

И вот теперь Тоби стояла у задней двери и оглядывала сад, разросшийся так, что не было видно мощеных дорожек. Что-то зашуршало среди цветов, и в поле зрения появилась соломенная шляпка. Элен, стоя на коленках, ковырялась в земле.

– Мамочка, я дома.

Шляпка запрокинулась, открыв круглое загорелое личико Элен Харпер. Увидев дочь, она помахала ей; рука ее что-то сжимала. К тому времени, как Тоби прошла через двор и шагнула в заросли переплетенных стеблей, мама поднялась на ноги, и Тоби увидела, что у нее в кулачке зажат пучок одуванчиков. По иронии судьбы в этом состояла одна из особенностей болезни Элен: она разучилась готовить и умываться, но не разучилась – и, наверное, уже никогда не разучится – отличать сорняки от цветов.

– Брайан говорит, ты еще не ела, – сказала Тоби.

– Мне кажется, ела. А разве нет?

– Ладно, я собираюсь приготовить завтрак. Не хочешь пойти в дом и позавтракать со мной?

– Но у меня еще так много дел. – Элен со вздохом оглядела клумбы. – Я наверно, никогда не смогу все закончить. Ты видишь вот это? Эту гадость?

Она помахала зажатой в кулачке вялой зеленью.

– Это одуванчики.

– Да. Они везде. Если я их не повыдергиваю, они полезут дальше, вон в те фиолетовые. Как ты там их называешь…

– Фиолетовые? Честно, мам, даже и не знаю.

– Все равно, места ведь больше не будет, значит, придется все расчищать. Это борьба за место. Так много дел, и вечно не хватает времени.

Она придирчиво оглядела сад, ее щеки раскраснелись от солнца. «Так много дел, и вечно не хватает времени». Это была типичная присказка

Элен, прямо-таки мантра, уцелевшая после распада остальной части памяти. Почему только эта фраза сохранилась в сознании? Неужели жизнь овдовевшей матери двух дочерей до такой степени сдавливалась узкими рамками времени, бременем неисполненных дел?

Элен опустилась на колени и снова принялась копаться в земле. Что она искала, Тоби не знала, наверное, снова ненавистные одуванчики. Тоби подняла глаза и увидела, что на небе ни облачка, день выдался приятный и теплый. Элен можно спокойно оставить тут и без присмотра. Калитка заперта, сама Элен выглядит вполне довольной. Здесь она обычно и проводит летние деньки. Тоби сделает ей сандвич и оставит на кухонном столе, а потом пойдет спать. В четыре часа пополудни она проснется, и они с Элен вместе пообедают.

Она услышала, как отъехала машина Брайана. В половине седьмого он вернется, чтобы остаться с Элен на ночь. А Тоби снова уйдет на свое обычное дежурство в клинику.

«Так много дел, и вечно не хватает времени». Эта мысль стала мантрой и для Тоби. Что матери, что дочери – обеим вечно не хватает времени.

Она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Вызванный утренней нервотрепкой адреналин выветрился, и теперь усталость каменной глыбой навалилась на плечи. Тоби знала, что ей лучше сразу пойти спать, но шевельнуться не было сил. Она продолжала наблюдать за матерью, думая о том, как молодо та выглядит, похожа, скорее, на круглолицую девочку в панамке, чем на пожилую женщину. На девочку, которая радостно лепит куличики из земли.

«Теперь мама – я», – пронеслось в голове у Тоби. И как любая мать, она внезапно осознала, насколько быстро летит время, проносятся мгновения.

Она присела на корточки рядом с мамой.

Элен покосилась на нее, в голубых глазах мелькнуло удивление.

– Тебе что-то нужно, дорогая? – осведомилась она.

– Нет, мамочка. Я просто подумала, что надо помочь тебе и выдернуть несколько сорняков.

– О! – Элен улыбнулась и, подняв испачканную в земле руку, убрала с щеки Тоби выбившуюся прядь. – А ты уверена, что знаешь, какие дергать?

– Ты же мне покажешь?

– Вот. – Элен мягко подвела руку Тоби к пучку зелени. – Можешь начать с этих.

И встав на колени бок о бок, мать и дочь принялись дергать одуванчики.

5

Ангус Парментер запустил беговую дорожку и почувствовал, как резиновая лента слегка дернулась у него под ногами. Он ускорил шаг до бодрых одиннадцати километров в час. Пульс его тоже участился – это было видно на небольшом цифровом мониторе, прикрепленном к поручню тренажера. 112, 116, 120. Надо заставить сердце вкалывать и кровь струиться в жилах! «Встряхнись! Вдох-выдох, вдох-выдох. Пусть мышцы поработают».

На экране, который висел прямо перед глазами, чтобы разнообразить тренировку, плыли булыжные улочки греческой деревни. Однако взгляд Ангуса был прикован к цифровому монитору. Он следил, как пульс подползает к 130. Наконец нужная частота сердечных сокращений достигнута. Он постарается удержать ее в течение следующих двадцати минут, даст себе хорошую нагрузку, чтобы улучшить кислородный обмен. Затем поостынет, позволив своему пульсу постепенно упасть до сотни, затем до восьмидесяти, затем и до его обычной частоты покоя в 68 ударов. После этого настанет время «Наутилуса» – тренажера для верхней половины тела, а потом – водные процедуры. К тому времени пора будет идти на обед – обезжиренная, богатая протеинами и грубой клетчаткой пища подается в местной столовой. Вместе с едой он примет и несколько обычных пилюль: витамин Е, витамин С, цинк, селен. Арсенал чудесных средств, удерживающих годы в узде.

Пока все это, похоже, действует. В свои восемьдесят два Ангус Парментер чувствовал себя хорошо как никогда. И с наслаждением вкушал плоды своих трудов. Он без устали вкалывал, чтобы нажить свое состояние, – гораздо больше, чем любой из этих хлюпиков. У него были деньги, и он намеревался жить, пока они не кончатся – все до последнего цента. Пусть следующее поколение само для себя зарабатывает. Настало его время пожить в свое удовольствие.

После обеда он сыграет в гольф с Филом Дорром и Джимом Бигелоу, его друзьями-соперниками. Затем у него есть возможность прокатиться на принадлежащем Казаркину Холму микроавтобусе в город – сегодня вечером они собирались на «Кошек» в театральный центр «Вонг». Наверное, он слиняет. Пусть дамочки тащатся от выводящих рулады кисок, это не для него; как-то раз он уже видел это шоу на Бродвее, и этого больше чем достаточно.

Он услышал, как рядом затарахтел велотренажер, и обернулся. Джим Бигелоу яростно крутил педали. Ангус кивнул:

– Привет, Джим.

– Здорово, Ангус.

Некоторое время они потели рядом, сосредоточенные на тренировке, а потому молчаливые. На экране виды греческих улочек сменились грязной дорогой в тропическом лесу. Сердечный ритм Ангуса непоколебимо держался на 130 ударах в минуту.

– Ты что-нибудь уже знаешь? – спросил Бигелоу, перекрикивая стрекот велосипеда. – Насчет Гарри?

– Нет.

– Я видел их… полицию… они обыскивали пруд. – Бигелоу задыхался, ему было тяжело крутить педали и говорить одновременно.

Его трудности, думал Ангус. Бигелоу никогда не отказывал себе в десерте, а в спортзал наведывался не чаще раза в неделю. Он терпеть не мог зарядку, ненавидел здоровую пищу. В семьдесят шесть Бигелоу и выглядел на свой возраст.

– Я слышал… за завтраком… его еще не нашли… – Бигелоу подался вперед, его лицо раскраснелось от натуги.

– Это и я слышал, – отозвался Ангус.

– Странно. Непохоже на Гарри.

– Да уж.

– Правда, он уже неделю… вел себя как-то не так. Не заметил?

– Ты о чем?

– Рубашку наизнанку надел. Носки непарные. Раньше за ним такого не водилось.

Ангус не отрывал взгляд от экрана. Тропические заросли расступались перед ним. По ветке дерева над головой скользил боа-констриктор.

– А его руки… обратил внимание? – пропыхтел Бигелоу.

– Что с ними?

– Они дрожали. Всю прошлую неделю.

Ангус промолчал. Вцепившись в рукоятки, он сосредоточился на тренировке. «Раз-два, раз-два, качай икры, пусть будут крепкими и молодыми».

– Чертовски странная вещь, – сказал Бигелоу. – Этот случай с Гарри. А тебе не кажется…

– Мне ничего не кажется, Джим. Будем просто надеяться, что он вернется.

– Да.

Бигелоу перестал крутить педали. Он сидел, восстанавливая дыхание, и смотрел на экран, где тропический ливень молотил по зарослям папоротника.

– Только вот в чем закавыка, – тихо сказал он. – Не верится мне, что с ним будет все в порядке, когда он объявится. Прошло уже два дня.

Ангус резко выключил дорожку. Никакой передышки! Он сразу же пойдет на другой тренажер. Перекинув через плечо полотенце, он направился на другой конец зала к «Наутилусу». К его досаде, Бигелоу оставил велосипед и последовал за ним.

Не обращая внимания на Бигелоу, Ангус присел на скамью и начал тренировать мышцы спины.

– Ангус! – окликнул его Бигелоу. – Тебя это не беспокоит?

– Мы все равно ничего не можем поделать, Джим. Полиция ищет.

– Нет, я имею в виду, тебе это не напоминает… – Бигелоу понизил голос. – То, что случилось со Стеном Маки?

Ангус замер, вцепившись в рукоятки «Наутилуса».

– Это было несколько месяцев назад.

– Да, и было то же самое. Помнишь, как он появился с расстегнутой ширинкой. А потом забыл, как звать Фила. Трудно забыть имя лучшего друга.

– В случае с Филом – нетрудно.

– Удивительно, что ты так легкомысленно к этому относишься. Сначала мы потеряли Стена. А теперь Гарри. Что если… – Бигелоу умолк и оглядел спортзал, словно боялся, что кто-то может их подслушать. – А если вообще что-то идет не так? Что если мы все вот-вот заболеем?

– Стен покончил самоубийством.

– Так нам сказали. Но люди просто так не прыгают из окон.

– Ты так хорошо знал Стена и уверен, что у него не было причин?

Бигелоу потупился:

– Нет…

– Ну вот.

Ангус возобновил упражнение. «Потянуть, отпустить. Потянуть, отпустить. Сохранить молодость мышцам…»

Бигелоу вздохнул.

– У меня все-таки это не идет из головы. Не знаю, что и думать. Может, это какой-то… Не знаю. Рука Провидения. Может, мы это заслужили.

– Не будь таким ревностным католиком, Джим! Вечно ты ждешь, что разверзнутся небеса и тебя поразит молнией. Прошло уже полгода, а я чувствую себя, как никогда в жизни. – Ангус вытянул ногу. – Взгляни на этот квадрицепс! Видишь, какие мышцы? Два года назад их не было.

– А мой квадрицепс ничуть не изменился, – хмуро заметил Бигелоу.

– Потому что ты им не занимаешься. И чертовски много беспокоишься.

– Наверное, так и есть, – вздохнул Бигелоу и повесил полотенце себе на шею. От этого он стал похож на черепаху, высунувшую голову из панциря.

Ангус проследил, как его приятель, тяжело ступая, выходит из зала. Бигелоу выглядел стариком, и неудивительно – на велосипеде он проводил не более десяти минут, почти не занимался и на других тренажерах. Некоторые люди просто не в состоянии поддерживать себя в форме. Вместо этого они попусту тратят силы на беспокойство о том, с чем все равно не могут ничего поделать.

Мышцы спины приятно горели от хорошей нагрузки. Он отпустил блоки и позволил себе минутную передышку. Оглядев зал, он увидел, что все

остальные тренажеры заняты главным образом женщинами – отрядом бабулек в спортивных костюмах и теннисных туфлях. Некоторые дамы поглядывали в его сторону и даже строили глазки, что он считал совершенно нелепым в их возрасте. На его вкус они были слишком старыми. Вот женщина, скажем, лет пятидесяти могла бы его заинтересовать. Но только если она будет изящной и хорошо сложенной, чтобы соответствовать ему во всех отношениях.

Пора дать потрудиться пекторальным мышцам.

Он потянулся к нужным рукояткам и уже приготовился свести руки, когда заметил – с агрегатом что-то не так. Правую рукоять, казалось, мелко трясло.

Он ослабил хватку и осмотрел деталь. Она была совершенно неподвижна, ни малейшего колебания. Он опустил глаза и похолодел. «Что такое?»

Его правая рука дрожала.

Молли Пикер подняла голову от унитаза и надавила на ручку спуска. В желудке у нее ничего не осталось. «Пепси», кукурузные чипсы и хлопья для завтрака – все выскочило. Голова кружилась. Молли села на пол и привалилась к стене, прислушиваясь к шуму воды в трубах. Три недели, подумала она. Я болею уже три недели.

Она заставила себя подняться и поплелась в постель. Свернувшись на комковатом матрасе, она тут же крепко уснула.

Проснулась она в полдень, когда в комнату вошел Роми. Он не потрудился даже постучать, просто сел на кровать и тряхнул ее за плечо.

– Привет, Молли-Duролли. Все еще животом маешься?

Застонав, она повернулась к нему. Роми напоминал ей рептилию – зализанные назад блестящие волосы, глаза такие темные, что не видно зрачков. Человек-ящерица. Но рука, гладившая ее волосы, была нежной – этого она за Роми не замечала уже давненько. Он улыбнулся.

– Не слишком хорошо сегодня, а?

– Меня снова стошнило. Я блюю без остановки.

– Ладно, я наконец-то принес тебе кое-что от этого.

Он поставил на тумбочку флакон. На этикетке от руки было написано: «При тошноте принимать по одной таблетке каждые восемь часов».

Роми сходил в ванную, налил стакан воды и вернулся к постели. Открыв бутылочку, он вытряхнул одну таблетку и помог Молли сесть.

– Кидай в топку, – велел он.

Она хмуро посмотрела на таблетку:

– Что это?

– Лекарство.

– Где ты это взял?

– Да не бойся. Это то, что доктор прописал.

– Какой доктор?

– Слышь, я тут пытаюсь что-то из себя строить, хочу, чтоб тебе легче стало, а ты еще пререкаешься. Да плевать мне, будешь ты жрать эти таблетки или нет.

Она отвернулась и почувствовала, что его рука, которую он прижимал к ее спине, превратилась в кулак. Затем неожиданно он расслабился и принялся ласково и примирительно поглаживать ее спину.

– Ладно тебе, Молли. Знаешь ведь, я о тебе забочусь. И всегда так было, и всегда будет.

Она горько усмехнулась:

– Можно подумать, это делает меня какой-то особенной.

– А ты и есть особенная. Моя неповторимая малышка. Моя самая лучшая девочка, – его ладонь скользнула ей под рубашку и легонько провела по коже. – Ты была такой колючкой в последнее время, прямо и не угодишь. Но ты же знаешь, Молли-Вкуснёля, я всегда заботился о тебе.

Он лизнул мочку ее уха и промурлыкал:

– Ням-ням.

– Так что это за таблетки?

– Я же сказал. Чтобы тебя перестало тошнить, и ты снова стала кушать. Девочка растет и должна кушать как следует. – Его губы скользнули вниз по ее шее и оказались на плече. – А если не будешь есть, придется

отвезти тебя в больницу. Ты же не хочешь угодить в больницу? К странноватым врачам?

– Не хочу я никаких врачей.

Она смотрела на таблетку, лежавшую у нее на ладони, и удивлялась – не по поводу лекарства, а по поводу Роми. Он уже несколько месяцев не был с ней так ласков, вообще почти не замечал. Не то что прежде, когда она и впрямь была для него особенной. Когда они проводили в постели ночи напролет, смотрели MTV, пили пиво и ели мороженое. Когда он был единственным, кто прикасался к ней. Кому позволялось к ней прикасаться. А потом все изменилось.

Он улыбнулся – не обычной своей кривоватой усмешкой, а по-настоящему, так, что и глаза улыбнулись.

Она проглотила таблетку и запила глотком воды.

– Вот умница. – Он снова уложил ее на подушку и подоткнул одеяло. – А теперь спи.

– Роми, побудь со мной.

– Мне пора идти, детка. – Он поднялся. – Дела.

– Я должна тебе кое-что сказать. Мне кажется, я знаю, почему я болею…

– Мы поговорим об этом потом, ладно? – Он погладил ее по голове и вышел.

Молли уставилась в потолок. «Три недели слишком долго для желудочного гриппа, – думала она. Молли положила руки на живот; ей показалось, что она уже чувствует какую-то припухлость. – Где я прокололась? От кого же я залетела?» Она всегда была осторожна, всегда сама брала презервативы, она даже научилась их надевать ласковыми поглаживаниями в ходе прелюдии. Она не была дурочкой и знала, от чего девчонку может тошнить.

И вот сейчас она попалась сама, причем не могла вспомнить, когда совершила ошибку.

А Роми будет винить ее.

Молли поднялась с кровати и почувствовала головокружение. Это от голода. В последнее время ей все время хотелось есть, даже несмотря на тошноту. Одеваясь, она сжевала несколько чипсов. Соль была приятной на вкус. Она могла бы есть их горстями, но оставалось всего несколько

штук. Молли разорвала пакет и вылизала крошки, затем посмотрела в зеркало. На губах застыла соляная корка, а вид в целом вызвал у нее такое отвращение, что она швырнула пакет в мусорное ведро и выскочила из комнаты.

Было всего четверть второго, и ничего особенного в ближайшее время не ожидалось. На улице она увидела Софи: привалившись к дверному косяку, та шумно прихлебывала «Пепси» из банки. У Софи была только задница, и никаких мозгов. Решив не обращать на нее внимания, Молли прошла мимо, целеустремленно глядя прямо перед собой.

– Ну надо же, наша Плоскодонка пожаловала, – сказала Софи.

– Чем больше сисек, тем меньше мозгов.

– Значит, подруга, у тебя наверняка чертова уйма мозгов. Молли пошла дальше, ускорив шаг, чтобы не слышать ржания Софи. Она не останавливалась, пока не добралась до телефонной будки в двух кварталах от дома. Найдя потрепанный экземпляр «Желтых страниц», она просмотрела оглавление, опустила в автомат двадцатипятицентовую монетку и набрала номер.

– Консультация по абортам.

– Мне надо с кем-то поговорить, – начала Молли. – Я беременна.

Черный автомобиль подплыл к тротуару. Роми влез на заднее сиденье и закрыл дверь.

Водитель не обернулся – он никогда не оборачивался. Большую часть времени в таких случаях Роми приходилось таращиться ему в затылок – узкий, с неправдоподобно белыми волосами. Такой цвет нечасто увидишь, особенно у парня. Роми стало любопытно, западают ли на него девки. По его представлениям, девкам на самом деле плевать, есть ли у тебя хоть один волос на голове, был бы бумажник потолще.

У самого Роми кошелек за последние дни изрядно похудел.

Он обвел глазами салон – как и раньше, с восхищением; при этом его немало раздражал тот факт, что человек на водительском сиденье превосходит его – и во многом. Не было нужды знать имя этого человека или род занятий; превосходство витало в воздухе, его можно было уловить так же, как запах натуральной кожи, которой были обтянуты сиденья. Для такого парня он, Ромулус Белл, не более чем шматок грязи, который случайно оказался в автомобиле и вскоре будет из него вышвырнут. Ради такого не стоит и оборачиваться.

Роми посмотрел на открытую шею водителя и подумал, как легко было бы все изменить, стоило только захотеть. От этой мысли ему немного полегчало.

– Тебе есть что сказать мне? – спросил водитель.

– Да. У меня еще одна залетела.

– Ты уверен?

– Эй, я знаю своих девочек вдоль и поперек. Я узнаю об этом раньше, чем они сами. Ведь я каждый раз оказывался прав, верно?

– Положим.

– Так что насчет денег? Мне полагаются деньги.

– Есть проблема.

– Что за проблема?

Водитель протянул руку и поправил зеркало заднего вида.

– Анни Парини не явилась утром на встречу.

Роми застыл, вцепившись в спинку переднего кресла:

– Что?

– Я не нашел ее. Ее не было там, где мы договаривались, у Коммон-парка.

– Она была там. Я сам ее туда отвел.

– Значит, она, ушла, прежде чем я подъехал.

«Бестолковая сучка», – подумал Роми. Как можно вести дела, когда эти сучки действуют против него, вечно норовят все испортить? Шлюхи безмозглые. А теперь они сделали идиота из него самого.

– Где Анни Парини, господин Белл?

– Я найду ее.

– И поскорее. У нас в запасе не больше месяца. – Шофер махнул рукой. – Можете вылезать из машины.

– А мои деньги?

– Сегодня вы ничего не получите.

– Но я же сказал, у меня еще одна в залете.

– На этот раз мы сначала хотим получить свое. Последняя неделя октября. И не потеряйте товар. А теперь выходите, господин Белл.

– Мне нужны…

– Выходите.

Роми вылез, хлопнув дверью. Машина тут же рванула с места, оставив его в бессильной ярости.

Он двинулся по Третмонт-стрит, его раздражение нарастало с каждым шагом. Он знал, где обитает Анни Парини; знал, что может отыскать ее – и отыщет.

Слова шофера не шли у него из головы: «На этот раз не потеряйте товар».

Зазвонил телефон, пробудив Тоби от такого глубокого сна, что у нее сложилось впечатление, будто она выныривает из непролазной трясины. Нащупав трубку, она сшибла ее с рычага. Телефон с глухим стуком упал на пол. Перекатившись в кровати, чтобы добраться до телефона, она краем глаза взглянула на часы. Было ровно двенадцать часов дня – для нее то же самое, что для других полночь. Трубка завалилась за тумбочку. Потянув за провод, Тоби удалось ее достать.

– Алло!

– Доктор Харпер? Это Роби Брэйс.

Она силилась припомнить, кто этот человек и почему его голос ей знаком.

– Дом престарелых Казаркин Холм, – напомнил он. – Мы виделись два дня назад. Вы спрашивали меня про Гарри Слоткина.

– А, да. – Она села, сон внезапно слетел с нее без остатка. – Спасибо, что позвонили.

– Боюсь, что сказать особо нечего. Передо мной сейчас медицинская карта Гарри, и тут значится, что он совершенно здоров.

– Там совсем ничего?

– Ничего, что могло бы объяснить заболевание. В данных внешнего осмотра ничего интересного. Анализы на вид хорошие… – До Тоби донесся шелест перелистываемых страниц. – Здесь есть анализ на полный гормональный профиль – все в норме.

– Когда это было?

– Месяц назад. Значит, то, что вы видели в неотложке, какой-то острый случай.

Она закрыла глаза и почувствовала, как ее желудок снова сжимается от волнения.

– Ничего нового не слышно? – спросила она.

– Сегодня утром прочесали пруд. Его не нашли. Что, полагаю, к лучшему.

«Да. Это значит, что, возможно, он еще жив».

– В любом случае больше я ничего не могу вам сообщить.

– Спасибо, – сказала она и повесила трубку.

Тоби знала, что нужно попытаться снова заснуть. Вечером ей предстоит дежурство, на отдых осталось не больше четырех часов. Однако звонок Роби Брэйса взволновал ее.

Телефон зазвонил снова.

Она схватила трубку:

– Доктор Брэйс?

Голос на другом конце прозвучал удивленно:

– Хм, нет… Это Пол.

Пол Хокинс был главным в отделении «Скорой помощи» клиники Спрингер. Формально он был ее начальником, неофициально – одним из немногих близких друзей среди медперсонала, способным всегда выслушать и посочувствовать.

– Извини, Пол, – сказала Тоби. – Я думала, это мне один человек перезванивает. Что случилось?

– У нас тут проблема. Мне нужно, чтобы ты пришла после обеда.

– Но я только несколько часов назад сменилась. И сегодня опять в ночь.

– Работать не придется. Просто нужно подойти к начальству. Эллис Коркоран просил.

В медицинской иерархии клиники главный хирург Коркоран занимал высшую ступень власти. Пол Хокинс, как и другие главы отделений, подчинялся ему.

Тоби выпрямилась.

– И зачем я понадобилась?

– Да есть пара вопросов.

– Гарри Слоткин?

Пауза.

– Отчасти. Есть и другие темы, которые они хотят обсудить.

– Они? А кто еще там будет?

– Доктор Кэри. Руководство. Их интересует, что произошло сегодня ночью.

– Я же тебе рассказала.

– Да, и я попытался объяснить это им. Но Дату Кэри вожжа под хвост попала. Он нажаловался Коркорану.

Тоби застонала.

– Знаешь, из-за чего весь сыр-бор, Пол? Это не имеет отношения к Гарри Слоткину. Это из-за того мальчика, Фрейтаса. Того, что умер несколько месяцев назад. Кэри пытается мне отомстить.

– Это совершенно другой вопрос.

– Нет. Кэри тогда облажался, и мальчик умер. А я сказала, что это из-за него.

– Это было не простое обвинение в ошибке. Из-за тебя он пошел под суд.

– Семья мальчика спросила мое мнение. Мне что, нужно было солгать им? В любом случае его стоило отдать под суд. Оставить парнишку с

разрывом селезенки без наблюдения! Ведь мне пришлось реанимировать бедного ребенка.

– Положим, он действительно напортачил. Но ты могла бы посдержанней высказывать свое мнение.

В этом-то и была главная сложность. Тоби не умела сдерживаться.

В таком случае ужаснется любой врач: умирающий ребенок. Рыдающие родители в коридоре. Пытаясь спасти мальчика, Тоби выпалила с досадой: «Почему ребенок не в реанимации?»

Родители слышали это. Потом об этом узнали адвокаты.

– Тоби, сейчас нам надо сосредоточиться на текущих делах. Встреча назначена сегодня на два часа. Тебя приглашать не хотели, но я настоял.

– А почему меня не хотели звать? Это что, тайный суд Линча?

– Просто постарайся приехать, ладно?

Она повесила трубку и посмотрела на часы. Уже половина первого; она не сможет уйти – сначала нужно кому-нибудь перепоручить маму. Она схватила трубку и набрала Брайана. После четырех длинных гудков включился автоответчик: «Привет, это Ноэль! А это – Брайан! Мы с нетерпением ждем от вас новостей, поэтому оставьте сообщение…»

Она нажала кнопку разъединения и набрала другой номер – сестры. «Пожалуйста, будь дома. Прошу, Вики, ради меня, сними трубку!»

– Алло!

– Это я, – проговорила Тоби, облегченно вздохнув.

– Можешь подождать секунду? У меня там на плите…

Тоби услышала, как трубка легла на стол, звякнула крышка кастрюли. Затем на линии снова послышался голос Вики:

– Извини. Сегодня придут на обед сослуживцы Стива, и я пытаюсь приготовить новый десерт…

– Вики, у меня безвыходное положение. Мне нужно, чтобы ты пару часов присмотрела за мамой.

– Ты хочешь сказать… прямо сейчас? – Вики недоверчиво хмыкнула.

– У меня срочная встреча в больнице. Я заброшу ее к тебе и заберу, как только освобожусь.

– Тоби, у меня сегодня гости. У меня готовки полно, еще надо прибрать дом, и вот-вот придут из школы дети.

– Мама не доставит тебе хлопот, правда. Она сама чем-нибудь займется на заднем дворе.

– Я не хочу, чтобы она слонялась по двору! Мы только что уложили там новый газон…

– Тогда усади ее перед телевизором. Мне нужно бежать, иначе я не успеваю.

– Послушай…

Тоби швырнула трубку. У нее не было ни времени, ни терпения на споры, до Вики еще полчаса езды.

Элен была в саду, радостно ковырялась в компостной куче.

– Мам, – сказала Тоби. – Нам надо ехать к Вики.

Элен выпрямилась, и Тоби с досадой обнаружила, что у нее все руки черные и платье выпачкано землей. Времени отмывать и переодевать ее не было. Вики удар хватит.

– Пошли в машину, – скомандовала Тоби. – Нам надо спешить.

– Нельзя беспокоить Вики, ты же знаешь.

– Ты уже сто лет ее не видела.

– Она занята. Вики очень занятая девочка. Я не хочу ей мешать.

– Мам, нам надо идти.

– Ты иди, а я останусь дома.

– Это всего на несколько часов. А потом сразу приедем домой.

– Нет, я лучше приберусь тут в саду.

Элен наклонилась и воткнула совок поглубже в черную кучу компоста.

– Мама, надо идти! – В сердцах Тоби схватила мать за руку и подняла на ноги так резко, что Элен испуганно охнула.

– Мне больно! – всхлипнула она.

Тоби мгновенно отпустила ее. Элен отступила, потирая руку и недоуменно глядя на дочь.

Это молчание и блеснувшие в глазах слезы ранили Тоби в самое сердце.

– Мама. – Тоби покачала головой, сгорая от стыда. – Прости. Мне правда очень жаль. Я только хотела, чтобы ты меня сейчас послушалась. Ну, пожалуйста!

Элен посмотрела на свою упавшую шляпку, которая теперь лежала на траве, ее соломенные поля подрагивали на ветру. Она медленно нагнулась, подняла ее и выпрямилась, прижимая шляпу к груди. Горестно вздохнув, мама опустила голову и кивнула. Они пошли к калитке и остановились, чтобы Тоби отперла ее.

По дороге Тоби пыталась помириться с Элен. С наигранной веселостью она рассказывала, как они проведут выходные. Они поставят возле дома еще одну шпалеру для роз и посадят куст «Нового рассвета» или «Пламени». Элен очень любила красные розы. Они раскидают компост и разметят грядки для луковичных. А потом будут есть сандвичи со свежими помидорами и пить лимонад. Им так много всего предстоит!

Элен не сводила глаз со шляпы, лежавшей у нее на коленях, и молчала.

Подкатив к дому Вики, Тоби собралась с духом, чтобы выдержать предстоящее испытание. Вики, разумеется, поднимет несусветный шум, жалуясь на свою непомерную занятость. Ну, конечно, у нее же столько обязанностей! Преподавание на кафедре биологии в колледже Бентли. Своенравный и раздражительный муж, чье самое любимое слово – «я». Сын и дочь с неизбежной хандрой переходного возраста. Хорошо Тоби одной и без детей! Кому же еще, как не ей, заботиться о маме?

«Что же еще мне делать в этой жизни?»

Тоби помогла Элен вылезти из машины и подняться на крыльцо. Дверь распахнулась, и появилась Вики, красная от злости.

– Тоби, ты нашла самое неудачное время!

– Для нас обеих, поверь. Постараюсь забрать ее, как только смогу. – Тоби подтолкнула мать вперед. – Иди, мама. Располагайся. Приятно тебе провести время.

– Я тут на кухне кручусь, – сообщила Вики, – и не могу смотреть за ней.

– С ней все будет отлично. Посади ее к телевизору. Она любит канал «Никелодеон».

Вики хмуро оглядела Элен.

– Что у нее с одеждой? Она вся в грязи. Мама, а что с рукой? Почему ты ее трешь?

– Болит. – Элен грустно покачала головой. – Тоби на меня рассердилась.

Тоби почувствовала, как заливается краской.

– Мне нужно было отвести ее в машину. Она не хотела уходить из сада. Вот почему она такая чумазая.

– Но не могу же я оставлять ее в таком виде! У меня гости в шесть!

– Обещаю тебе, я вернусь за ней раньше. – Тоби поцеловала Элен в щеку. – До скорого, мама. Слушайся Вики.

Элен, не оборачиваясь, прошла в дом. «Она меня наказывает, – подумала Тоби. – Заставляет чувствовать себя виноватой за то, что я вспылила».

– Тоби, – окликнула Вики, спускаясь вслед за ней к машине. – В следующий раз предупреждай меня заранее. И вообще, разве мы не за это платим Брайану?

– Не смогла найти его. Дети скоро вернутся. Они могут присмотреть за ней.

– Они не хотят!

– А ты попробуй заплатить им. Твои дети наверняка ценят всемогущий доллар.

Тоби захлопнула дверь и завела мотор. «И какой черт меня за язык тянул? – думала она, отъезжая. – Мне надо остыть. Взять себя в руки и подготовиться к этой встрече». С Вики она уже дала маху. Теперь не только Элен, но и сестра будет на нее дуться. Возможно, вообще весь этот проклятый мир на нее разобиделся.

Ей внезапно захотелось дать по газам и уехать куда глаза глядят, подальше от всего этого. Сменить имя, город, жизнь. Нынешняя превратилась в хаос, и Тоби не знала, чья в том вина. Наверняка не только ее, она просто пыталась делать все, что было в ее силах.

Было 14.10, когда она въехала на стоянку больницы Спрингер. Времени на раскачку не оставалось, встреча уже началась, а ей не хотелось, чтобы Даг Кэри раскрывал рот в ее отсутствие. Если уж он собирается нападать на нее, Тоби хотела быть там, чтобы защищаться. Она помчалась прямиком в административное крыло, взбежала на второй этаж и зашла в зал.

Все сразу примолкли.

Оглядев стол, она увидела среди шести присутствовавших и дружеские лица. Пол Хокинс. Вэл. Модин. Тоби села рядом с Вэл, напротив Пола, который молча приветствовал ее кивком. Если уж кто-то маячит перед глазами, пусть это будет симпатичный мужчина. Она едва взглянула на доктора Кэри; тот сидел на дальнем конце стола, однако его враждебность невозможно было не почувствовать. Мелкий человечек (во всех смыслах), Кэри компенсировал свой малый рост гвардейской выправкой и угрожающе прямым взглядом. Подлый мелкий чихуахуа. В этот момент он в упор смотрел на Тоби.

Решив не обращать внимания на Кэри, она сосредоточилась на главном хирурге Эллисе Коркоране. Она не очень хорошо знала Коркорана – любопытно, а мог ли кто-нибудь в клинике Спрингер похвастаться, что хорошо его знает? Было весьма непросто преодолеть его замкнутость, характерную для янки. Он редко выказывал эмоции, вот и сейчас лицо его оставалось бесстрастным. Администратор клиники Айра Бекетт, который сидел, упершись массивным животом в стол, тоже редко выставлял чувства напоказ. Молчание затягивалось. У Тоби взмокли ладони, под столом она вытерла их о брюки.

– Так вы говорили нам, мисс Коллинз… – напомнил Айра Бекетт.

Модин откашлялась.

– Я пыталась вам объяснить, что все случилось одновременно. У нас в травмпункте находилась тяжелая пациентка. Все свое внимание мы направили на нее. Мы сочли, что господин Слоткин достаточно стабилен…

– То есть вы не обращали на него внимания? – влез Кэри.

– Нет, обращали.

– Как долго он оставался без присмотра? – уточнил Бекетт.

Модин взглянула на Тоби с мольбой: «Помоги мне!»

– Я была последней, кто видел господина Слоткина, – сказала Тоби. – Это было примерно в пять, пять пятнадцать. А в шесть с чем-то я поняла, что его нет.

– Значит, вы оставили его без присмотра почти на час?

– Он ожидал компьютерной томографии. Мы уже позвонили технику-рентгенологу. На тот момент мы больше ничего не могли для него сделать. Мы так и не знаем, как ему удалось выбраться.

– Потому что вы не приглядели за ним, – постановил Кэри. – Вы даже не привязали его.

– Он был привязан, – возразила Вэл. – И руки, и ноги.

– Значит, он новый Гудини. Никто не может самостоятельно выбраться при фиксации в четырех точках. Или кто-то забыл закрепить ремни?

Обе медсестры молча разглядывали стол.

– Доктор Харпер, – сказал Бекетт, – по вашим словам, вы были последней, кто видел господина Слоткина. Он был привязан?

Она сглотнула.

– Я не знаю.

Пол, сидевший напротив нее, нахмурился:

– Ты говорила, что был.

– Я так думаю. В смысле, я полагала, что привязала его. Смена была такая суматошная, что теперь… теперь я не уверена. Если бы он был привязан, то не смог бы сбежать.

– Ну, наконец-то мы, по крайней мере, честно в этом признались, – заметил Кэри.

– Я никогда не была нечестной, – огрызнулась она. – Если у меня и были проколы, то я уж, во всяком случае, это признавала.

– Тоби, – предостерегающе вмешался Пол.

– Иногда нам приходится управляться с пятью экстренными случаями сразу. Мы не можем помнить каждую мелочь, если во время дежурства возникают осложнения.

– Вот видите, Пол? – сказал Кэри. – О чем я и говорю. Мне постоянно приходится сталкиваться с подобными выпадами. И всегда это ночная смена.

– Вообще-то вы единственный, кто на них жалуется, – заметил Пол.

– Я могу назвать вам еще пяток врачей, у которых были те же проблемы. Нам звонят в любое время ночи, вызывая к пациентам, которых вообще не нужно было принимать. Это вопрос компетентности.

– О каких пациентах вы говорите? – поинтересовалась Тоби.

– У меня сейчас нет списка перед глазами.

– Тогда поищите. Если вы намерены ставить под сомнение мою компетентность, я хочу конкретики.

Коркоран вздохнул.

– Мы уходим от сути.

– Нет, суть как раз в этом, – возразил Кэри. – В компетентности персонала отделения, которое возглавляет Пол. А вы знаете, что они здесь устроили вчера вечером? Гулянку по поводу дня рождения! Я зашел в ординаторскую за кофе, а там повсюду гирлянды понавешаны! И торт с кучей потушенных свечек. Вот что тут происходило. Они так увлеклись вечеринкой, что не позаботились…

– Это чушь собачья, – отрезала Тоби.

– Но ведь у вас была вечеринка, верно? – сказал Кэри.

– Да, до того, как все началось. И это никоим образом не помешало нашей работе. А когда доставили женщину с тампонадой, нам вообще стало ни до чего. Все силы были брошены на нее.

– Но вы и ее потеряли, – заметил Кэри.

Это прозвучало как пощечина. Краска залила щеки Тоби. Самое ужасное, что он был прав. Она действительно потеряла пациентку. Смена обернулась скандалом, да еще и публичным. Другие пациенты слышали в приемной гневный монолог Слоткина-младшего. Затем «скорая» доставила пациента с болью в груди, да еще полиция приехала, две патрульные машины – помочь в поисках исчезнувшего пациента. Первый закон Ньютона правил бал в отделении Тоби, превратив до мелочей выверенный порядок в хаос.

Упершись руками в стол, она подалась вперед, глядя при этом не на Кэри, а на Пола.

– У нас не было соответствующей помощи для случая с тампонадой. Эту пациентку нужно было везти в хирургический центр. Мы сохраняли ей жизнь, сколько могли. Сильно сомневаюсь, что даже наш великолепный доктор Кэри смог бы спасти ее.

– Вы позвонили мне слишком поздно, и я ничего не мог поделать, – заявил Кэри.

– Мы позвонили, как только поняли, что это тампонада.

– И сколько времени у вас на это ушло?

– Несколько минут после того, как ее доставили.

– Согласно отчету «скорой», больную привезли в пять двадцать. А мне позвонили только в пять сорок пять.

– Нет, это было раньше. – Она посмотрела на Вэл и Модин, те дружно кивнули.

– Этого нет в записях, – возразил Кэри.

– Когда было это записывать? Мы из сил выбивались, чтобы спасти ее!

– Пожалуйста, успокойтесь, – вмешался Коркоран. – Мы тут собрались не на кулачный бой. Надо обсудить, как разобраться с новой проблемой.

– Что еще? – изумилась Тоби.

Все удивленно посмотрели на нее.

– Я не успел сказать тебе, – пояснил Пол. – Я и сам только что услышал. Какие-то газетчики пронюхали. Пошел материал под заголовком вроде: «Забытый всеми пациент исчез из неотложки». Журналист недавно звонил, спрашивал о подробностях.

– А что здесь интересного для репортеров?

– Ну, это как если бы хирург отрезал не ту ногу. Народ любит узнавать об оплошностях медиков.

– Но кто им рассказал? – Тоби обвела глазами сидящих за столом и на миг встретилась взглядом с Кэри. Он отвернулся.

– Может, им сообщила семья Слоткина, – предположил Бекетт. – Возможно, они собираются подавать иск. Мы не знаем, как это на самом деле просочилось в газеты.

– Ошибки всегда всплывают, – ядовито заметил Кэри.

– Ваши обычно удавалось похоронить, – парировала Тоби.

– Я прошу вас, – одернул их Коркоран. – Если пациента благополучно обнаружат, все в порядке. Но прошло уже два дня, и, насколько мне известно, от него ни слуха ни духа. Остается только надеяться, что его найдут целым и невредимым.

– За сегодняшнее утро репортер звонил уже дважды, – сообщила Модин.

– Надеюсь, никто с ним не откровенничал?

– Нет. На самом деле сестры просто вешали трубку.

– Да уж, это единственный способ общения с прессой, – мрачно хмыкнул Пол.

– Если этого человека сумеют найти, – объявил Коркоран, – то нам, возможно, удастся выпутаться из этой передряги без особых потерь. К сожалению, больные Альцгеймером способны бродить часами.

– У него нет Альцгеймера, – возразила Тоби.

– Но вы сказали, у него было расстройство сознания.

– Я не знаю причину. При осмотре я не нашла никаких очаговых поражений. Все анализы крови у него в норме. К сожалению, не удалось сделать томографию. Я бы с удовольствием сообщила вам его диагноз, но мне не довелось закончить обследование. – Она немного помолчала. – Хотя у меня возникал вопрос, действительно ли у него были судороги.

– Вы что-то видели?

– Я заметила, как у него дергается нога. Не могу сказать, было ли это движение произвольным.

– О Боже. – Пол откинулся на спинку кресла. – Будем надеяться, он не забредет на шоссе или к какому-нибудь водоему. Он мог попасть в беду.

Коркоран кивнул:

– И мы тоже.

После собрания Пол пригласил Тоби в больничную столовую. Было три часа, кормить закончили час назад, так что в их распоряжении оставались лишь автоматы, набитые крекерами, чипсами и нескончаемым запасом кофе, крепкого, как серная кислота. В столовой было пусто, можно было расположиться где угодно, однако Пол предпочел столик в самом углу, подальше от входа. Подальше от чужих ушей.

Он сел, не глядя на нее.

– Поверь, это нелегко для меня, – признался Пол.

Она сделала глоток; осторожно и сосредоточенно опустила чашу. Он по-прежнему смотрел не на нее, а на стол. Нейтральная территория. Не похоже на Пола, раньше он не избегал ее взгляда. Многие годы между ними держались спокойные и открытые дружеские отношения. Как всегда в случае дружбы между мужчиной и женщиной, у них были и свои маленькие уловки. Тоби никогда не признавалась, насколько он ей симпатичен, поскольку это было бессмысленно, да вдобавок она слишком хорошо относилась к его жене Элизабет. Но во всем остальном они были друг с другом честны. Поэтому ей и было сейчас так обидно видеть, как он таращится на стол, поскольку это порождало сомнения в его прежней искренности.

– Я рад, что ты приехала, – сказал он. – Мне хотелось, чтобы ты увидела, с чем мне приходится сталкиваться.

– Ты про Дага Кэри?

– Не только. Знаешь, меня попросили прийти на собрание руководства в следующий четверг. Я знаю, это дело всплывет и там. У Кэри есть друзья в правлении. И он жаждет крови.

– Он жаждет ее уже несколько месяцев, с тех самых пор, как умер этот мальчик, Фрейтас.

– И сейчас для него – долгожданная возможность отыграться. История со Слоткиным просочилась наружу. Так что больничное руководство вынуждено выслушать все жалобы Кэри на тебя.

– Думаешь, они обоснованны?

– Если бы я так думал, ты бы у меня не работала. Уверяю тебя.

– Проблема в том… – вздохнула она. – Боюсь, я действительно в этот раз дала маху. Не понимаю, как Гарри Слоткин мог сбежать, если он был

привязан. А значит, я, наверное, оставила его непривязанным. Я просто не помню…

Глаза резало от недосыпа, и кофе устроил бунт в желудке. «Вот и я теряю память, – подумала она. – Неужели это первый признак Альцгеймера? Неужели это и для меня начало конца?»

– Я все думаю о маме, – призналась Тоби. – О том, что бы я чувствовала, если бы это она потерялась где-то на улице. Как бы я злилась на людей, виноватых в этом. Я проявила беспечность и подвергла опасности беспомощного старика. Семья Гарри Слоткина имеет полное право подать на меня в суд. Осталось только подождать, когда это произойдет.

Молчание Пола заставило ее поднять глаза.

– Наверное, пора тебе сказать… – тихо проговорил он.

– Что?

– Семья затребовала копию ваших записей. Запрос от их адвоката пришел сегодня утром.

Она ничего не сказала. Изжога сменилась тошнотой.

– Это не значит, что они начнут тяжбу, – продолжал Пол. – Во-первых, его семья вряд ли нуждается в деньгах. А обстоятельства, которые могут при этом всплыть, не слишком приятны. Папаша, который бродит по парку голышом…

– Если Гарри найдут мертвым, я уверена, они пойдут в суд. – Тоби схватилась за голову. – Боже мой, это будет уже второй судебный процесс за три года.

– Последний был сущей ерундой. И ты его выиграла.

– Этот не выиграю.

– Слоткину семьдесят два, жить ему осталось не так уж долго. Это может снизить ущерб.

– Семьдесят два – не возраст! Ему еще жить и жить!

– Но, попав в отделение неотложной помощи, он уже был болен. Если найдут его тело, если окажется, что он уже был смертельно болен, это сыграет тебе на руку в суде.

Она потерла лицо.

– Вот уж где меньше всего мне хотелось бы оказаться. В суде.

– Давай не будем торопить события. У нас сейчас другая неприятность. Мы знаем, что информация уже просочилась в СМИ, а они любят страшилки про врачей. Если больничное руководство почувствует давление общественности, они вцепятся в меня и потребуют принять меры. Я сделаю все возможное, чтобы тебя защитить. Но, Тоби, могут убрать и меня… – Он помедлил. – Майк Эстерхаус уже выказал готовность занять это место.

– Это просто катастрофа!

– Он соглашатель. Он не станет воевать, как я. Каждый раз, когда пытаются сократить очередную дипломированную сестру, я начинаю вопить как резаный. А Майк вежливо поклонится: будьте любезны.

В первый раз ей пришло в голову: «Я топлю Пола вместе с собой».

– Единственное, на что нам остается надеяться, – продолжил он, – что они найдут пациента. Тогда проблема разрешится. Не будет ни любопытства прессы, ни угрозы судебного разбирательства. Он должен найтись – в целости и сохранности.

– Что с каждым часом все менее и менее вероятно.

Они сидели молча, кофе в чашках стыл, их дружеские отношения натянулись до предела. Вот почему врачам нельзя жениться на коллегах, подумала она. Вечером Пол вернется к Элизабет, чья работа никак не связана с медициной. И между ними нет этой напряженности, им не приходится делить тревогу из-за Дага Кэри, или судебного преследования, больничное руководство не способно испортить им ужин. Элизабет поможет Полу отвлечься от проблем, по крайней мере на один вечер.

«А кто поможет мне?»

6

Сегодня никаких резиновых кур, подумал Роби Брэйс, когда официантка поставила перед ним тарелку. Он посмотрел на седло барашка, молодую картошку и тушеные, совсем еще крошечные овощи. Все выглядело таким нежным и юным! Разрезая ножом мясо, он думал: избранные предпочитают питаться юностью. Сам-то он не чувствовал никакой особой избранности, хоть и сидел за столом, украшенным зажженными свечами, а рядом с его тарелкой примостился изящный бокал с шампанским. Он посмотрел на жену, Грету, сидевшую рядом. Ее светлый

лоб прорезала хмурая складочка. Он подозревал, что недовольство вызвано не качеством пищи – ее просьба о вегетарианской закуске была беспрекословно удовлетворена, а сама еда художественно сервирована. Глядя на два десятка других столов в банкетном зале, она наверняка обратила внимание на то, что заметил ее супруг: они сидели за самым дальним от трибуны столом. Задвинуты в угол, где их почти не видно.

Половина стульев за их столом пустовала, еще три были заняты администраторами дома престарелых и совершенно глухим инвестором Казаркина Холма. Их сослали за этот столик, словно в Сибирь. Оглядывая зал, он увидел, что другим врачам достались более почетные места. Доктор Крис Олыпанк, который был принят на работу в ту же неделю, что и Роби, получил место гораздо ближе к трибуне. «Возможно, это ничего не значит. Возможно, это просто случайная оплошность при размещении гостей». Но Брэйс не мог не отметить очевидную разницу между Крисом Ольпанком и самим собой.

Олыпанк был белым.

«Эй, приятель, ты забиваешь себе голову ерундой!» Он глотнул шампанского, осушив бокал одним возмущенным глотком. Его не отпускала мысль, что он был единственным чернокожим мужчиной среди гостей. Были еще две черные женщины за другим столом, но он был единственным. Это уже превратилось в навязчивую идею, привычку, прочно засевшую в его сознании, которая срабатывала каждый раз, стоило ему оказаться в многолюдном помещении. Сколько среди присутствующих белых, сколько азиатов, сколько черных? Если тех или иных было слишком много, он чувствовал себя неуютно, словно была превышена некая приемлемая для него расовая квота. Даже теперь, будучи врачом, он не мог отделаться от болезненного осознания своего цвета кожи. Буквы после его имени, свидетельствующие о высшем медицинском образовании, ничего не изменили.

Грета протянула к нему руку – такую маленькую и бледную на фоне его черноты.

– Ты не ешь.

– Ничего подобного. – Он посмотрел на ее вегетарианское ассорти: – Как тебе кроличья еда?

– Кстати, очень вкусно. Попробуй! – Она подхватила вилкой кусочек приправленного чесноком картофеля и сунула ему в рот. – Правда, вкусно? И между прочим, полезнее для твоих сосудов, чем этот бедный ягненок.

– Рожденный хищником…

– …им и останется. Но я надеюсь на твое прозрение.

В конце концов он улыбнулся, не устояв перед красотой собственной жены. Грета не относилась к тем, чья красота – в глазах смотрящего; в ее лице были видны и ум, и страсть. Хотя ей самой, казалось, было безразлично, какое впечатление она производит на противоположный пол, Брэйс с болью подмечал, как на нее смотрят другие мужчины. И видел, как они смотрят на него – черного, женатого на рыжеволосой красавице. Зависть, возмущение, недоумение видел он в их глазах, когда они поглядывали на мужа и жену, черное и белое.

Постукивание по микрофону отвлекло их. Брэйс поднял глаза и увидел, что на трибуну взошел Кеннет Фоули, главный исполнительный директор Казаркина Холма.

Огни притушили, и на проекционном экране над головой Фоули появилась картинка. На слайде был логотип Казаркина Холма – завитое барочное «К», переплетенное с «Х», а под ними слова:

БЛАГОПОЛУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗДЕСЬ – ЛУЧШАЯ НАГРАДА.

– Что за отвратительный слоган, – шепнула Грета. – Почему бы просто не сказать: «Здесь живут богачи».

Брэйс предупреждающе сжал ее колено. Разумеется, он был с ней согласен, но не стоило демонстрировать социалистические убеждения в окружении соболей и бриллиантов.

Тем временем Фоули начал свою речь:

– Шесть лет назад Казаркин Холм был всего лишь идеей. Не уникальной, конечно; американцы стареют, и по всей стране, в каждом штате возникают сообщества пожилых людей. Казаркин Холм сделала уникальным не сама идея, а ее исполнение. То, насколько нам удалось осуществить всеобщую мечту.

Слайд сменился: на экране появилась территория Казаркина Холма с лебединым прудом на первом плане и перекатами полей для гольфа, теряющимися в мягкой дымке.

– Мы знаем, что мечта плохо увязывается со спокойной старостью, за которой следует спокойная смерть. Мечта связана с жизнью. С началом, а не с концом. Именно это мы и предлагаем нашим клиентам. Мы делаем из мечты реальность. И посмотрите, как далеко мы продвинулись! Казаркин Холм в Ньютоне расширяется. Места в филиале

в Ла-Джолле распроданы. В прошлом месяце началось строительство нашего третьего филиала, в Неаполе, штат Флорида, и семьдесят пять процентов еще не существующих зданий разошлись. И сегодня, в шестую годовщину успешной реализации нашего проекта, я хочу сообщить вам потрясающую новость. – Он замолчал, и на экране снова появился логотип Казаркина Холма на ярко-синем фоне. – Завтра в восемь часов утра, – объявил он, – мы впервые выставляем наши акции на биржу. Я думаю, вы понимаете, что это означает.

«Деньги», – подумал Брэйс, слыша возбужденное бормотание зала. Состояние для первоначальных инвесторов. А для Казаркина Холма – поток наличных, который подстегнет создание новых филиалов в других штатах. Тогда понятно, почему на столах шампанское; завтра утром половина присутствующих в зале станут еще богаче, чем были прежде.

Аудитория разразилась аплодисментами.

Грета не хлопала, что с некоторой неловкостью заметил Роби. Старое убеждение насчет упрямства рыжих как нельзя лучше подходило его жене. Она сидела, скрестив руки и вздернув подбородок – истинный портрет непримиримой социалистки.

На экране появлялись все новые слайды, отбрасывая цветные тени на лицо Греты. Фотографии отделения в Ла-Джолле, спроектированного как целый поселок вилл в средиземноморском стиле с видом на Тихий океан. Оздоровительный клуб в Ньютоне: с десяток пожилых дам в шикарных спортивных костюмах занимаются аэробикой. Снимок на поле для гольфа: двое мужчин позируют возле автомобильчика под полосатым тентом. Фотография обедающих в ресторане здешнего клуба; бутылка шампанского остывает в серебряном ведерке со льдом.

«Здесь живут богачи».

Роби поерзал на стуле, с огорчением чувствуя, что Грета думает о происходящем. Забота о богачах – не то, чему он намеревался посвятить жизнь, когда был студентом. Но тогда он еще не представлял себе пресса студенческих заемов, закладных на дом, сбережений в фонд колледжа для ребенка. Не представлял, что будет вынужден перейти на сторону противника.

Сидевшая, положив ногу на ногу, Грета сменила позу, коснувшись его бедра своим, и Роби неожиданно разозлился на то, что она отказывается понять его точку зрения. Она – домохозяйка и вольна придерживаться своих принципов. А вот он должен заботиться, чтобы у его семьи был стол и кров. И что дурного в том, что он ухаживает за богачами? Как и все, богатые тоже болеют, им нужны доктора, нужно сострадание.

Они платят по счетам.

Он скрестил руки на груди, физически и эмоционально отгородившись от Греты, и уставился на экран. Вот в чем была истинная цель этого обеда, устроенного Кеном Фоули, – поднять шум вокруг акций, разжечь интерес. Речь Фоули была рассчитана на гораздо более широкую аудиторию, чем присутствовала в зале. Наверняка Казаркин Холм уже появился на экранах брокерских фирм по всей стране. Каждое слово, произнесенное сегодня Фоули, будет подхвачено и растиражировано массмедиа.

Появился новый слайд – представление архитектора о внешнем виде нового крыла дома престарелых. Вчера залили фундамент, на следующей неделе начнут копать котлован еще под одну пристройку. Они хотят возвести эти корпуса как можно быстрее, поскольку спрос неуклонно растет.

Описав сам продукт, Фоули объяснял его рыночные перспективы. Очередной слайд представил диаграмму, отражающую рост численности пожилого населения в США. Волна бэби-бумеров вошла в старость, словно поросенок, проглоченный удавом. Поколение яппи сменило лыжи на ходунки. Вот наша целевая аудитория, сказал Фоули, обводя лазерной указкой статистического поросенка в удаве. Наши будущие клиенты. К 2005 году бэби-бумеры начнут уходить на покой, а Казаркин Холм как раз такое место, на которое они обратят свои взоры. Мы говорим о росте – колоссальном возврате ваших вложений. Поколению бэби-бума предстоит новая, захватывающая фаза жизни. Они не хотят тревожиться о болезнях и немощи. У многих из них есть сбережения – и немалые. Эти люди стареют, но не хотят чувствовать себя старыми.

«А кто хочет?» – удивился про себя Брэйс. Кто из нас не смотрел в зеркало, с ужасом констатируя, что глядящее на него лицо гораздо старше, чем он сам?

Наконец на их позабытый стол принесли десерт и кофе. Грета, лизнув искусственное нечто, политое взбитыми сливками, есть не стала. Брэйс умял оба десерта, пустившись в отчаянный калорийный разгул. Рот его был набит взбитыми сливками, когда он услышал из динамика собственное имя.

Грета подтолкнула его:

– Встань, – шепнула она. – Они представляют новых врачей.

Брэйс вскочил, нечаянно смахнув каплю сливок прямо на костюм. Простоял он всего секунду, неловко прикрываясь салфеткой; помахав

рукой аудитории, он поспешно опустился на стул. Еще три новых врача тоже поднимались и махали, но никто из них сливками костюмы не пачкал и не каменел от смущения.

«Заканчивая университет, я был вторым в группе, – думал он. – И был назван интерном года. Я добился этого, несмотря ни на что, без всякой финансовой поддержки своей семьи. А теперь сижу здесь как чертов дебил».

Грета коснулась его колена под столом:

– Здесь в воздухе чересчур много богатства, – шепнула она. – Мне кажется, я задыхаюсь от золотой пыли.

– Хочешь уйти?

– А ты?

Он посмотрел на трибуну, где Фоули все еще разглагольствовал о деньгах. Возврат инвестиций, рост числа пенсионеров. Эти старики – настоящая золотая жила.

Он бросил салфетку на стол:

– Пошли отсюда.

Ангус Парментер чувствовал себя нехорошо, совсем нехорошо. С четверга дрожь в руке уходила и возвращалась дважды. Он обнаружил, что, если сосредоточится, он может подавить ее, но это требовало больших усилий, и от этого рука начинала болеть. Оба раза дрожание прекращалось самопроизвольно. В последние два дня оно не повторялось, и ему удалось убедить себя, что эти приступы ничего не значат. Возможно, это от избыточного количества кофе. Или, может, мышцы перенапряглись от чрезмерных занятий на тренажере. Он перестал заниматься на «Наутилусе», и подергивания исчезли, что было хорошим знаком.

Но теперь еще что-то было не так.

Он заметил это, пробудившись от послеобеденного сна. Было темно, он зажег лампу и оглядел спальню. Ему показалось, что мебель стоит криво. Как это получилось? Неужели он что-то двигал сегодня? Ангус не мог вспомнить. Но вот ночной столик, можно дотянуться рукой. Он так накренился, что вот-вот упадет. Ангус глядел на него, пытаясь понять, почему тот не заваливается, почему стакан с водой не соскальзывает на пол.

Он повернулся и посмотрел на окно. Оно тоже сдвинулось. И почему-то находилось дальше, чем раньше, – отдаленный квадрат в конце длинного тоннеля. Он слез с кровати и покачнулся. «Землетрясение?» Пол, казалось, перекатывался под ногами, словно волны в открытом море. Его качнуло в одну сторону, в другую, и наконец он оказался возле комода. Здесь Ангус остановился, цепляясь за край и пытаясь восстановить равновесие. Тут он заметил: что-то капает на пол. Он посмотрел вниз и увидел, что ковер мокрый, а затем почувствовал теплый кислый запах мочи. Кто же это, черт возьми, нассал у него спальне?

Послышался перезвон. Казалось, ноты плывут по комнате маленькими черными шариками. Церковные колокола? Часы? Нет, кто-то звонит в дверь.

Он выбрался из комнаты, шатаясь, хватаясь за стены, косяки и все, за что можно было ухватиться. Коридор, казалось, удлинялся, дверь все время ускользала от его вытянутой руки. Внезапно пальцы наткнулись на дверную ручку. С победным рыком он распахнул дверь.

И в изумлении уставился на двух карликов, стоявших на крыльце.

– Убирайтесь, – сказал он.

Лилипуты глазели на него, издавая мяукающие звуки. Ангус попытался захлопнуть дверь, но не смог. Появившаяся женщина удержала ее.

– Что ты делаешь, папа? Почему ты раздет?

– Уходите. Убирайтесь из моего дома.

– Папа! – Женщина попыталась пройти внутрь.

– Прочь! – рявкнул Ангус. – Оставьте меня!

Он повернулся и заковылял по коридору, желая скрыться от женщины и лилипутов. Но они преследовали его; карлики хныкали, а женщина голосила:

– Что случилось? Что с тобой?

Он споткнулся о ковер. То, что произошло дальше, напоминало медленный и грациозный танец под водой. Он ощущал, что его тело парит, скользит вперед. Раскинув руки как крылья, он летел сквозь влажный воздух.

Он не почувствовал удара.

– Папа! О, Боже.

Чертовы карлики завизжали и начали хвататься за его голову. Женщина склонилась над ним и перевернула его на спину.

– Папа, ты ушибся?

– Я могу летать, – прошептал он.

Она посмотрела на лилипутов.

– Найдите телефон. Звоните девять-один-один. Быстро!

Ангус пошевелил рукой, похлопал ею как крылом.

– Лежи спокойно, папа. Мы вызовем «скорую».

«Я могу летать!» Он плыл, скользил по воздуху. «Я могу летать».

– Я никогда его таким не видела. Он не узнает меня и, похоже, не узнает своих внучек. Я не знала, что еще можно сделать, поэтому вызвала «скорую». – Женщина бросила обеспокоенный взгляд в смотровой кабинет, где медсестры пытались снять основные показатели Ангуса Парментера. – Это инсульт или что-то подобное, да?

– Я смогу вам сказать больше, после того как осмотрю его, – пообещала Тоби.

– Но это похоже на инсульт?

– Возможно. – Тоби взяла женщину за руку. – Почему бы вам не подождать пока в приемной, госпожа Лэйси? Я выйду к вам, как только буду знать больше.

Эдит Лэйси кивнула. Обхватив себя руками, она отправилась в приемную и опустилась на диван между своими дочерьми. Все они обнялись, слившись в теплую маленькую вселенную.

Тоби отвернулась и прошла в кабинет.

Ангус Парментер лежал на каталке и лепетал что-то про незнакомцев в его доме; все четыре конечности были зафиксированы. Для восьмидесятидвухлетнего человека у него была удивительно развитая мускулатура. Его тело прикрывала только майка. Так его и обнаружила дочь, голым от пояса.

Модин отстегнула манжету тонометра и аккуратно положила его в закрепленную на стене корзину.

– Основные показатели нормальные. Сто тридцать на семьдесят. Пульс девяносто четыре, ровный.

– Температура?

– Тридцать восемь, – сообщила Вэл.

Тоби остановилась у изголовья и попыталась привлечь внимание пациента.

– Господин Парментер! Ангус! Я доктор Харпер.

– …пришли прямо ко мне в дом… никак не хотели оставить меня в покое…

– Ангус, вы упали? Вы ушиблись?

– Чертовы карлики, пришли украсть мои деньги. Все охотятся за моими деньгами.

Модин покачала головой.

– Я не могу добиться от него ни слова о болезнях.

– По словам дочери, он был здоров. За последнее время никаких заболеваний. – Тоби фонариком посветила в глаза пациенту. Оба зрачка сузились. – Она говорила с ним по телефону всего две недели назад, и, судя по голосу, все было в порядке. Ангус! Ангус, что с вами стряслось?

– …вечно пытаются отнять эти чертовы деньги…

– Заклинило, – вздохнула Тоби и, щелкнув, отключила фонарик.

Она продолжила осмотр: сначала выяснила, нет ли травм головы, затем перешла к проверке черепных нервов. Никаких внешних признаков; ничто не указывает на причину расстройства сознания. Дочь упоминала неуверенную походку. Возможно, инсульт мозжечка. Это влияет на координацию. Она отвязала правое запястье.

– Ангус, вы можете дотронуться до моего пальца? – Тоби держала руку прямо у него перед носом. – Протяните руку и дотроньтесь до моего пальца.

– Вы слишком далеко, – сказал он.

– Я рядом, прямо перед вами. Давайте, попробуйте коснуться.

Он поднял руку. Она закачалась, как танцующая кобра. Зазвонил телефон. Модин сняла трубку.

Рука Ангуса Парментера начала трястись – сильной ритмичной дрожью, от которой загромыхала каталка.

– Что это он? – удивилась Вэл. – У него судороги?

– Ангус! – Тоби обхватила его лицо и посмотрела прямо на него. Пациент не глядел на нее, он завороженно уставился на собственную руку.

– Вы можете говорить, Ангус?

– Опять началось, – сказал он.

– Что? Вы говорите о дрожании?

– Эта рука… Чья это рука?

– Это ваша рука.

Внезапно дрожь прекратилась. Рука безжизненно шлепнулась на каталку. Ангус прикрыл глаза.

– Вот, – проговорил он. – Так-то лучше.

– Тоби! – Модин отвернулась от телефона. – Там доктор Валленберг на линии. Он хочет с тобой поговорить.

Тоби взяла трубку.

– Доктор Валленберг? Это Тоби Харпер. Я дежурный врач отделения неотложной помощи.

– У вас там мой пациент.

– Вы говорите о господине Парментере?

– Мне только что сообщили о том, что его увезли на «скорой». Что случилось?

– Его нашли дома; нарушение сознания. Сейчас он бодрствует, основные показатели стабильны. Но у него атаксия, и он все путает. Не узнал даже собственную дочь.

– Давно он у вас?

– «Скорая» привезла его часов в девять.

Некоторое время Валленберг молчал. Тоби слышала на заднем плане смех и голоса. Вечеринка.

– Я приеду через час. Сохраняйте его в стабильном состоянии до моего приезда.

– Доктор Валленберг…

Но связь уже прервалась.

Тоби повернулась к пациенту. Он лежал очень тихо, его глаза неподвижно смотрели в потолок. Но вот они ожили, двинулись вправо, затем влево, как будто он наблюдал за очень медленной игрой в теннис.

– Нужно срочно сделать компьютерную томографию, – сказала Тоби. – И взять кровь.

Вэл вытащила из ящика пригоршню пробирок.

– Как обычно? Клинический и биохимию?

– Добавь анализ на наркотики. Похоже, у него галлюцинации.

– Я позвоню в рентгенкабинет, – сообщила Модин и снова потянулась к телефону.

– Дамы, – обратилась к коллегам Тоби. – Вот еще что. Обе медсестры посмотрели на нее.

– Что бы ни случилось сегодня, мы не оставим этого человека одного ни на секунду. До тех пор, пока его не переведут из нашего отделения.

Вэл и Модин кивнули.

Тоби взяла свободную руку Ангуса Парментера и крепко привязала ее к боковому рельсу каталки.

– А вот и срезы, – объявил техник.

Тоби смотрела на экран компьютера, где постепенно появлялась первая картинка – овал с различными оттенками серого. Это было поперечное сечение мозга Парментера. Тысячи рентгеновских лучей, направленных на его череп, сейчас анализировались компьютером, различная

плотность костной ткани, жидкости и мозга отражалась на экране. Череп выглядел тонкой белой рамкой, похожей на кожуру фрукта. Под этой кожурой виднелась серая масса самого мозга, иссеченная похожими на червяков черными бороздками.

Экран продемонстрировал серию снимков, сделанных в разных ракурсах. Тоби увидела оба передних рога спинного мозга – два черных овала, заполненных спинномозговой жидкостью. Хвостатые ядра. Таламус. Вроде бы никаких анатомических изменений, никакой асимметрии.

– Я не вижу ничего особенного, – заметила Тоби. – А ты что думаешь?

Винс не был врачом, однако за время работы в лаборатории повидал гораздо больше томограмм, чем Тоби. Глядя на очередной срез, он нахмурился.

– Погоди-ка, – сказал он. – В этом снимке есть что-то странное.

– Что?

– Да вот же. – Он ткнул в кляксу посередине. – Это турецкое седло. Видишь, как размыта граница с этой стороны?

– А может быть, пациент просто дернулся?

– Нет, в остальном снимок совершенно четкий. Значит, это не из-за движения. – Винс поднял трубку и набрал номер надомного врача-радиолога. – Приветствую, доктор Риттер! До вас уже дошли наши снимочки? Отлично. Мы с доктором Харпер как раз на них смотрим. Нас тут заинтересовал последний. – Винс щелкнул клавишами компьютера, и на монитор вернулась предыдущая картинка. – Взгляните на тот срез, видите? Как вам такое турецкое седло?

Пока Винс обсуждал увиденное с доктором Риттером, Тоби придвинулась к экрану. То, на что указал Вине, было крошечным изменением – таким незначительным, что она сама вряд ли бы его заметила. Турецкое седло – малюсенькое углубление в тонкой кости у основания мозга, в котором помещается гипофиз. Сама железа жизненно необходима – гормоны, которые она вырабатывает, отвечают за широкий набор функций: от способности к деторождению до роста и ежедневной смены сна и бодрствования. Могла ли такая незначительная эрозия турецкого седла стать причиной симптомов, наблюдающихся у пациента?

– Хорошо, я сделаю венечные срезы, – сказал Вине. – Что я еще должен сделать?

– Дайте мне поговорить с Риттером, – попросила Тоби и взяла трубку. – Привет, Джордж. Это Тоби. Так что ты думаешь насчет этого седла?

– Да ничего особенного. – Она услышала, как скрипнул его стул – возможно, с кожаной обивкой. Джордж Риттер любил роскошь. Она легко могла представить его, удобно расположившегося в своем кабинете в окружении последних достижений компьютерной технологии. – Для человека его возраста аденома гипофиза дело нередкое. Она встречается у двадцати процентов восьмидесятилетних.

– Такая мощная, что даже способна повредить турецкое седло?

– Ну, нет. Хотя эта немножко великовата. Что у него с эндокринным статусом?

– Еще не проверяла. Он только что поступил с острым расстройством сознания. Это могло стать причиной?

– Нет, если только аденома не вызвала вторичный обменный сбой. Электролиты проверили?

– Взяли, ждем результата.

– Если они в норме и с эндокринным статусом порядок, я думаю, надо искать какую-то другую причину его состояния. Это образование слишком мало, чтобы вызвать сдавливание. Я попросил Винса сделать несколько венечных срезов. Это должно дать более определенные результаты. Возможно, вы захотите направить пациента еще и на ЯМР. Кто его лечащий врач?

– Доктор Валленберг.

Пауза.

– Так это пациент из Казаркина Холма?

– Да.

Риттер недовольно вздохнул:

– Жаль, что вы мне раньше об этом не сказали.

– А что?

– Я не занимаюсь снимками их пациентов. У них есть собственный рентгенолог для интерпретации результатов. А это значит, что денег я за это не получу.

– Извини, я не знала. И давно заведен такой порядок?

– Клиника Спрингер подписала этот субконтрактный договор месяц назад. По идее, их пациенты не должны проходить через наше приемное отделение. Врачи из Казаркина Холма обращаются непосредственно в отделения. А как он у тебя оказался?

– Дочь перепугалась и позвонила девять-один-один. Валленберг сейчас едет сюда.

– Хорошо. Тогда пусть Валленберг и решает, нужны ли венечные проекции. А я ложусь спать.

Тоби повесила трубку и посмотрела на Винса.

– Почему ты не сказал мне, что в Казаркином Холме закрытая система направлений?

Винс робко взглянул на нее:

– А ты мне и не говорила, что он из Казаркина Холма.

– Они что, не доверяют нашим рентгенологам?

– Наши техники делают снимки, а интерпретирует эти снимки уже их специалист. Мне кажется, они просто не хотят делиться.

«Опять эта больничная политика, – подумала она. – Все бьются за одно и то же – за ускользающий доллар медицинских страховок».

Она поднялась и заглянула через смотровое окошко в кабинет. Пациент все еще лежал на столе, глаза были закрыты, губы беззвучно шевелились. Подергивание правой руки не возобновлялось. Тем не менее нужно сделать ЭЭГ, чтобы исключить судороги. Возможно, еще понадобится поясничная пункция. Она устало прижалась к стеклу, пытаясь сообразить, что она еще могла упустить и чего упускать нельзя.

С тех пор, как две недели назад у нее из-под носа сбежал Гарри Слоткин, она понимала: ее работа находится под самым пристальным контролем начальства. Каждый день Тоби просыпалась с мыслью: а вдруг сегодня нашлось тело Гарри Слоткина, и ее имя вновь будет выставлено на суд общественности. Поднятая шумиха и без того была мучительна. Всю неделю после исчезновения Гарри история о пропавшем пациенте

муссировалась на всех местных телеканалах. Тоби сумела пережить эту бурю, и теперь новость уже устарела и была почти забыта большей частью публики. Но в ту же минуту, когда найдут тело Гарри, она снова станет актуальной. «И я снова буду вертеться как уж на сковородке и отбиваться сразу и от адвокатов, и от репортеров».

У нее за спиной открылась дверь, и голос произнес:

– Это мой пациент на столе?

Тоби обернулась и с удивлением воззрилась на необыкновенно высокого мужчину в смокинге. Он на мгновение взглянул на Винса и так же быстро от него отвернулся. Потом подошел к окошку и внимательно посмотрел на Ангуса Парментера.

– Я не просил делать томографию. Кто дал распоряжение?

– Я, – призналась Тоби.

Теперь Валленберг перевел взгляд на нее, как будто наконец счел ее достойной внимания. Ему было не более сорока, но при этом врач глядел на нее с видом нескрываемого превосходства. Возможно, это из-за смокинга; человек, словно сошедший с обложки глянцевого журнала, имеет повод ощущать превосходство. Он напоминал Тоби молодого льва: каштановые волосы, безукоризненно подстриженные и зачесанные назад, напоминали гриву, янтарные глаза смотрели настороженно и не особенно дружелюбно.

– Вы доктор Харпер?

– Да. Я хотела сэкономить ваше время при обследовании. Я подумала, что стоит заказать томографию.

– В другой раз предоставьте мне решать, какие анализы необходимы.

– Но мне показалось, что будет правильно сделать это сразу.

Янтарные глаза сузились. Казалось, он хотел ей возразить, но передумал. Вместо этого он просто кивнул и повернулся к Винсу:

– Пожалуйста, переложите моего пациента на каталку. Он будет отправлен на третий этаж, в терапевтическое крыло.

Он приготовился выйти из комнаты.

– Доктор Валленберг, – обратилась к нему Тоби. – А вы не хотите узнать результаты сканирования?

– А что, есть о чем говорить?

– Небольшое изменение турецкого седла. Похоже, у него увеличивающаяся аденома мозжечка.

– Что-нибудь еще?

– Нет, но, возможно, вы захотите заказать более тонкие срезы. Раз уж он лежит на столе…

– Это не понадобится. Просто отправьте его наверх, я подпишу направление.

– А как насчет того поражения? Я понимаю, в аденоме нет никакой экстренности, но может потребоваться хирургическое вмешательство.

Нетерпеливо вздохнув, он повернулся к ней.

– Я прекрасно знаю об аденоме, доктор Харпер. Я наблюдаю ее уже два года. Томография будет пустой тратой денег. Но спасибо, что предложили.

Он вышел из комнаты.

– Ух ты, – пробормотал Винс. – А его-то с чего так колбасит?

Тоби посмотрела в окошко на Ангуса Парментера, все еще лепетавшего что-то себе под нос. Она была не согласна с Валленбергом; по ее мнению, дальнейшее рентгеновское обследование было необходимо. Но она уже не отвечала за этого пациента.

Она взглянула на Винса.

– А ну-ка давай переложим его.

7

На дверной табличке голубым по серому значилось: «Женская консультация». Из-за двери донеслись трели телефона, и Молли нерешительно остановилась, сжимая дверную ручку и прислушиваясь к едва различимому воркованию женского голоса.

Набрав в грудь воздуха, она вошла.

Администратор в приемной сначала даже не увидела ее, поскольку была слишком увлечена разговором. Боясь помешать чрезвычайно деловой

даме, Молли замерла у стойки в ожидании, пока ее заметят. Наконец женщина повесила трубку и посмотрела на посетительницу.

– Чем могу помочь?

– Ну, я должна тут с кем-то поговорить…

– Вы Молли Пикер?

– Да. – Молли облегченно кивнула. Ее ждали. – Это я.

Администратор улыбнулась, однако эта улыбка распространялась только на губы, но не на глаза.

– Меня зовут Линда. Мы говорили по телефону. Давайте пройдем в другую комнату.

Молли оглядела приемную.

– Мне, наверно, надо к медсестре, или что? Потому что сначала мне нужно пописать.

– Нет, сегодня мы с вами только поговорим. Туалет дальше по коридору, можете сходить туда прямо сейчас, если вам нужно.

– Пожалуй, я могу подождать.

Она последовала за женщиной в соседнюю комнату. В маленьком кабинете стояли только стол и два стула. На стене висел гигантский плакат с изображением живота беременной женщины. Нарисовано было так, будто живот разрезали посередине: можно было видеть лежащего в нем ребеночка; его пухлые крохотные ручки и ножки были поджаты, глаза закрыты, словно во сне. На столе стояла пластиковая модель беременной матки, трехмерная головоломка, которую можно было разбирать слой за слоем: брюшная стенка, стенка матки, а потом ребенок. Еще здесь лежала большая иллюстрированная книга, открытая на картинке с изображением пустой детской коляски – довольно странный выбор.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – предложила Линда. – Хотите чаю? Или апельсинового сока?

– Нет, мэм.

– Точно? Это совсем несложно.

– Я не хочу пить, спасибо, мэм.

Линда села напротив Молли, чтобы они могли смотреть прямо друг на друга. Улыбка женщины сменилась выражением озабоченности. У нее были светло-голубые глаза, которые, если их немного подкрасить, могли бы казаться приятными, не будь ее лицо таким нарочито доброжелательным и серьезным. Ничто в этой женщине – ни перманент провинциальной домохозяйки, ни платье с высоким воротничком, ни напряженный узкий рот – не способно было уменьшить тревогу Молли. Она столь разительно отличалась от Молли, будто бы они родились на разных планетах. Девушка знала, что Линда также чувствует эту разницу, это было видно по тому, как она села за стол – выпрямив угловатые плечи и сложив перед собой худые руки. Молли внезапно ощутила острое желание одернуть юбку и скрестить руки на груди. И она почувствовала, как в душе что-то болезненно заскреблось – впервые за много лет.

Она чувствовала стыд.

– А теперь, Молли, – начала Линда, – расскажите мне о своем положении.

– О моем э-э-э… положении?

– По телефону вы сказали, что беременны. У вас есть какие-то симптомы?

– Да, мэм. Мне так кажется.

– И что это за симптомы?

– Я… это… – Молли уставилась на свои коленки. Короткая юбчонка задралась еще выше, до самых бедер. Она поерзала на стуле. – По утрам меня тошнит. И писать все время хочется. И у меня уже некоторое время нет месячных.

– Когда была последняя менструация?

Молли пожала плечами:

– Точно не скажу. Наверное, в мае.

– Больше четырех месяцев назад. И вас не беспокоила такая задержка?

– Ну, знаете, я за этим особо и не следила. А потом я подхватила желудочный грипп и подумала, что, наверное, задержка может быть из-за него. А еще… Еще, наверное, мне просто не очень-то хотелось об этом думать. Ну, что это может значить. Знаете же, как это бывает.

Очевидно, Линда не знала. Она продолжала буравить Молли своими цепкими глазками.

– Вы замужем?

Молли от удивления рассмеялась:

– Нет, мэм.

– Однако вы занимались… сексом.

Последнее слово прозвучало так, словно Линда поперхнулась и пыталась откашляться. Молли съежилась.

– Ну да, – призналась она. – Занималась.

– И не предохранялись?

– В смысле, пользуюсь ли я резинками? Конечно. Но, мне кажется, один раз… что-то не заладилось.

И снова женщина издала хрипловатый звук, словно откашливалась, а затем сложила руки на столе.

– Молли, а вы знаете, как сейчас выглядит ваш ребенок?

Девушка покачала головой.

– Но вы понимаете, что носите под сердцем ребенка? – Женщина придвинула к Молли большую книгу с картинками, распахнула ее на одной из первых страниц и указала на иллюстрацию, где был изображен крохотный скрюченный малыш в небольшом мягком шаре. – Вот как он выглядит в четыре месяца. У него есть личико, есть ручки и ножки. Посмотрите, он уже почти сформировался. Уже настоящий ребеночек. Правда, хорошенький?

Молли неуверенно заерзала.

– Вы уже придумали ему имя? Вы должны как-нибудь назвать его, вам не кажется? Потому что скоро вы почувствуете, как он ворочается внутри. Вы же не сможете обращаться к нему просто «эй, ты!». Вы знаете, как зовут его отца?

– Нет, мэм.

– Ладно, а как звали вашего папу?

Молли судорожно глотнула.

– Вильям, – прошептала она. – Моего папу зовут Вильям.

– Ну вот, отличное имя! Почему бы не назвать малыша Вилли? Но, разумеется, если это маленькая девочка, придется поменять его. – Она улыбнулась. – В наше время столько чудесных имен для девочек! Вы даже можете назвать ее в свою честь.

Молли смотрела на нее в полном замешательстве. Затем она тихо спросила:

– Зачем вы все это делаете?

– Что делаю?

– Ну, вот это все…

– Я пытаюсь помочь вам сделать выбор. Единственный возможный. Вот здесь находится ваш ребенок. Четырехмесячный эмбрион. Всемилостивый Господь возложил на вас священную обязанность.

– Но, мэм, ведь трахал-то меня не Всемилостивый Господь.

Женщина ахнула и всплеснула руками.

Молли снова заерзала на стуле.

– Наверно, я лучше пойду…

– Нет-нет. Я просто пытаюсь описать вам разные варианты – все возможные. А у вас есть выбор, Молли, и не слушайте того, кто скажет, что его нет. Вы можете выбрать жизнь для этого малыша. Для маленького Вилли.

– Пожалуйста, не называйте его так. – Молли встала.

Поднялась и Линда.

– У него есть имя. Это уже человек. Я свяжу вас с агентством по усыновлению. Есть люди, которым нужен ваш ребенок, – тысячи семей, которые с радостью примут его. Пора подумать о других, а не только о себе.

– Но мне надо думать о себе, – прошептала Молли. – Потому что больше некому.

Она поспешила прочь из этого кабинета, из этого дома.

В телефонной будке она нашла бостонский телефонный справочник. В разделе «Желтые страницы» значился адрес Центра планирования семьи – на другом конце города.

«Мне надо думать о себе. Больше некому. Обо мне никогда никто не думал».

Она села на автобус и, сделав две пересадки, вышла в нескольких десятках метров от цели.

На тротуаре толпились люди. Молли слышала, как они что-то скандируют, но не могла разобрать слова. Просто нестройный хор голосов, ритмично сотрясающих воздух. Два полицейских, скрестив на груди руки, скучали в сторонке.

Молли застыла в неуверенности, стоит ли ей приближаться. Внезапно внимание толпы переключилось на улицу, там к тротуару подкатил автомобиль. Две женщины выскочили из здания и решительно двинулись сквозь толпу. Они помогли испуганной на вид даме вылезти с пассажирского места. Заслонив ее руками, они двинулись назад к зданию.

Полицейские наконец ожили, вклинились в толпу и принялись расчищать женщинам проход. Какой-то человек завопил:

– Вот что они здесь делают с младенцами! – И швырнул оземь стеклянную банку.

Стекло разлетелось вдребезги. Кровь расплескалась по тротуару ярко-алой пугающей лужей. Толпа начала скандировать:

– Детоубийцы! Детоубийцы! Детоубийцы!

Три женщины, пригнувшись, вслепую поднялись вслед за полицейским по ступеням и скрылись, хлопнув дверью.

Молли дернули за руку, и какой-то человек сунул ей буклет.

– Присоединяйся к нашей борьбе, сестра, – сказал он.

Молли взглянула на буклет. Это был снимок улыбающегося малыша со светлыми кудряшками. «Мы все – Божьи ангелы», – гласила подпись.

– Нам нужны новые бойцы, – сообщил человек. – Это единственный путь победить Сатану. Присоединяйся!

Он протянул к ней руку с костлявыми, словно у скелета, пальцами.

Расплакавшись, она сбежала.

Потом села на автобус и вернулась в свой район.

Было почти пять, когда она поднялась в свою комнату. Она так устала, что едва передвигала ноги и с трудом втащилась на последний лестничный пролет.

Без сил она рухнула на кровать. Через минуту дверь резко распахнулась, и появился Роми.

– Где была?

– Гуляла.

Он пнул кровать.

– Ты не погуливаешь на стороне, а? Я с тебя глаз не спускаю, так и знай.

– Оставь меня в покое. Я хочу спать.

– Ты что, где-то еще трахаешься в свободное время? Этим ты занимаешься?

– Убирайся из моей комнаты. – Она ногой отпихнула его от кровати.

Это было большой ошибкой. Роми схватил ее за руку и вывернул так, что ей показалось, будто хрустнули кости.

– Перестань! – взвизгнула она. – Ты мне руку сломаешь!

– Ты забываешь, кто ты, Молли-Дуролли. И кто я. И мне не нравится, что ты ходишь неизвестно где.

– Отпусти. Ладно, Роми, перестань. Мне больно.

С отвращением хмыкнув, он отпустил руку. Затем подошел к старому ротанговому комоду, где Молли держала сумочку. Перевернув ее, он высыпал все содержимое на пол. Из кошелька он вытащил одиннадцать долларов – все, что у нее было. Если она и прирабатывала на стороне, то, видимо, задаром. Запихивая баксы в карман, он вдруг заметил буклет – тот самый, с младенцем на снимке. «Мы все – Божьи ангелы».

Он схватил буклет и хохотнул:

– Это что еще за чушь про ангелов?

– Так, ничего.

– Где ты взяла это?

Она пожала плечами:

– Парень какой-то сунул.

– Кто?

– Я не знаю, как его звать. Это около Семейного центра. Там была куча народу на улице, кричали и раздавали всякие бумажки.

– А ты-то что там делала?

– Да ничего я там не делала. Ничего.

Он снова подошел к кровати, схватил ее за подбородок и тихо произнес:

– Ты же не будешь никуда ходить или что-то делать, не сказав мне?

– Ты о чем?

– Никто не коснется тебя без моего разрешения. Ясно? – Он сжал пальцы; внезапно ей стало страшно. Роми говорил тихо, а это значило, что он в бешенстве. Молли случалось видеть синяки на лицах других девушек. Кровавые прорехи на месте зубов. – Мне казалось, мы давно обо всем договорились.

Он так сжал пальцы, что на ее глазах выступили слезы.

– Да. Да, – прошептала она. Зажмурившись, она сжалась в ожидании удара. – Роми, я влипла. Мне кажется, я беременна.

К ее удивлению, удара не последовало. Наоборот, он отпустил ее и даже вроде как хихикнул. Она не смела взглянуть на него, так и сидела, молитвенно склонив голову.

– Не знаю, как это случилось, – призналась она. – Я боялась тебе рассказать. Думала, я просто… Ну, как-нибудь сама разберусь с этим. И тогда не придется тебе ничего говорить.

Его рука опустилась ей на голову. Нежно. Ласково.

– Ну, теперь ты знаешь, что так дела не делают. Ты знаешь, я позабочусь о тебе. Тебе лучше научиться верить мне, Молли-Дуролли. Доверять. – Его пальцы мягко скользнули по ее щеке, стало щекотно. – У меня есть знакомый врач.

Она застыла.

– Я позабочусь об этом, Молл, как и обо всем остальном. Так что ты ничего не предпринимай. Уяснила?

Она кивнула.

После его ухода она медленно выпрямилась и вздохнула. На этот раз она легко отделалась. Только теперь, когда разборка закончилась, она поняла, как близка была к побоям. Не стоило идти против Роми, во всяком случае, если тебе зубы дороги.

Молли снова проголодалась; она все время была голодна. Девушка сунула руку под кровать в поисках пакета с чипсами, но вспомнила, что съела все сегодня утром. Тогда она встала и обшарила всю комнату в поисках съестного.

Ее взгляд упал на фото белокурого малыша. Буклет лежал на полу, куда его бросил Роми.

«Мы все – Божьи ангелы».

Она подобрала буклет и вгляделась в детское личико. Мальчик это или девочка? Молли не могла сказать. Она вообще не слишком разбиралась в малышах, не видела рядом ни одного уже много лет, с тех пор как сама была ребенком. Она смутно помнила, как держит на коленях младшую сестру. Помнила поскрипывание целлофановых штанишек, надетых поверх подгузника Лили, нежный запах присыпки от ее кожи. Что у Лили не было шеи, только маленький мягкий холмик между плечиков.

Она легла, положив руки на живот и нащупав матку, твердую как апельсин, выпиравшую под кожей. Она вспомнила картинку, виденную у Линды, – малыш с настоящими крохотными пальчиками. Пупсик, который уместился бы в ладони.

«Мы все – Божьи ангелы».

Она закрыла глаза и устало подумала: «А как же я? Ты забыл меня, Господи».

Тоби стянула перчатки и швырнула их в мусорную корзину.

– Готово. Теперь тебе есть чем похвастаться в школе.

Мальчишка наконец собрался с духом, чтобы взглянуть на свой локоть. До этого глаза его были крепко зажмурены, и он даже пикнуть не смел, пока Тоби накладывала швы. Теперь он потрясенно взирал на синие нейлоновые стежки.

– Ухты! Сколько их?

– Пять.

– Это много?

– На пять больше, чем надо. Может, пора отказаться от старого скейтборда?

– А толку? Шмякнусь еще как-нибудь.

Он сел, а затем соскользнул со стола. Его тут же повело.

– Оп-па, – проговорила Модин. Подхватив мальчишку под руки, она усадила его на стул. – Слишком торопишься, дружок.

Она нагнула его так, чтобы голова оказалась между коленей, и многозначительно посмотрела на Тоби. Подростки. Одни понты. Этот наверняка завтра будет важно расхаживать по школе и гордо помахивать новенькой боевой отметиной. Однако скорее всего он постарается утаить ту часть истории, в которой он чуть не вырубился на руках у медсестры.

Зажужжал интерком. Это была Вэл:

– Доктор Харпер, в Третьем западном угроза жизни!

Тоби вскочила на ноги:

– Уже бегу.

Она помчалась по коридору к лестнице, чтобы не ждать лифта. Ногами быстрее.

Два пролета вверх, и она в коридоре Третьего западного. Здесь Тоби встретилась с медсестрой, толкавшей мобильный реанимационный набор через порог. Тоби последовала за ней в палату.

Две медсестры отделения уже были возле кровати, одна держала улица больного маску, снабжая кислородом его легкие, другая делала

непрямой массаж сердца. Вошедшая сестра отсоединила контакты кардиографа и приложила к груди пациента электроды.

– Что случилось?

Ответила сестра, проводившая массаж:

– Начался припадок. Потом он обмяк… перестал дышать… – Ее слова выскакивали ритмично, в такт ее движениям: нажать – отпустить. – Доктор Валленберг уже едет.

«Валленберг?» Тоби посмотрела на пациента. Она не узнала его из-за кислородной маски, закрывавшей лицо.

– Это господин Парментер?

– Неважно себя чувствовал в последние дни. Я хотела сегодня утром перевести его в интенсивную терапию.

Тоби протиснулась к изголовью.

– Подсоедините электроды кардиографа. Нужна интубация. Трубка номер семь.

Сестра с мобильным реанимационным набором подала ей ларингоскоп и разорвала пакет с трубкой нужного размера. Тоби склонилась к голове больного:

– Так, приступим.

Кислородную маску подняли. Запрокинув пациенту голову, Тоби быстро ввела зеркало ларингоскопа ему в горло. Она тут же нашла голосовые связки; пластиковая трубка скользнула на свое место. Подача кислорода была восстановлена, и сестра вновь начала качать.

– Судя по рисунку, у нас фибрилляция желудочков.

– Ставьте на сто джоулей. Подайте дефибриллятор! И приготовьте лидокаин – сто миллиграммов.

Распоряжений было слишком много, и сестра с тележкой, казалось, растерялась. В неотложке-то любое распоряжение выполнялось в мгновение ока, врачу даже говорить не надо. Тоби жалела, что не прихватила с собой Модин.

Она приложила электроды к телу.

– Назад! – скомандовала она и нажала кнопку разряда.

Сотня джоулей электричества пронизала тело Ангуса Парментера.

Все взгляды обратились к монитору.

Линия подпрыгнула и снова выровнялась. Затем появился небольшой всплеск, узенький пик QRS-комплекса. Еще, потом еще.

– Есть! – воскликнула Тоби, а затем нащупала сонную артерию. Пульс был, слабый, но отчетливый.

– Кто-нибудь, позвоните в реанимацию, – велела Тоби. – Нам понадобится койка.

– Есть давление – верхнее восемьдесят пять…

– Мы можем немедленно взять кровь на электролиты? И дайте мне шприц, я соберу на газовый анализ.

– Возьмите, доктор.

Тоби сняла колпачок с иголки. Она не стала тратить время на поиск лучевой артерии на запястье, а выбрала бедренную. Проколов кожу в паху, она направила иглу к нужному сосуду. Ярко-красная кровь, хлынувшая в шприц, показывала, что цель достигнута. Набрав три кубика, она передала шприц сестре.

– Так, хорошо.

Наложив повязку на место прокола, Тоби перевела дух и сделала короткую паузу, чтобы оценить ситуацию. Доступ воздуха обеспечен, сердечный ритм, а также соответствующее давление восстановлены. Справляемся. Теперь можно задуматься: почему возникла остановка сердца?

– Вы сказали, у него были судороги, прежде чем упало давление? – уточнила она.

– Я почти уверена, это были судороги, – сказала медсестра. – Я обнаружила это во время десятичасового обхода. У него дергалась рука, и он был без сознания. Ему назначен внутривенно валиум, и я как раз устанавливала капельницу, когда он перестал дышать.

– Внутривенно валиум? Это назначил Валленберг?

– От приступов.

– И много их было?

– С тех пор, как он поступил? Примерно шесть. Где-то раз в сутки. Обычно это захватывало главным образом правую руку. Правда, у него были проблемы и с равновесием.

Тоби хмуро посмотрела на пациента. В голове у нее возникло яркое воспоминание о дергающейся ноге Гарри Слоткина.

– И какой ему ставят диагноз? Уже известно?

– Обследование еще не закончено. Была консультация невролога, но я не думаю, что он выяснил, в чем проблема.

– Пациент здесь уже неделю, а что с ним – неизвестно?

– Ну, по крайней мере, мне никто не сообщал. – Старшая сестра посмотрела на остальных, те закивали головами.

Раздался голос Валленберга, незаметно для всех вошедшего в палату.

– В каком он состоянии? – спросил он. – Вам удалось его стабилизировать?

Тоби обернулась к нему. Их взгляды встретились, и в глазах Валленберга, казалось, мелькнул испуг. Но в следующий миг бесследно исчез.

– У него была фибрилляция желудочков, – сообщила она. – Перед этим – судороги и остановка дыхания. Мы провели кардиоверсию, сейчас у него синусовый ритм. Ждем каталку из реанимации.

Валленберг кивнул и машинально потянулся к истории болезни. Он что, избегает ее взгляда? Тоби наблюдала, как он перелистывает страницы, и не могла не позавидовать его хладнокровию. И его элегантности. Ни одного выбившегося волоса, ни единой лишней складки на белом халате. Тоби в своей обычной мешковатой униформе чувствовала себя так, словно только что вылезла из бельевой корзины.

– Я так понимаю, у него были неоднократные судороги, – сказала Тоби.

– Мы не уверены, что это были судороги. ЭЭГ этого не подтверждает. – Валленберг положил карту и посмотрел на кардиомонитор, по которому продолжал бежать нормальный синусовый ритм. – Похоже, здесь все под контролем. Спасибо за помощь, теперь я сам справлюсь.

– Вы исключили токсины? Инфекции?

– Мы провели консультацию с невропатологом.

– Он проводил обследование именно на это?

Валленберг недоуменно взглянул на нее.

– Зачем?

– Потому что у Гарри Слоткина было то же самое. Фокальные судороги. Острое нарушение сознания…

– К сожалению, расстройство сознания характерно для данной возрастной группы. Сомневаюсь, что его можно подцепить, как простуду.

– Но они оба жили в Казаркином Холме. У обоих одинаковая клиническая картина. Возможно, здесь задействован какой-то распространенный токсин.

– Какой токсин? Вы можете сказать точнее?

– Нет. Но невропатолог мог бы уточнить.

– Мы привлекли невропатолога.

– Он поставил диагноз?

– А вы, доктор Харпер?

Она умолкла, озадаченная его враждебным тоном. Она взглянула на медсестер, но те упорно прятали глаза.

– Доктор Харпер! – В палату заглянула санитарка. – Вам звонят из приемного. У них там пациент. Головная боль.

– Скажите, сейчас спущусь.

Тоби повернулась к Валленбергу, но тот демонстративно приложил к пациенту стетоскоп, пресекая дальнейший разговор. Она в раздражении вышла из палаты.

Спускаясь по лестнице, она твердила себе, что Ангус Парментер уже не ее пациент, не ее забота. Доктор Валленберг – специалист в гериатрии, наверняка он сумеет обеспечить пожилому человеку лучший уход, чем она.

Но беспокойство ее не оставляло.

В течение следующих восьми часов она была занята обычной для ночного дежурства вереницей хворей: боль в груди, зубная боль, температурящие малыши. Но время от времени, когда наступало краткое затишье, ее мысли возвращались к Ангусу Парментеру.

И к Гарри Слоткину, найти которого так и не смогли. Прошло уже больше трех недель с его исчезновения. Вчера вечером температура упала до нуля; Тоби сидела и размышляла об этом похолодании, пыталась представить, каково это – бродить нагишом на ледяном ветру. Она знала, что все ее терзания напрасны. Гарри Слоткин не страдает от стужи в эту ночь. Почти наверняка он мертв.

На рассвете, когда приемная в ее отделении наконец опустела, Тоби ушла в ординаторскую. Над столом располагалась книжная полка с медицинской литературой. Она просмотрела названия, затем вытащила справочник по неврологии. В предметном указателе она нашла «спутанное сознание». Там было более двадцати ссылок, и диагнозы самые разнообразные – от лихорадки до белой горячки.

Она пробежала глазами подзаголовки: Метаболические нарушения. Инфекционный процесс. Дегенеративный процесс. Неопластический процесс. Врожденные нарушения.

Она решила, что выбрала слишком общий термин, ей требовалось нечто более специфическое, некий физический симптом или лабораторный анализ, который привел бы ее к правильному диагнозу. Она опять вспомнила колотящую по каталке ногу Слоткина. И слова медсестры о том, что у Парментера дергалась рука. Судороги? Но Валленберг сказал, что ЭЭГ исключила такую возможность.

Тоби закрыла книгу и неохотно поднялась. Она должна ознакомиться с историей болезни Парментера. Возможно, там найдется какой-то необычный анализ или симптом, на который не обратили должного внимания.

На часах было семь утра; ее дежурство подошло к концу.

Она поднялась на лифте на четвертый этаж и зашла в отделение интенсивной терапии. На посту сестры экраны мониторов показывали семь графиков сердечного ритма. Сестра глядела на них как завороженная.

– На какой койке лежит господин Парментер? – спросила Тоби.

Сестра встряхнулась, выходя из транса.

– Парментер? Не слышала про такого.

– Его перевели вчера ночью из Третьего западного.

– У нас не было никаких переводов. Только один инфаркт, который вы нам прислали из приемного.

– Нет, Парментер – у него была угроза жизни.

– А, помню. Они отменили перевод.

– Почему?

– Лучше спросите их самих.

Тоби поднялась по лестнице на третий этаж. На посту никого не было, на телефоне мигала лампочка вызова. Она подошла к стойке с медкартами и просмотрела имена, однако Парментера не обнаружила. С нарастающей досадой она прошла по коридору к его палате, толкнула дверь.

И застыла, потрясенная зрелищем.

Утренний свет проникал в окно, его холодное сияние падало на кровать, где лежал Ангус Парментер. Глаза полуоткрыты, лицо синевато-белое, рот широко открыт. Все капельницы и провода монитора отсоединены. Вне всякого сомнения, он был мертв.

Тоби услышала звук открываемой двери, обернулась и увидела медсестру, вывозящую тележку из палаты напротив.

– Что случилось? – спросила Тоби. – Когда господин Парментер скончался?

– Примерно час назад.

– Почему меня не вызвали?

– Здесь был доктор Валленберг. Он решил, что реанимацию проводить не стоит.

– Я думала, что пациента перевели в интенсивную терапию.

– Перевод отменили. Доктор Валленберг позвонил его дочери, и они пришли к выводу, что его не имеет смысла переводить. И задействовать какие-то экстраординарные меры. Так что ему позволили уйти.

С этим решением трудно поспорить: Парментеру было восемьдесят два, он неделю пролежал в коме, и надежд на его восстановление почти не было.

Она задала новый вопрос:

– Семья дала разрешение на вскрытие?

Сестра заглянула в карту:

– Вскрытие не предполагается.

– Но его нужно сделать.

– Уже отданы все распоряжения насчет похорон. Машина из морга должна скоро приехать, забрать тело.

– Где его карта?

– Дежурная забрала ее. Мы только ждем, чтобы доктор Валленберг заполнил свидетельство о смерти.

– Значит, он еще в клинике?

– Думаю, да. У него консультация в хирургии.

Тоби направилась к посту. Дежурная уже ушла, но оставила несколько страниц из истории болезни Парментера на столе. Тоби поспешно отыскала последнюю запись и прочитала заключение доктора Валленберга:

«Семья оповещена. Дыхание отсутствует, пульс не определяется. Осмотр: при аускультации сердцебиение не прослушивается.

Зрачки в среднем положении, неподвижны. Смерть зафиксирована в 05.58»

Не было никаких упоминаний о вскрытии, никаких предположений о причинах заболевания.

Скрип колес заставил ее поднять глаза: два санитара с каталкой вышли из лифта и двинулись в сторону палаты № 341.

– Подождите! – окликнула их Тоби. – Вы за господином Парментером?

– Да.

– Стойте. Никуда его не забирайте.

– Машина уже едет сюда.

– Тело останется там, где лежит. Мне нужно поговорить с семьей.

– Но…

– Просто подождите.

Тоби схватила телефон и набрала номер Валленберга. Ответа не было. Санитары стояли в холле, переглядываясь и пожимая плечами. Она снова взяла телефон, на этот раз позвонила дочери Ангуса, чей номер значился в карте. Прозвучало шесть гудков. Уже закипая, она повесила трубку и увидела, что санитары завозят каталку в палату.

Она кинулась к ним.

– Я сказала, пациент останется здесь.

– Мэм, у нас распоряжение забрать его и доставить вниз.

– Это какая-то ошибка, я уверена. Доктор Валленберг еще в больнице. Подождите, я с ним поговорю.

– Поговорите со мной о чем, доктор Харпер?

Тоби обернулась. Валленберг стоял в дверях.

– О вскрытии, – сказала она.

Он вошел в палату, дверь с шуршанием закрылась за ним.

– Это вы меня искали?

– Да. Они забирают тело в морг. Я велела им подождать вашего распоряжения о вскрытии.

– В этом нет необходимости.

– Вы не знаете, почему у него отказало сердце. Вы не знаете, почему у него был бред.

– Скорее всего причиной стал инсульт.

– Но томограмма не показала инсульт.

– Возможно, ее сделали слишком рано. На ней можно и не увидеть инфаркт стволовой части мозга.

– Это лишь ваше предположение, доктор Валленберг.

– Чего вы от меня хотите? Чтобы я велел сделать сканирование мозга трупу?

Санитары с любопытством наблюдали за перепалкой, переводя взгляды то на него, то на нее. Сейчас они смотрели на Тоби, ожидая ответа.

– У Гарри Слоткина отмечались те же симптомы, – сказала она. – Острое нарушение сознания и нечто похожее на фокальные судороги. Оба жили в Казаркином Холме. Оба до этого были здоровы.

– У мужчин этой возрастной группы инсульты – не редкость.

– Но могло произойти и что-то еще. Определить это может лишь вскрытие. Есть какая-то причина, по которой вы от него отказываетесь?

Валленберг вспыхнул; его злость была столь очевидной, что Тоби отшатнулась. Их глаза на миг встретились, затем он, похоже, обрел прежнюю выдержку.

– Вскрытия не будет, – заявил он. – Его дочь отказалась. А я уважаю ее пожелания.

– Возможно, она просто не понимает, насколько это важно. Если я с ней поговорю…

– Даже не вздумайте, доктор Харпер. Это будет вторжением в частную жизнь. – Он обернулся к санитарам и высокомерным тоном заявил: – Можете забирать его вниз.

Метнув напоследок уничтожающий взгляд на Тоби, он вышел из палаты.

В наступившей тишине Тоби наблюдала за тем, как санитары подвозят каталку вплотную к койке и опускают стопор.

– Раз, два, три, взяли.

Они плавно переместили тело на каталку и стянули ремни на груди трупа. Делалось это не для безопасности, а скорее, из эстетических соображений. Каталка может налететь на другую, пандус – оказаться чересчур крутым, но ведь никому не хочется, чтобы покойник неожиданно свалился. Поверх тела положили матрас, который накрыли длинной широкой простыней, полностью скрывавшей перевозимый

груз. Случайный свидетель, встретившийся в коридоре, подумал бы, что каталка пуста.

Санитары вывезли тело из палаты.

Тоби осталась в одиночестве, вслушиваясь в затихающий скрип колес. Она думала о том, что произойдет дальше. Сейчас внизу, в морге заполнят бланки и подпишут необходимые разрешения. Затем усопшего погрузят в машину для перевозки трупов и отвезут в похоронную контору, где тело освободят от естественных жидкостей и заполнят бальзамическим раствором.

«А может, его захотят кремировать», – вдруг подумала она. Стремительное превращение в угольное крошево и микроэлементы исключит возможность получения ответов на ее вопросы.

Этот момент – последний шанс узнать диагноз Ангуса Парментера. А возможно, и Гарри Слоткина. Тоби сняла трубку и набрала номер дочери Парментера.

На этот раз ответил тихий женский голос:

– Алло!

– Госпожа Лэйси? Это доктор Харпер. Мы встречались с вами неделю назад, в отделении неотложной помощи.

– Да, я помню.

– Примите мои соболезнования. Я только что узнала про вашего отца.

Женщина вздохнула – скорее устало, чем горестно.

– Наверное, мы этого ожидали. И чтобы уж быть совсем честной, это… э-э… некоторое облегчение. Звучит, конечно, ужасно. Но неделю смотреть на него вот в таком состоянии… – Она снова вздохнула. – Папа не захотел бы так жить.

– Поверьте, никто не захотел бы. – Тоби помедлила, подыскивая подходящие слова. – Госпожа Лэйси, я понимаю, что сейчас не лучший момент говорить об этом, но другого не представится. Доктор Валленберг сказал, что вы были против вскрытия. Но я действительно считаю: в этом случае оно крайне важно. Мы не знаем, от чего умер ваш отец, и может оказаться…

– Но я не была против.

– А доктор Валленберг сказал, что вы отказались.

– Мы даже не говорили об этом.

Тоби помолчала. «Почему Валленберг обманул меня?» Потом сказала:

– Значит, я могу получить ваше разрешение на вскрытие?

Госпожа Лэйси колебалась лишь несколько секунд, затем тихо сказала:

– Если вы считаете, что это необходимо. Да.

Тоби повесила трубку. Затем стала набирать номер отдела медэкспертизы, но передумала. Даже с разрешением семьи никто из патологов больницы Спрингер не будет проводить вскрытие, если лечащий врач возражает.

«Почему Валленберг так решительно против вскрытия? Он боится, что мы что-то обнаружим?»

Она посмотрела на телефон. Решай. Решать нужно сейчас. Она снова сняла трубку и набрала справочную.

– Бостон, – сказала она. – Управление судмедэкспертизы.

Потребовалось некоторое время на поиск номера, еще немного – чтобы связаться с нужным отделом. В ожидании она рисовала в воображении, как тело Парментера продвигается к моргу. На лифте вниз. Дверь открывается в цокольном этаже. Коридор с завывающими водопроводными трубами.

– Управление судмедэкспертизы. Стелла слушает.

Тоби сосредоточилась.

– Меня зовут доктор Харпер, я из клиники Спрингер, что в Ньютоне. Можно поговорить с главным экспертом?

– Доктор Рауботем в отпуске, но я могу соединить вас с его заместителем, доктором Двораком.

– Да, пожалуйста.

Послышалось несколько щелчков, затем мужской голос, усталый и невыразительный, произнес:

– Доктор Дворак у телефона.

– У меня пациент, который только что скончался, – сообщила она. – Мне кажется, следует провести вскрытие.

– Могу я узнать причину?

– Он поступил неделю назад. Я осматривала его в отделении неотложной помощи, когда его привезла «скорая»…

– Были травмы, повреждения?

– Нет. Отмечалось спутанное сознание, дезориентация. Были мозжечковые симптомы. Сегодня утром у него наступила остановка дыхания, и он скончался.

– Вы подозреваете какие-то недозволенные действия?

– Не то чтобы, но…

– Тогда ваш больничный патолог наверняка может провести это вскрытие. Вам не следует сообщать о смерти в наше управление, если только она не наступила в течение суток с момента его поступления.

– Да, я понимаю, вы обычно занимаетесь теми случаями, которые поступают к вам от коронера. Но лечащий врач отказывается подписать направление, а значит, наш патолог делать вскрытие не будет. Вот почему я звоню вам. Семья уже дала согласие.

Она услышала тяжелый вздох, шуршание бумаг и ясно представила мужчину за столом, уставшего от переработок, окруженного бесконечными напоминаниями о смерти. Безрадостная профессия, подумала она, а у доктора Дворака голос несчастного человека.

– Доктор Харпер, – обратился он к Тоби. – Мне кажется, вы не вполне ясно понимаете роль нашего управления. Если это не касается неправомерных действий или вопросов здравоохранения…

– Это может касаться вопросов здравоохранения.

– Каким образом?

– Это второй случай за месяц в моем отделении. Два пожилых мужчины, оба с острым расстройством сознания, признаками мозжечковых нарушений и фокальными судорогами. И вот что меня беспокоит: оба эти пациента жили в одном и том же доме престарелых. Они пили одну и ту же воду, ели в одной столовой. Возможно, они были знакомы.

Доктор Дворак молчал.

– Я не знаю, с чем мы имеем дело, – призналась Тоби. – Это может быть что угодно – от вирусного менингита до отравления садовыми пестицидами. Мне бы очень не хотелось проглядеть то, что можно предотвратить. Особенно, если риску подвергаются и другие люди.

– Вы сказали, было два пациента.

– Да. Второго доставили к нам три недели назад.

– Тогда вскрытие первого должно было дать ответ на ваши вопросы.

– В первом случае вскрытие не делалось. Пациент исчез из больницы. Его тело так и не нашли.

Молчание в трубке сменилось долгим вздохом. Когда Дворак снова заговорил, Тоби различила в его голосе нотку интереса.

– Вы сказали, вы из больницы Спрингер? Как зовут пациента?

– Ангус Парментер.

– Тело все еще там?

– Я об этом позабочусь, – пообещала она.

Она промчалась четыре пролета вниз по лестнице и ворвалась в цокольный этаж. Одна из флуоресцентных ламп над головой ритмично мигала, и стремительный шаг Тоби казался быстрой чередой стоп-кадров. Вот и дверь с табличкой «Служебный вход». Она вошла в морг.

Свет был включен, на столе дежурного санитара играло радио, но в помещении никого не было.

Тоби отправилась в секционную. Стол из нержавейки пустовал. Она заглянула в хранилище, где в холодильнике дожидались своей очереди мертвые тела. Холодные испарения, приправленные зловонием, просачивались из холодильника. Запах мертвечины. Она включила свет и увидела две каталки. Подойдя к первой, она расстегнула мешок и уткнулась взглядом в лицо пожилой женщины; ее глаза были открыты, склеры жутковато-красные от кровоизлияний. Тоби передернуло; она застегнула мешок и перешла к другой каталке. Это было массивное тело, мерзкий запах вырвался из мешка, когда она потянула за молнию. При виде лица мужчины она отскочила, сдерживая тошноту. Мягкие ткани на его правой щеке совершенно исчезли.

«Некротизирующий стрептококк, – подумала она. – Бактерии сожрали плоть».

– Здесь не место посторонним, – послышался голос. Обернувшись, она увидела служителя морга.

– Я ищу Ангуса Парментера. Где он?

– Его увезли к грузовому входу.

– Его уже забрали?

– Катафалк только что пришел.

– Черт, – буркнула она и выскочила из морга.

Спринтерским броском она оказалась у нужного выхода и выскочила на улицу. Утреннее солнце ударило ей в лицо. Щурясь от яркого света, она быстро оценила ситуацию: вот санитар, а рядом пустая каталка. Катафалк уже тронулся. Она проскочила мимо санитара и помчалась рядом с перевозкой, стуча в окошко водителя.

– Стойте! Остановите машину!

Водитель затормозил и открыл окно.

– В чем дело?

– Нельзя забирать это тело.

– Это санкционированный вывоз. Больница дала разрешение.

– Оно поедет в медэкспертизу.

– Мне никто об этом не сказал. Насколько я знаю, семья уже распорядилась насчет похорон.

– Теперь им займется судмедэксперт. Можете справиться у доктора Дворака из управления экспертизы.

Водитель оглянулся и посмотрел на озадаченного санитара.

– Ну, не знаю…

– Послушайте, я беру на себя полную ответственность, – заявила Тоби. – Вернитесь. Нам надо выгрузить тело.

Водитель пожал плечами.

– Как скажете, – пробормотал он и дал задний ход. – Но кто-то за это огребет, это точно. Надеюсь только, не я.

8

Лиза снова заигрывала с ним. Это одна из ежедневных досадных мелочей, к которым доктор Дворак уже притерпелся. Юная ассистентка то и дело поглядывала на него сквозь защитные очки, кокетливо хлопая ресницами. Кроме того, она проявляла неутолимое любопытство к его частной жизни и явно расстраивалась, что он не хотел замечать ее флирта. Он не мог понять, что она в нем находит, подозревал, что ее интерес – всего лишь вызов неприступному молчуну.

Да вдобавок уже немолодому, смиренно признавался он себе, глядя на свою цветущую ассистентку. Ни морщинки, ни седого волоска, ни дряблой кожи. В свои двадцать шесть она была, как метко выразился его собственный сын-подросток, белокурой крошкой. «Интересно, а как он называет за глаза меня самого? Старый пердун? Отстойный дедок? Для парнишек вроде Патрика, которым всего четырнадцать, сорокапятилетний возраст кажется таким же далеким, как следующий ледниковый период.

Однако мы все гораздо ближе к смерти, чем думаем, размышлял доктор Дворак, глядя на обнаженное тело на столе морга. Резкий свет верхних ламп беспощадно выявлял каждую морщинку, каждую родинку на трупе. Седые волоски на груди. Черные метки себорейного кератоза на шее. Неминуемые возрастные изменения. Даже у светловолосой и белокожей Лизы когда-нибудь появятся печеночные пятна.

– Похоже, это любитель свежего воздуха, – заметил Дворак, проводя пальцем в перчатке по загрубевшему лоскуту кожи на лбу трупа. – Актинический кератоз. У него тут солнечный ожог.

– Зато очень неплохая для такого старикана грудная мускулатура.

Разумеется, Лиза не могла не обратить внимание на такие вещи.

Она была завсегдатаем спортклуба, ее гимнастическое помешательство началось два года назад, и поиск физического совершенства дошел до постоянных рассуждений о разнообразных мышцах; при этом Лиза пользовалась в основном жаргонными словечками из лексикона фитнес-маньяков. Нередко доктор Дворак замечал, как она бросает взгляд на свое отражение в зеркале над раковиной. Совершенна ли прическа? Правильно ли спадает на лоб светлый завиток? Держится ли загар, или ей нужно еще минут двадцать полежать на крыше дома? Эта

юношеская озабоченность собственной внешностью казалась Двораку и забавной, и непонятной.

Сам он теперь нечасто смотрел в зеркало, да и то лишь затем, чтобы побриться. Глядя на себя, он каждый раз удивлялся, что у него уже поровну седых и черных волос. Он видел следы времени на своем лице: углублялись морщинки у глаз, вечная хмурая складка пролегла между бровями. Он также видел, каким стал усталым и измотанным. Он сильно похудел за три года после развода и еще больше сбросил с тех пор, как его сын отправился в интернат два месяца назад. С утратой примет прежней жизни терялись и килограммы.

Этим утром Лиза обратила внимание на его худобу. «Хорошо выглядите, док!» – прощебетала она, лишний раз подтвердив, как слепа юность. Дворак не считал, что хорошо выглядит. Когда он смотрел на себя в зеркало, он видел там кандидата на курс антидепрессантов.

И нынешнее вскрытие вряд ли поднимет ему настроение.

– Давай повернем его, – предложил он Лизе. – Я хочу сначала осмотреть его спину.

Вдвоем они перевалили труп на бок. Дворак перенаправил свет и осмотрел пятна, вызванные посмертным кровоизлиянием, а также бледные участки на ягодицах, где тело собственным весом сдавило мягкие ткани. Пальцем в перчатке он прижал похожее на синяк пятно. Оно побледнело.

– Трупные пятна не фиксируются, – заметил он. – Над правой лопаткой ссадина. Однако ничего выдающегося.

Они снова перекатили труп на спину.

– Окоченение уже полное, – заметила Лиза.

Дворак взглянул в записи.

– Смерть наступила в пять пятьдесят восемь. Все сходится.

– А как насчет синяков на запястьях?

– Похоже, его привязывали.

Дворак снова пробежал глазами карту и увидел запись медсестры: «Пациент остается в возбужденном состоянии, фиксирован в четырех точках». Эх, все бы вскрытия проходили со столь подробными описаниями обстоятельств смерти! Счастье еще, если тело, привезенное

в анатомичку, можно опознать, еще большее счастье, если тело не повреждено и не воняет. Поскольку дело приходилось иметь с самыми мерзкими запахами, он и его ассистентка облачались в защитные костюмы и кислородные устройства. Однако сегодня они работали в обычных перчатках и очках, поскольку покойник еще при жизни был проверен на ВИЧ и гепатит. И хотя вскрытие вообще штука не слишком приятная, этот случай будет относительно легким. И, возможно, бесполезным.

Доктор направил свет прямо на стол. У трупа были исколоты руки – типичная картина для умершего в больнице. Дворак насчитал четыре следа от уколов на левой руке, пять – на правой. След от иглы был виден также в паховой области справа – возможно, от забора артериальной крови на газовый анализ. Этому пациенту не дали спокойно заснуть вечным сном.

Дворак взял скальпель и сделал Y-образный надрез. Удалив грудину, он открыл для обзора грудную клетку и брюшную полость.

На первый взгляд все органы выглядели обычно.

Он извлекал их, надиктовывая свои наблюдения на диктофон.

– Тело белого мужчины нормального питания, возраст восемьдесят два… – Он умолк.

Должно быть, здесь какая-то ошибка. Он взглянул на медкарту, чтобы проверить дату рождения. Нет, все верно.

– Я бы дала не больше шестидесяти пяти, – сказала Лиза.

– Здесь сказано: восемьдесят два.

– Может, ошибка?

Дворак вгляделся в лицо умершего. Возможные возрастные изменения зависят от наследственности и образа жизни. Ему приходилось видеть восьмидесятилетних женщин, которые могли сойти за шестидесятилетних. Или тридцатипятилетнего алкоголика, который выглядел дряхлым старцем. Возможно, Ангусу Парментеру просто посчастливилось унаследовать хорошие гены.

– Проверим возраст позже, – пообещал он и продолжил диктовку. – Покойный скончался сегодня в пять пятьдесят восемь в клинике Спрингер, в Ньютоне, штат Массачусетс, куда поступил семь дней назад.

Он снова взял в руки скальпель.

Дворак проделывал все это столько раз, что теперь это происходило на автомате. Он вскрыл пищевод, трахею, а также магистральные сосуды, вытащил сердце и легкие. Лиза положила их на весы и записала данные, затем переместила сердце на препаровочный столик. Дворак сделал продольный разрез коронарных сосудов.

– Не думаю, что это инфаркт, – заметил он. – Сосуды на вид совершенно чистые.

Он удалил селезенку, затем тонкую кишку. На ощупь кажущиеся бесконечными кольца кишечника были холодными и скользкими. Желудок, поджелудочная и печень были извлечены единым блоком. Никаких видимых следов перитонита, нет и характерного для анаэробной инфекции смрада. Работать со свежим трупом – одно удовольствие. Никакой вони, только запах крови – как в мясной лавке.

Дворак вскрыл желудок, оказавшийся пустым.

– Должно быть, больничная еда уже всосалась, – предположила Лиза.

– Судя по записям, есть он не мог.

До сих пор общий осмотр не дал даже намека на то, что же могло послужить причиной смерти.

Дворак обошел стол и остановился у головы трупа, сделал надрез и откинул кусок кожи головы так, что тот накрыл лицо покойника, словно резиновая маска. Лиза приготовила хирургическую пилу. Пока инструмент завывал, вскрывая череп, они молчали.

Доктор отделил верхнюю часть черепа. Под тонкой менингеальной оболочкой мозг напоминал накрытый пленкой ком серых червяков. В самих оболочках ничего необычного не обнаруживалось, что отвергало возможность инфекции. Не увидел Дворак и признаков эпидурального кровотечения.

Надо было извлечь мозг для более детального исследования. Он взял скальпель и быстрым движением рассек зрительные нервы и кровеносные сосуды. Запустив руки поглубже, чтобы отделить головной мозг от спинного, он ощутил резкий болезненный укол.

Выдернув руку, он уставился на порезанную перчатку.

– Черт, – пробормотал он, направляясь к раковине.

– Что случилось? – заволновалась Лиза.

– Порезался.

– Кровь идет?

Дворак сорвал перчатки и уставился на средний палец левой руки. Заметная полоска крови проступила вдоль бритвенно тонкого пореза.

– Скальпель проткнул обе перчатки. Черт, черт, черт! – Он схватил бутыль с бетадином и принялся поливать палец дезинфицирующим средством. – Сдохните, гады.

– Он же ВИЧ-отрицательный, да?

– Да. К счастью для меня, – сказал Дворак, насухо вытирая палец. – Этого не должно было случиться. Я просто потерял бдительность.

Злясь на себя, он снова надел перчатки и вернулся к трупу. Мозг уже ничто не удерживало. Дворак осторожно вытащил его двумя руками, окунул в солевой раствор, чтобы смыть кровь, и положил влажный орган на препаровочный столик. Сначала Дворак внимательно осмотрел его со всех сторон. Доли выглядели нормальными, без всяких утолщений. Он погрузил мозг в банку с формалином, где тот пролежит еще неделю, и тогда можно будет сделать срезы для изучения под микроскопом. Скорее всего тогда и найдутся ответы на все вопросы.

– Доктор Дворак! – послышалось из переговорного устройства. Это был голос Стеллы, его секретарши.

– Да!

– Звонит доктор Карл Валленберг.

– Скажи, я перезвоню. Я провожу вскрытие.

– Потому-то он и настаивает на разговоре с вами прямо сейчас. Он хочет, чтобы вскрытие было остановлено.

Дворак выпрямился.

– Почему?

– Может, вам лучше поговорить с ним?

– Полагаю, мне придется принять этот звонок, – пробормотал он, снимая перчатки и фартук. А потом обратился к Лизе: – Продолжай. Сделай биопсию мышц и срезы печени.

– А разве не нужно ждать, пока вы с ним поговорите?

– Мы и так уже почти все сделали. Давай закончим со срезами ткани.

Дворак прошел в свой кабинет. Несмотря на закрытые двери, комната была пропитана запахом формалина, который он переносил на руках и одежде. Он уже и сам пахнул как законсервированный экспонат, хранимый в этом лишенном окон кабинете.

Человек, угодивший в сосуд и застрявший там.

Он снял трубку.

– Доктор Валленберг? Это доктор Дворак.

– Полагаю, произошло какое-то недоразумение. Господин Парментер был моим пациентом, и я ума не приложу, зачем вам понадобилось проводить вскрытие.

– Это была просьба одного из врачей клиники Спрингер.

– Имеете в виду доктора Харпер? – На том конце линии фыркнули, судя по звуку, явно неодобрительно. – Она не имела никакого отношения к лечению. И не имела права вызывать вас.

– Судя по записям, она осматривала пациента в отделении «скорой помощи».

– Это было неделю назад. С тех пор пациента наблюдал я и несколько более узких специалистов. Никто из нас не видел необходимости во вскрытии. И уж тем более мы не считаем, что этот случай заслуживает вмешательства судмедэксперта.

– Она убедила меня, что это связано с вопросами здравоохранения.

Трубка снова недовольно фыркнула.

– Доктор Харпер – не слишком надежный источник информации. Возможно, вы не в курсе. Клиника Спрингер возбудила расследование по факту ее ошибочных действий в отделении неотложной помощи, серьезных ошибок. Она вскоре может лишиться работы, и я не стал бы доверять ее мнению о чем бы то ни было. Доктор Дворак, это вопрос субординации. Я – лечащий врач, и говорю вам: это вскрытие – напрасная трата вашего времени. И моих денег.

Дворак едва сдержал стон. «Я не хочу во все это ввязываться. Я патологоанатом. Предпочитаю работать с телами мертвых, а не с амбициями живых».

– Кроме того, – продолжал Валленберг, – есть еще и семья. Его дочь будет очень расстроена, узнав, что ее отца изуродовали. Она даже может подать на вас в суд.

Дворак медленно выпрямился и озадаченно поднял голову.

– Но, доктор Валленберг, я разговаривал с его дочерью.

– Что?

– Сегодня утром. Госпожа Лэйси позвонила, чтобы обсудить вопрос вскрытия. Я объяснил ей, какие на то есть причины, и мне кажется, она поняла. Она была не против.

На линии повисло молчание.

– Должно быть, она передумала с тех пор, как я говорил с ней, – предположил Валленберг.

– Наверное. В любом случае вскрытие уже проведено.

– Уже?

– Сегодня выдалось довольно спокойное утро.

Новая пауза. Когда Валленберг снова заговорил, голос его звучал на удивление подавленно:

– А тело… Оно будет возвращено семье… целиком?

– Да. Со всеми органами.

Валленберг откашлялся.

– Полагаю, это их порадует.

«Интересно, – подумал Дворак, вешая трубку. – Он так и не спросил, что я обнаружил при вскрытии».

Он еще раз мысленно воспроизвел весь разговор. Может, он просто оказался втянут в какие-то дрязги пригородной больницы? Валленберг описал доктора Харпер так, словно она была отверженной, человеком «под колпаком», возможно, конфликтующей с коллегами. Была ли ее

просьба провести вскрытие просто попыткой поставить другого врача в неловкое положение?

Этим утром ему стоило бы попрактиковаться в макиавеллиевском искусстве умозаключений, стоило бы прояснить истинные намерения доктора Харпер. Однако мышление Дворака жаждало конкретики. Он извлекал информацию из того, что мог увидеть, потрогать и понюхать. Секреты мертвых легко обнажить с помощью скальпеля, человеческие же мотивы оставались для него тайной.

Интерком снова зажужжал.

– Доктор Дворак! – произнесла Стелла. – На линии доктор Харпер. Соединить?

Дворак немного подумал и решил, что у него нет настроения беседовать с женщиной, которая уже испортила ему день.

– Нет, – отозвался он.

– Что мне ответить?

– Что я ушел домой.

– Ну, если вы действительно так хотите…

– Стелла!

– Да?

– Если она снова будет звонить, скажи ей то же самое. Со мной связаться нельзя.

Он повесил трубку и вернулся в морг.

Лиза склонилась над препаровочным столиком, делая скальпелем срезы печени. Когда он вошел, она подняла глаза.

– Ну? – спросила она. – Биопсию заканчиваем?

– Заканчиваем. Затем верни все органы на место. Семья хочет получить тело целиком.

Она сделала еще один надрез и остановилась.

– А мозг? Он же должен полежать еще неделю.

Дворак взглянул на емкость, где в формалине лежал мозг Ангуса Парментера. Затем перевел взгляд на свой забинтованный палец и вспомнил о скальпеле, проткнувшем два слоя перчаток и его собственную плоть.

– Его мы оставим, – решил доктор. – Я просто верну на место свод черепа и зашью кожу. – Он вытащил новую пару перчаток и полез в ящик за иглой и нитками. – Они и не узнают, что его там нет.

Тоби разочарованно повесила трубку. Так сделали вскрытие или нет? Два дня она пыталась дозвониться доктору Двораку, но каждый раз его секретарша отвечала, что он занят, а тон ее голоса ясно указывал, что звонкам Тоби здесь не рады.

Звякнул таймер духовки. Тоби выключила газ и вытащила жароупорное блюдо. На сегодня она отвертелась – лазанья из морозилки и печально сникший салат. У нее не было возможности купить продукты, молока тоже не осталось, поэтому она поставила на стол два стакана с водой. Вся ее жизнь, похоже, превратилась в безумный забег наперегонки со временем. Замороженные обеды, громоздящиеся в раковине тарелки, жеваные блузки прямо из сушилки… Она спрашивала себя: вызвана ли ее неодолимая усталость подхваченным вирусом гриппа или это умственное истощение тянет ее ко дну? Она открыла кухонную дверь и позвала:

– Мама, обед готов! Иди есть!

Элен вышла из-за разросшейся монарды и послушно поплелась на кухню. Тоби вымыла маме руки над раковиной и усадила ее за стол. Она повязала Элен на шею салфетку и поставила перед ней тарелку с лазаньей. Еду Тоби порезала на крохотные кусочки – на один укус. То же самое она сделала и с салатом. В руку Элен она вложила вилку.

Элен не стала есть, она сидела в непонятном ожидании и смотрела на дочь.

Тоби поставила на стол тарелку с лазаньей для себя, села и съела несколько кусочков. Но потом заметила, что Элен не ест.

– Мама, это твой обед. Клади по кусочку в рот.

Элен положила в рот пустую вилку и чрезвычайно сосредоточенно принялась ее обсасывать.

– Сейчас. Давай помогу тебе. – Тоби поднесла вилку Элен к тарелке, подцепила тягучий кусочек лазаньи и поднесла к ее рту.

– Довольно вкусно, – похвалила Элен.

– Теперь возьми еще кусочек. Давай, мама.

В дверь позвонили. Элен подняла глаза.

– Наверное, это уже Брайан, – решила Тоби, поднимаясь из-за стола. – Продолжай есть. Не жди меня.

Оставив мать на кухне, она пошла открывать дверь.

– Ты сегодня рано.

– Я решил помочь с обедом, – сказал Брайан, входя в дом. Он протянул Тоби бумажный пакет. – Мороженое. Ваша мама очень любит клубничное.

Принимая пакет, Тоби заметила, что Брайан не смотрит на нее; снимая куртку и вешая ее в шкаф, он повернулся к Тоби спиной. Было очевидно, что он старается не встречаться с ней взглядом. И даже когда он повернулся к Тоби лицом, его глаза смотрели мимо нее.

– Ну, как мы управляемся с обедом? – спросил он.

– Я только что посадила ее за стол. У нас некоторые трудности с едой сегодня.

– Опять?

– Она не притронулась к сандвичу, который я ей оставила. И смотрит на лазанью, как на инопланетное чудище.

– Ладно, об этом я позабочусь...

Из кухни послышался грохот, за которым последовал звук разлетающегося по полу фарфора.

– О, Боже, – охнула Тоби и кинулась на кухню.

Элен стояла, ошарашенно глядя на разбитое блюдо. Лазанья разлетелась по всему полу, и даже на стене красовались потеки сыра и томатного соуса.

– Мама, что ты творишь? – взвыла Тоби.

Элен покачала головой и пробубнила:

– Горячо. Не знала, что оно горячее.

– Боже, ты только посмотри на эту помойку! Сыр весь этот…

Тоби схватила мусорное ведро. В ярости и отчаянии она проволокла его через всю кухню к разбитому блюду. Опустившись на колени, чтобы убрать испорченный обед, она поняла, что вот-вот расплачется. «Все идет насмарку. Моя жизнь катится ко всем чертям. Вот и с этим я тоже не могу справиться. Просто неспособна».

– Давай-ка, Элен, милая, – услышала она голос Брайана. – Ну-ка, посмотрим на эти ручки. Ой, нам нужна холодная водичка. Нет-нет, не отдергивай, дорогая. Давай я полечу их. Это ведь ужасно, правда?

Тоби подняла глаза.

– Что такое?

– Ваша мама обожгла руки.

– Ой, ой, ай! – причитала Элен.

Брайан отвел Элен к раковине и пустил ей на руки холодную воду.

– Так лучше? Вот, а теперь мы покушаем мороженого, и нам станет гораздо лучше. Я принес клубничного. Ням-ням.

– Ням, – пробормотала Элен.

Сгорая со стыда, Тоби смотрела, как Брайан нежно промакивает полотенцем руки Элен. Тоби даже не заметила, что мама пострадала. Она молча подобрала последние осколки посуды и шматки застывшего сыра, смыла пятна соуса и протерла стены. Затем подсела к столу и стала смотреть, как Брайан уговаривает Элен поесть мороженого. Его терпение, его мягкое, вкрадчивое обхождение вызывало в Тоби еще большее чувство вины. Это он, Брайан, заметил обожженные руки Элен, он видел, что ей нужно – сама же Тоби видела только разбитое блюдо и запачканный пол.

Часы показывали шесть тридцать, Тоби пора было собираться на работу.

У нее не было сил подняться из-за стола. Она сидела, подперев голову ладонью, позволив себе маленькую отсрочку для отдыха.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказал Брайан. Опустив ложку, он осторожно вытер Элен рот салфеткой. Затем поднял глаза на Тоби. – Мне, правда, очень жаль. Такое решение было принять нелегко, но… –

Он аккуратно положил салфетку на стол. – Мне предложили другое место. Такое, что я не могу отказаться. О таком я давно мечтал. Поймите, я не искал другую работу – просто так получилось.

– Что получилось?

– Мне позвонили из дома престарелых «Две сосны», это в Веллсли. Им нужен человек, чтобы запустить новую оздоровительную программу арт-терапии. Тоби, они сделали мне предложение. Я не мог отказаться.

– Ты не говорил мне об этом ни слова.

– Мне позвонили только вчера. Сегодня утром я был на собеседовании.

– И ты вот так взял и согласился на эту работу? Даже не поговорив со мной?

– Мне нужно было принять решение немедленно. Тоби, это график с девяти до пяти. Это значит, что я смогу жить так, как все остальное человечество.

– Сколько они тебе предложили? Я заплачу больше.

– Я уже согласился.

– Сколько? Он откашлялся.

– Дело не в деньгах. Не хочу, чтобы вам показалось, будто причина в деньгах. Это… все вместе.

Она медленно откинулась на спинку стула.

– Значит, я не смогу предложить тебе ничего лучше.

– Нет, – подтвердил он, глядя в стол. – Они хотят, чтобы я начал как можно скорее.

– А как же моя мама? Что, если я не смогу никого найти тебе на смену?

– Я уверен, вы найдете.

– И сколько у меня на это времени?

– Две недели.

– Две недели? Думаешь, отыскать сиделку – это просто? Мне понадобилось два месяца, чтобы найти тебя.

– Да, я знаю, но…

– Ну и что же мне, черт возьми, теперь делать?

Отчаяние в ее голосе повисло в воздухе грязной завесой.

Он медленно поднял на нее глаза и посмотрел удивительно невозмутимым взглядом.

– Я люблю Элен. Вы это знаете. И я всегда обеспечивал ей самый лучший уход, насколько мог. Но, Тоби, она не моя мать, а ваша.

Простая истина, заключенная в этом утверждении, обессмысливала любой ее ответ. «Да, она моя мать. Я за нее в ответе».

Она посмотрела на Элен и увидела, что та не обращает на них никакого внимания. Мама взяла салфетку и, сосредоточенно морща лоб, принялась складывать ее снова и снова.

– Ты знаешь кого-нибудь, кто хотел бы взяться за такую работу? – спросила Тоби.

– Я дам вам несколько контактов, – пообещал он. – Я знаю нескольких человек, кто мог бы заинтересоваться.

– Была бы признательна.

Они смотрели друг на друга через стол, на этот раз не как работник и наниматель, а как друзья.

– Спасибо, Брайан, – проговорила она. – За все, что ты для нас сделал.

Часы в гостиной пробили половину часа. Тоби вздохнула и неохотно выбралась из кресла. Пора на работу.

– Тоби, нам надо поговорить.

Отвлекшись от хрипящего трехлетнего малыша, она увидела в дверях кабинета Пола Хокинса.

– Подождешь минутку? – спросила она.

– Это очень срочно.

– Хорошо, сделаю укол и через минуту буду.

– Я жду на служебной кухне.

Принимая из рук Модин пузырек эпинефрина, Тоби заметила вопросительный взгляд медсестры. Они обе задавали себе один и тот же вопрос: что делает руководство в десять вечера в четверг на работе? Глава отделения неотложной помощи пришел в костюме и галстуке, а не в больничной униформе. Уже чувствуя тревогу, Тоби набрала эпинефрин в туберкулезный шприц, а затем наигранно весело обратилась к ребенку:

– Мы поможем тебе дышать легче, гораздо легче. Тебе придется немножко посидеть, не двигаясь. Это будет как укус пчелки, но быстро пройдет, ладно?

– Не хочу, чтобы пчелка кусала, не хочу.

Мать малыша обхватила сынишку покрепче.

– Он терпеть не может эти уколы. Просто делайте, и все.

Тоби кивнула. Торговаться с трехлетним ребенком – дохлый номер. Она ввела лекарство, вызвав такой вопль, от которого стены могли бы облупиться. Так же внезапно крик прекратился, и мальчик, все еще всхлипывая, жадно уставился на шприц.

– Хочу это.

– Я дам тебе новенький, – сказала Тоби, протягивая неиспользованный шприц без иголки. – Можно в ванной играть.

– Буду сестре уколы делать.

Его мама закатила глаза:

– То-то она обрадуется!

Хрипеть малыш стал значительно меньше, поэтому Тоби оставила Модин понаблюдать за ним, а сама пошла на кухню к Полу.

Он поднялся, когда Тоби вошла, однако разговор начал, только когда та закрыла дверь.

– Сегодня вечером было собрание руководства, – сообщил он. – Только что закончилось. Я подумал, что мне лучше сразу прийти и рассказать, что там было.

– Я полагаю, снова насчет Гарри Слоткина.

– Это был только один из вопросов.

– Были и другие?

– Всплыл также случай со вскрытием.

– Понятно. У меня такое ощущение, что мне лучше присесть.

– Думаю, нам обоим лучше это сделать. Она взяла стул и села к столу напротив Пола.

– Если вы собрались, чтобы поджарить доктора Харпер, почему меня не пригласили на барбекю?

Пол вздохнул.

– Тоби, мы с тобой могли бы выкарабкаться из истории с Гарри Слоткиным. Во всяком случае пока тебе везет. Его семейство еще не подавало иск. И шумиха вокруг него, похоже, затихает. Судя по тому, что я слышал, Казаркин Холм – а также доктор Валленберг – пресекли все попытки прессы выпустить новые статьи по этой теме.

– С чего бы доктор Валленберг решил оказать мне услугу?

– Я полагаю, не в интересах Казаркина Холма делать достоянием гласности, что один из их богатеньких пациентов шляется где-то как последний бродяга. Ты же знаешь, это ведь не заурядное сообщество пенсионеров. Их успех зависит от высокого статуса, им необходимо быть лучшими и брать за это бабки. Никто к ним не пойдет, если возникнут хоть какие-то сомнения в благополучии их пациентов.

– Значит, Валленберг защищает свою дойную корову, а не меня.

– Неважно, по какой причине, но он помог тебе отделаться. А ты взяла и разозлила его. И с чего это тебе в голову взбрело? Вызвать судмедэксперта! Превратить это в криминальное дело!

– Это был единственный способ поставить диагноз.

– Этот человек уже не был твоим пациентом. И решение о вскрытии должен был принимать Валленберг.

– Он не хотел этого. Либо он не хотел знать причину смерти, либо боялся ее узнать. Это единственное, что пришло мне в голову.

– Ты выставила его в черном свете. Выглядело так, будто он совершил какое-то преступление.

– Меня волновало здоровье других пациентов Казаркина Холма…

– Здоровье других пациентов здесь ни при чем. Это грязные политические игры. Валленберг был сегодня на собрании. Там же были и сторонники Дага Кэри. Это был тот еще пикник, и ты стала главным блюдом. И теперь Валленберг грозится направлять пациентов не в клинику Спрингер, а в Озерную больницу. А это плохо для нас. Возможно, ты не понимаешь, но Казаркин Холм – только одно из звеньев длинной цепи. Они сотрудничают с дюжиной других домов престарелых, и все посылают своих пациентов к нам. Ты хоть представляешь, сколько мы зарабатываем за одни только операции на тазобедренных суставах? Добавь к этому резекцию простаты, катаракту, геморрой – получится целая туча пациентов, и большинство из них с дополнительной страховкой помимо стандартной пенсионной. Мы не можем позволить себе потерять такую клиентуру. А Валленберг грозит как раз этим.

– И все из-за этого вскрытия?

– У него есть причина расстраиваться. Когда ты позвонила патологоанатомам, ты тем самым обвинила его в некомпетентности. А то и хуже. И теперь нам снова названивают газетчики. Может опять подняться шумиха.

– Это Даг Кэри сообщил им. Одна из его подлых штучек.

– Да, ну и Валленберг теперь бесится, что его втягивают в скандал. А начальство боится, что можно потерять пациентов из Казаркина Холма.

– И, разумеется, все злятся на меня.

– Ты удивлена?

Она медленно вздохнула.

– Стало быть, после вашего барбекю от меня остались рожки да ножки.

Пол кивнул.

– Валленберг хочет, чтобы твой контракт был расторгнут. Конечно, сначала это должно пройти через меня, поскольку я глава службы неотложной помощи. Мне не оставили места для маневра.

– Что ты им сказал?

– Что с твоим увольнением возникнет проблема. – Он горько усмехнулся. – Я воспользовался тактикой затягивания, которую ты, возможно, не одобришь. Я сказал им, что ты можешь начать сопротивляться, обвинив их в сексуальной дискриминации. Это

заставило их заволноваться. Если уж есть кто-то, с кем они совсем не хотят иметь дело, так это занудная феминистка.

– Как лестно.

– Это единственное, что пришло мне в голову.

– Забавно. Я никогда об этом не думала. А я ведь женщина.

– Помнишь то дело о сексуальном домогательстве, иск тогда подавала одна из медсестер? Оно тянулось два года, и клинике Спрингер пришлось потратить целое состояние на адвокатов. Это единственный способ заставить их притормозить и обдумать свои действия. И выиграть для тебя немного времени, пока шумиха уляжется. – Он запустил пальцы в свою шевелюру. – Тоби, меня загнали в угол. Они давят на меня, чтобы я разрулил эту ситуацию. А я не хочу обижать тебя, честное слово, не хочу.

– Хочешь, чтобы я уволилась?

– Нет. Нет, я здесь не за этим.

– Так чего же ты от меня хочешь?

– Я подумал, может, тебе стоит взять отпуск на несколько недель. А за это время придет отчет из экспертизы. Я уверен, там будет сказано о естественных причинах. Это поможет Валленбергу выпутаться.

– И все обиды простятся.

– Надеюсь. У тебя все равно по графику отпуск в следующем месяце. Можешь взять его сейчас. Увеличим его недель до трех-четырех.

Некоторое время она провела в раздумьях, будто бы мысленно играла в домино. Действие влечет за собой результат, который приводит к следующему результату.

– Кто меня заменит?

– Мы можем привлечь Джо Северина, чтобы он работал в твою смену. Он же сейчас на неполной ставке. Уверен, он охотно пойдет.

Тоби в упор посмотрела на Пола.

– И я никогда не получу свое место назад. Так?

– Тоби…

– А не сам ли Даг Кэри привел Северина на работу? Они вроде приятели или что-то в этом духе? Ты не принимаешь в расчет, с кем ты имеешь дело. Стоит мне уйти, Джо Северин будет тут как тут. Я потеряю свое место и вернуться уже не смогу, и ты это знаешь.

Он ничего не сказал, просто смотрел на нее, лицо его казалось непроницаемым. Слишком много лет ее влечение к Полу затмевало прочие их отношения. В его улыбках и дружелюбии ей мерещилось нечто большее, чего на самом деле не существовало. Она поняла это лишь теперь, когда ее уязвимость только усиливала удар.

Она встала.

– Я пойду в отпуск по графику. И не раньше.

– Тоби, я делаю все возможное, чтобы защитить тебя. Ты должна понять, мое положение тоже не слишком надежно. Если мы потеряем пациентов из Казаркина Холма, клиника Спрингер понесет ущерб. И начальство будет искать козла отпущения.

– Я не виню тебя, Пол. Я понимаю, зачем ты это делаешь.

– Тогда почему ты не хочешь принять мое предложение? Возьми отпуск. Твоя работа никуда не денется.

– Ты можешь подтвердить это письменно?

Молчание.

Она повернулась к двери:

– Так я и думала.

9

Молли Пикер смотрела на телефон-автомат, пытаясь собраться с мужеством и снять трубку. За день она уже второй раз приходила в эту будку. Первый раз она даже не вошла внутрь, просто развернулась и ушла. Сейчас она стояла прямо напротив телефона, дверь за спиной закрылась, и ничто не мешало ей сделать звонок.

Дрожащими руками она сняла трубку и набрала номер.

– Оператор.

– Я хочу позвонить за счет вызываемого абонента. Бофорт, Южная Каролина.

– Что сказать, кто звонит?

– Молли.

Она назвала номер и прислонилась к стенке будки, закрыв глаза; в ожидании соединения ее сердце бешено колотилось. Послышались гудки. Ей стало так страшно, что чуть не вырвало прямо в будке. «Господи милосердный, помоги мне».

– Алло!

Молли выпрямилась. Это был голос матери.

– Мама, – выпалила она.

Но тут встряла телефонистка:

– Звонок за ваш счет, от Молли. Принимаете?

На другом конце провода воцарилось молчание.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Поговори со мной».

– Мэм! Вы примете вызов?

Тяжелый вздох. Затем:

– Ах, да, пожалуй.

– Говорите, пожалуйста, – предложила телефонистка.

– Мама! Это я. Звоню из Бостона.

– Значит, ты все еще там.

– Да. Я все хотела позвонить…

– Тебе деньги нужны или еще что-нибудь. Так?

– Нет, нет! У меня все в порядке. Я… э-э… – Молли откашлялась. – Я справляюсь.

– Что ж, хорошо.

Молли закрыла глаза. Ей хотелось, чтобы мамин голос перестал быть равнодушным. Чтобы разговор сложился так, как она воображала. Чтобы мама расплакалась и попросила ее вернуться домой. Но слез в

голосе матери не было, лишь этот мертвенный тон, разрывавший Молли сердце.

– Но ведь есть причина, по которой ты звонишь?

– Э-э… нет. – Молли вытерла рукой глаза. – Не совсем…

– Ты хочешь что-то сказать или нет?

– Я просто… Наверно, просто хотела тебя услышать.

– Понятно. Послушай, я сейчас занята готовкой. Если тебе нечего больше сказать…

– Я беременна, – прошептала Молли.

Молчание.

– Ты слышишь? У меня будет ребенок. Подумай, мама! Я надеюсь, это будет девочка, и я смогу наряжать ее как принцессу. Помнишь, как ты шила для меня платья? Я собираюсь завести швейную машинку и научиться шить. – Теперь Молли говорила быстро, отчаянно смеясь сквозь душившие ее слезы. – Но ты должна меня научить, мама, потому что у меня не получится. Никогда не получится так незаметно подшивать…

– Он будет цветной?

– Что?

– Ребенок будет цветной?

– Я не знаю…

– Как это так – не знаешь?

Молли зажала рот ладонью, чтобы заглушить рыдания.

– Ты хочешь сказать, не знаешь от кого? – возмутилась мать. – Счет потеряла или как?

– Мама, – прошептала Молли. – Мама, это ведь неважно. Это же все равно мой ребенок.

– О, это важно. Это важно для окружающих. Что, по-твоему, люди-то скажут? А папа? Его это просто убьет.

Раздался стук в стекло. Молли обернулась и увидела человека, который показывал на свои часы и жестикулировал, давая понять, что пришло время освободить телефонную будку. Она повернулась к нему спиной.

– Мама, – снова заговорила она. – Я хочу вернуться домой.

– Тебе нельзя домой. Во всяком случае в нынешнем положении.

– Роми велит мне избавиться от ребенка, убить малыша. Он посылает меня сегодня к доктору, а я не знаю, что делать. Мама, пожалуйста, скажи мне, что делать…

Мать устало вздохнула.

– Может, так будет лучше, – наконец тихо проговорила она.

– Что?

– Если ты от него избавишься.

Молли недоуменно закачала головой:

– Но ведь это же твоя внучка…

– Это не моя внучка. Особенно если учесть, как ты ею обзавелась.

Мужчина снова забарабанил в дверь и заорал, чтобы Молли освободила телефон. Она зажала ухо, чтобы не слышать его криков.

– Пожалуйста, – прошептала Молли. – Можно я приеду?

– Не сваливай на папу еще и это. После того позора, который ты на нас навлекла. А я ведь тебе говорила, я говорила, что тебя ожидает. Но ты никогда не слушала, Молли, никогда.

– Со мной больше не будет неприятностей. У нас с Роми все кончено. Я просто хочу вернуться.

Мужчина принялся колотить в стенку будки кулаками, вопя и требуя, чтобы Молли убиралась вон. Она в отчаянии прислонилась спиной к двери, чтобы он не смог войти.

– Мама! – окликнула она. – Мама!

В ответе прозвучала нотка триумфа:

– Как постелишь, так и поспишь. Ты сама сделала выбор.

Молли стояла, прижимая трубку к уху; она понимала, что мама уже нажала на рычаг, но не желала верить в то, что связь прервалась. «Поговори со мной! Скажи, что ты еще у телефона. Скажи, что всегда будешь рядом».

– Эй ты, сука долбаная! Выметайся из будки!

Она молча разжала руку. Трубка упала и повисла, раскачиваясь и стукаясь о стенки будки. Словно в каком-то сне она вышла, почти не видя все еще поносившего ее мужчину, не разбирая его слов. Она просто двинулась прочь.

Мне нельзя домой. Нельзя домой. Ни сейчас, ни потом.

Она шла наугад, не разбирая дороги, не чувствуя, как переставляет ноги в туфлях на высокой платформе и спотыкается. Душевная боль заглушила все телесные страдания.

Она даже не заметила приближения Роми.

Удар в челюсть заставил ее отлететь к стене здания. Она ухватилась за оконную решетку и повисла на чугунном узоре, чтобы не упасть. Она не сообразила, что произошло; поняла только, что Роми орет на нее, а в голове звенит от боли.

Он схватил ее за руку и втолкнул в дверь. В вестибюле он снова ударил ее. На этот раз Молли упала, распластавшись на ступеньках.

– Где, твою мать, ты шлялась?

– Я… по делам…

– У тебя была назначена встреча, забыла? Они хотят знать, почему ты не явилась.

Молли сглотнула и уставилась на ступеньку, не осмеливаясь поднять глаза на Роми. Оставалось только надеяться, что он проглотит эту ложь.

– Я забыла, – пробормотала она.

– Что?

– Говорю, забыла.

– Ах ты сучка безмозглая! Я же сказал тебе утром, где ты должна быть!

– Сказал.

– У тебя башка дерьмом набита вместо мозгов!

– Мне нужно было кое-что обдумать.

– Ладно, они еще ждут. Быстро тащись в машину!

Она вскинула голову:

– Но я не готова...

– Не готова? – Роми расхохотался. – Да все, что от тебя нужно, – лечь и задрать ноги.

Он рывком поднял ее и толкнул к двери:

– Пошла! Они прислали за тобой свой гребаный лимузин.

Она, спотыкаясь, вышла на улицу.

Черный автомобиль ждал ее у тротуара. Силуэт водителя едва был виден сквозь темное стекло.

– Давай, полезай.

– Роми, мне нехорошо. Я не хочу.

– Не морочь мне голову. Лезь в машину! – Он открыл дверь, запихнул ее на заднее сиденье и захлопнул дверь.

Автомобиль отъехал.

– Эй! – крикнула она шоферу. – Я хочу выйти!

От переднего сиденья Молли отделяла плексигласовая перегородка. Она принялась барабанить по пластику, пытаясь привлечь внимание водителя, однако тот не реагировал. Она посмотрела на крохотный динамик в перегородке и похолодела. Она вспомнила этот автомобиль. Однажды Молли уже ездила в нем.

– Эй! – крикнула она. – Мы знакомы?

Водитель даже не повернул головы.

Она откинулась на спинку кожаного сиденья. Та же машина. Тот же водитель. Она помнила этот светлый, почти серебристый затылок. В прошлый раз, когда он завез ее в Дорчестер, там ждал еще один человек, мужчина в зеленой маске. А еще там был стол с ремешками.

Ее испуг сменился настоящей паникой. Она глянула вперед и увидела, что машина приближается к перекрестку. Последнему перед поворотом на скоростную автостраду. Она уставилась на светофор, моля: «Только бы красный! Только бы красный!»

В этот момент их подрезала какая-то машина. Шофер ударил по тормозам, и Молли швырнуло вперед. Позади них взвыли клаксоны и заскрежетали шины.

Молли распахнула дверь и выскочила из автомобиля.

– Вернись! – заорал водитель. – А ну вернись немедленно!

Она прошмыгнула между двумя работавшими на холостом ходу машинами и выбралась на тротуар, грохоча своими платформами по асфальту. Чертовы каблуки едва не подвели ее. С трудом удержав равновесие, она побежала по улице.

– Эй!

Молли обернулась и обомлела: блондин оставил автомобиль возле обочины и бросился вслед за ней, лавируя в потоке гудящих машин.

Она бежала, неуклюже топоча и спотыкаясь из-за неудобных туфель. Пробежав несколько домов, Молли оглянулась.

Шофер нагонял ее.

«Ну почему меня не оставят в покое?»

Она действовала инстинктивно, как любой преследуемый – убегала.

Рванув направо, она свернула на узкую улочку и побежала по мощенному камнем тротуару вверх, в сторону Бикон-Хилл. Пробежав лишь несколько десятков метров в гору, она запыхалась. У нее разболелись икры – из-за дурацких туфель.

Она оглянулась.

С трудом взбираясь на холм, водитель продолжал преследование.

Новый приступ паники заставил Молли двигаться быстрее. Она свернула налево, затем направо, все дальше углубляясь в лабиринт Бикон-Хилл. Она уже не останавливалась, чтобы посмотреть назад; Молли и так чувствовала, что он там.

Ее ноги уже покрылись синяками и саднили от свежих мозолей и натертостей.

«Мне от него не убежать».

Свернув еще раз за угол, она заметила свободное такси у тротуара. И бросилась к нему.

Шофер очень удивился, увидев, как Молли запрыгнула на заднее сиденье и захлопнула дверь.

– Эй, я занят! – рявкнул он.

– Поезжайте. Езжайте же!

– Я жду оплаты. Вылезай из моей машины.

– За мной гонятся. Пожалуйста, вы не могли бы немного проехаться по округе?

– Никуда я не поеду. Вылезай или я вызову полицию.

Молли осторожно подняла голову и выглянула в окно.

Стоя всего в нескольких метрах от автомобиля, ее преследователь осматривал улицу. Она снова спряталась.

– Это он, – прошептала Молли.

– Да плевать мне, кто это. Я вызову полицию.

– Отлично. Валяйте! Впервые в жизни мне действительно не помешает эта чертова полиция.

Она услышала, как водитель потянулся к рации, затем вполголоса выругался и положил ее обратно.

– Так вы зовете или как?

– Не хочу связываться с полицией. Почему бы тебе просто не убраться подобру-поздорову?

– А почему бы вам не прокатиться по округе?

– Ладно, ладно, – примирительно буркнул водитель, снял машину с ручника и отъехал от бровки. – Что это за парень?

– Он вез меня куда-то, а я не хотела ехать. Вот я и смылась.

– А куда вез?

– Не знаю.

– Знаешь что? Мне и не нужно об этом знать. Я не хочу ничего знать о твоей заполошной жизни. Я хочу только, чтобы ты убралась из моей машины. – Он свернул к обочине и остановился. – А теперь уматывай.

– Этого типа нет поблизости?

– Мы на Кембридж-стрит. Я увез тебя довольно далеко. Он совсем в другой стороне.

Она подняла голову и быстро огляделась. Народу вокруг было много, но преследователя видно не было.

– Может, я когда-нибудь вам заплачу, – пообещала она и вышла из машины.

– Ага, а я на Луну слетаю.

Она быстро двинулась вперед – сначала по Кембридж, потом по Садбери-стрит, не останавливаясь, пока не углубилась в лабиринт улочек Норт-энда.

Там она набрела на старое кладбище; перед входом стояла скамейка. На вывеске значилось: «Кладбище на холме Коппа». Она села и сняла туфли. Мозоли полопались, все пальцы в кровоподтеках. Молли устала и была не в состоянии идти дальше, поэтому просто уселась, разулась, и принялась разглядывать туристов – они бродили с буклетами «Тропа Свободы» в руках и наслаждались необычно теплым для октября деньком.

«Я не могу вернуться в свою комнату. Не могу забрать свои вещи. Если Роми увидит, он меня убьет».

Было почти четыре, и Молли почувствовала голод: за весь день она съела только завтрак – два клубничных пончика и грейпфрутовый сок. Аппетитные запахи из итальянского ресторанчика через дорогу сводили ее с ума. Она заглянула в кошелек – там было всего несколько долларов. У нее в комнате были припрятаны деньги; каким-то образом ей надо туда проникнуть, не попавшись на глаза Роми.

Морщась от боли, она снова надела туфли и заковыляла по улице к таксофону.

«Пожалуйста, Софи, сделай это ради меня, – думала она. – Хоть разок прояви ко мне сочувствие».

Софи сняла трубку и произнесла осторожно и тихо:

– Да.

– Это я. Мне очень нужно, чтобы ты зашла ко мне…

– Не выйдет. Тут Роми охреневший носится.

– Мне нужны деньги. Пожалуйста, достань их, и я смоюсь. Ты меня больше не увидишь.

– Я не могу войти в твою комнату. Там сейчас Роми, он перевернул все вверх дном. Вряд ли там что-то уцелеет.

Молли сползла по стенке телефонной будки.

– Слушай, держись-ка ты подальше. Не возвращайся сюда.

– Но я не знаю, куда идти! – Голос Молли сорвался на рыдания. В отчаянии она свернулась клубком; пряди волос, упавшие на лицо, намокли от слез. – Мне некуда пойти…

Молчание. Затем Софи заговорила вновь:

– Слышь, Плоскодонка! Мне кажется, я знаю, кто мог бы тебе помочь. Но только на несколько дней, потом сама крутись. Эй, ты слышишь?

Молли вздохнула:

– Да.

– Это на Чартер-стрит. Там булочная на углу, а рядом пансион. Ее комната на втором этаже.

– Чья?

– Просто спроси Анни.

– Ты одна из девочек Роми, так?

Женщина разглядывала ее, приоткрыв дверь на цепочку. Сквозь узкую щель Молли видела лишь часть ее лица: голубой глаз, обведенный тенью усталости, и завитки ярко-рыжих волос на лбу.

– Софи посоветовала мне прийти сюда, – объяснила Молли. – Она сказала, что у вас, возможно, найдется для меня место…

– Сначала Софи должна была спросить у меня.

– Пожалуйста… можно мне поспать здесь… хотя бы сегодня? – Молли дрожала, обхватив себя за плечи, то и дело озираясь на темный коридор. – Мне идти некуда. Я тихонечко. Вы даже не заметите, что я здесь.

– Чем ты разозлила Роми?

– Ничем.

Женщина попыталась захлопнуть дверь.

– Подождите! – закричала Молли. – Ну, хорошо, хорошо. Думаю, он и правда разозлился. Я не захотела снова идти к тому врачу…

Дверь снова приоткрылась. Взгляд рыжеволосой женщины сполз вниз, на талию Молли. Она ничего не сказала.

– Я так устала, – прошептала Молли. – Можно, я посплю у вас на полу? Пожалуйста, только сегодня!

Дверь захлопнулась.

В отчаянии Молли тихонько заскулила. Но затем она услышала, как загремела цепочка, и дверь снова распахнулась. Теперь женщину было видно во весь рост; ее выпирающий живот обтягивало цветастое ситцевое платье.

– Заходи, – пригласила она.

Молли вошла в квартиру. Женщина тут же заперла дверь и навесила цепочку.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Затем взгляд Молли переместился на живот хозяйки. Та заметила и пожала плечами.

– Я не толстая. Это ребенок.

Молли кивнула и положила руки на свой слегка округлившийся животик.

– У меня тоже.

– Я двадцать два года ухаживала за пожилыми людьми. Работала в четырех пансионах Нью-Джерси. Так что я знаю, как уберечь их от неприятностей. – Женщина указала на резюме, лежавшее на кухонном столе Тоби. – У меня большой опыт.

– Да, я вижу, – отозвалась Тоби, просматривая трудовую биографию госпожи Иды Богарт.

Страницы пропахли табаком. Пропахла им и сама женщина; она принесла этот мерзкий запах на своей мешковатой одежде и пропитала им всю кухню. «И чего я церемонюсь? – удивлялась Тоби. – Я не хочу, чтобы эта женщина находилась в моем доме. Я не хочу, чтобы она была рядом с моей матерью».

Тоби положила бумаги на стол и заставила себя улыбнуться.

– Я оставлю ваше резюме у себя, пока не приму окончательное решение.

– Вам же требуется кто-то прямо сейчас, нет? Так сказано в объявлении.

– Пока я отсматриваю кандидатуры.

– А можно спросить, много ли нашли?

– Нескольких.

– Не так уж много народу хочет работать по ночам. У меня никогда с этим проблем не было.

Тоби встала, ясно давая понять, что собеседование закончено. Она выпроводила женщину из кухни и провела по коридору.

– Я обдумаю вашу кандидатуру, госпожа Богарт. Спасибо, что пришли.

Тоби практически вытолкнула гостью из дома и закрыла дверь. Она стояла, привалившись к двери спиной, словно хотела защитить свой дом от других таких же госпожей Богарт. «Осталось шесть дней, – думала она. – Как я найду кого-нибудь за шесть дней?»

В кухне зазвонил телефон.

Звонила сестра.

– Как проходят собеседования? – спросила Вики.

– Пока ни к чему не привели.

– Я думала, были отклики.

– Одна курит без перерыва, двое едва понимают английский, а еще один своим видом навел на мысль о том, что придется спрятать всю выпивку. Вики, ничего не получается. Я не могу оставить маму ни с кем из этих людей. Тебе придется брать ее к себе на ночь, пока мы кого-нибудь не найдем.

– Она бродит туда-сюда, Тоби. Может включить плиту, пока мы спим. А у меня дети, я должна подумать о них.

– Никогда она плиту не включает. И по ночам обычно спит.

– А как насчет агентства по временному трудоустройству?

– Это не лучший выход. Я не хочу, чтобы в доме то и дело появлялись новые лица. Это будет сбивать маму с толку.

– По крайней мере, это хоть что-то. Ведь ситуация такая: либо это, либо дом престарелых.

– Ни за что. Никаких домов престарелых.

Вики вздохнула.

– Я просто так предложила. Я думаю и о тебе. Если бы я только могла чем-нибудь помочь…

«Но ты не можешь, – подумала Тоби. – У Вики и так двое детей, наперебой требующих ее внимания. Добавить к ним Элен – значит окончательно перегрузить Вики».

Тоби подошла к кухонному окну и выглянула в сад. Мама стояла возле сарая, держа в руках грабли. Похоже, Элен не могла вспомнить, что с ними делать, поэтому просто скребла зубьями по мощеной дорожке.

– Сколько претендентов еще на сегодня осталось? – спросила Вики.

– Двое.

– У них приличные резюме?

– Превосходные. Но они все превосходные лишь на бумаге. Ведь запах алкоголя чувствуешь, только когда встречаешься с ними лицом к лицу.

– О, неужели все так плохо, Тоби! Ты настроена слишком пессимистично.

– Пришла бы сама да поговорила с ними. Следующий должен явиться с минуты на минуту… – В дверь позвонили, и она обернулась. – Должно быть, это он.

– Я сейчас приеду.

Тоби повесила трубку и пошла открывать дверь. На крыльце стоял пожилой сутулый мужчина с помятым серым лицом.

– Я насчет работы, – с трудом выдавил он и зашелся кашлем.

Тоби спешно завела его в дом и усадила на диван. Она принесла ему стакан воды, наблюдая, как его сотрясает кашель, затем он откашлялся и снова зашелся в приступе. То и дело содрогаясь от кашля, он пояснил, что это остатки простуды. Мол, уже почти прошло, только вот бронхит привязался. Но это никак не помешает выполнять работу, ни в коем разе. Он работал, когда было и похуже, работал всю свою жизнь, с шестнадцати лет.

Тоби слушала – больше из жалости, чем с интересом. Ее взгляд был прикован к резюме на кофейном столике. Уоллес Дуган, шестьдесят один год. Она знала, что не станет брать его, знала это с первого мгновения, как только его увидела, но ей не хватало духа прервать мужчину. Так она и сидела молча, слушая, как он дошел до такой жизни. Как сильно ему нужна эта работа. Как тяжело ее найти человеку в таком возрасте.

Когда приехала Вики, он все еще сидел на диване. Она вошла в гостиную, увидела мужчину и застыла.

– Это моя сестра, – представила ее Тоби. – А это Уоллес Дуган. Он хочет у меня работать.

Уоллес поднялся, чтобы протянуть Вики руку, но был вынужден сесть из-за нового приступа кашля.

– Тоби, можно тебя на минутку? – спросила Вики, направляясь на кухню.

Тоби последовала за ней, закрыв за собой дверь.

– Что с ним? – прошептала Вики. – По виду у него либо рак, либо туберкулез.

– Он говорит – бронхит.

– Но ты же не думаешь брать его, правда?

– Пока он лучший претендент.

– Шутишь. Скажи мне, что ты шутишь.

Тоби вздохнула.

– К сожалению, нет. Ты не видела остальных.

– Другие были хуже него?

– По крайней мере он, похоже, неплохой человек.

– Ну да, конечно. А потом он отбросит коньки, и маме придется оказывать первую помощь.

– Вики, я не собираюсь брать его.

– Тогда почему ты его до сих пор не послала, ведь он может загнуться прямо у тебя в гостиной!

В дверь позвонили.

– Боже! – воскликнула Тоби и выскочила из кухни.

Пробегая мимо Уоллеса Дугана, она бросила на него извиняющийся взгляд, однако он этого не заметил – уткнувшись в носовой платок, мужчина снова согнулся в приступе кашля. Она открыла дверь.

С порога ей улыбнулась миниатюрная женщина. На вид ей было тридцать с небольшим, стрижка а-ля принцесса Диана. Блузка и брюки аккуратно отглажены.

– Доктор Харпер? Извините, если я рано. Мне не хотелось опаздывать, я боялась, что не смогу сразу найти ваш дом. – Гостья протянула руку. – Меня зовут Джейн Нолан.

– Заходите. Я тут беседую с другим кандидатом, но…

– Я могу поговорить с ней, – влезла Вики, пожимая Джейн руку. – Я сестра доктора Харпер. Давайте пройдем на кухню. – Вики посмотрела на Тоби: – А тем временем, может, ты закончишь с господином Дуганом? – И шепотом добавила: – Избавься от него – и все.

Уоллес Дуган уже знал вердикт. Когда Тоби вернулась в гостиную, он страдальчески разглядывал кофейный столик. Его резюме лежало перед ним – три страницы описания сорокапятилетней трудовой жизни. Которая, похоже, подошла к концу.

Они еще немного поболтали, скорее из вежливости, чем по необходимости. Они никогда не встретятся снова, оба это знали. Когда наконец он вышел из дома, Тоби закрыла дверь с облегчением. Как ни крути, а на жалости далеко не уедешь.

Она пошла на кухню.

Вики была одна и глядела куда-то на улицу.

– Смотри, – сказала она.

Элен брела по садовой дорожке. Рядом шла Джейн Нолан; она кивала, когда Элен указывала то на одно растение, то на другое. Джейн была похожа на юркую птичку, готовую к любому движению своей спутницы. Элен остановилась и хмуро поглядела себе под ноги, а затем наклонилась и подняла что-то. Тяпку. Затем принялась вертеть ее в руках, словно пытаясь угадать назначение этого инструмента.

– Что это вы нашли? – поинтересовалась Джейн.

Элен протянула ей тяпку.

– Вот это. Щетку. – Элен сразу поняла, что спутала слово, и покачала головой. – Нет, не щетка. Это… Ну, вы знаете.

– Для цветов, верно? – предположила Джейн. – Тяпка. Чтобы рыхлить землю.

– Да, – просияла Элен. – Тяпка!

– Давайте положим ее в надежное место, чтобы она не потерялась. И чтобы вы случайно на нее не наступили. – Джейн взяла тяпку и положила в тачку.

Увидев Тоби, она улыбнулась и помахала, затем взяла Элен за руку, и, пройдя дальше по дорожке, они скрылись за углом дома.

Тоби почувствовала, как невидимая тяжесть рухнула с ее плеч. Она посмотрела на сестру.

– Что ты думаешь?

– Резюме у нее хорошее. И прекрасные рекомендации из трех различных домов престарелых. Нам придется поднять ее почасовую ставку, поскольку она дипломированная медсестра. Но я бы сказала, она того стоит.

– Похоже, маме она нравится. А это самое главное.

Вики удовлетворенно вздохнула. Миссия выполнена. Она оказалась на высоте.

– Ну вот, – подытожила Вики, закрывая дверь в сад. – Это было не так уж и трудно.

Новый день, новые заботы. И новый покойник. Дэниел Дворак отошел от секционного стола и снял перчатки.

– Ну вот, Рой. Проникающее ранение в верхний левый квадрант брюшной полости, разрыв селезенки, приведший к обширному кровотечению. Совершенно ясно, что причины не были естественными. Никаких сюрпризов.

Дэниел швырнул перчатки в мусорный бочок и поглядел на детектива Шиэна.

Шиэн все еще стоял у стола, однако взгляд его был направлен отнюдь не на выпотрошенное тело. Нет, детектив пялился на Лизу, ассистентку Дворака. Как романтично. Встреча Ромео и Джульетты над хладным трупом.

Дворак покачал головой и отправился к раковине мыть руки. В зеркало он краем глаза наблюдал развитие зародившегося романа. Детектив Шиэн слегка выпрямился, пытаясь втянуть живот. Лиза, смеясь, откинула светлые пряди со лба. Даже в секционном зале природа берет свое.

Даже если один из двоих – немолодой, женатый, растолстевший полицейский.

«Если Шиэн решил изображать молодого любовничка перед этой голубоглазой девочкой, это не мое дело, – решил Дворак, хладнокровно вытирая руки. – Но придется предупредить: он не первый полицейский, у которого здесь бушуют гормоны». В последнее время вскрытия приобрели популярность, и дело было вовсе не в трупах.

– Я буду в кабинете, – сообщил Дворак и вышел из секционной.

Через двадцать минут Шиэн, постучав в дверь его кабинета, зашел внутрь. У него было глуповатое лицо человека, который ведет себя по-дурацки, знает это, знает, что это видят все остальные, но ему наплевать.

Дворак решил, что и ему наплевать. Он подошел к шкафу, вытащил папку и протянул ее Шиэну.

– Это последний отчет по токсинам, который вы просили. Нужно что-нибудь еще?

– Э-э… да. Предварительное заключение на того малыша.

– Все признаки СВДС [1].

Шиэн сунул сигарету в рот и прикурил.

– Так я и думал.

– Вы не могли бы потушить ее?

– А?

– В этом здании не курят.

– В вашем кабинете тоже?

– Запах-то никуда не девается.

Шиэн рассмеялся.

– При вашей работе, док, вам вряд ли стоит жаловаться на запахи. – Однако он вынул изо рта сигарету и затушил ее в кофейном блюдечке, которое ему подсунул Дворак. – Знаете, эта Лиза очень милая девушка.

Дворак промолчал, решив, что так безопаснее.

– У нее есть парень? – поинтересовался Шиэн.

– Понятия не имею.

– Хотите сказать, никогда не спрашивали?

– Нет.

– И вам не любопытно?

– Мне много чего любопытно, но это – нет. – Дворак немного помолчал. – Кстати, как ваша жена и дети?

Пауза.

– С ними все хорошо.

– Значит, дома все в порядке?

– Да. Конечно.

Дворак мрачно кивнул.

– Значит, вы – счастливчик.

Покраснев, Шиэн уставился на отчет о токсинах. Полицейские слишком часто видят смерть, подумал Дворак, и поэтому стремятся получить от жизни как можно больше положительных эмоций. Шиэн, старательный, сообразительный и по сути очень порядочный парень, который только начал понимать: из зеркала на него смотрит уже стареющий мужчина.

И тут в кабинет зашла Лиза, неся два лотка с предметными стеклами. Она лучезарно улыбнулась Шиэну и была поражена, когда он взял и отвел взгляд.

– Что это за стеклышки? – спросил Дворак.

– В верхнем – срезы печени и легких Джозефа Одетта. В нижнем – срезы мозга Парментера. – Лиза вновь украдкой взглянула на Шиэна, затем, вспомнив о собственном достоинстве, деловым тоном произнесла: – Вы просили окрашивание только гематоксилином, эозином и ПАСК, не так ли?

– А конго красный?

– Он тоже есть. Так, на всякий случай.

Она повернулась и вышла, исполненная гордыни. Через минуту вышел и Шиэн – на время присмиревший Ромео.

Дворак отнес срезы в лабораторию и включил микроскоп. На первом стекле была легочная ткань Джо Одетта. Курильщик, подумал Дворак, глядя на альвеолы. Ничего удивительного – во время вскрытия он уже обнаружил эмфизематозные изменения. Просмотрев еще несколько легочных срезов, Дворак переключился на печень. Цирроз и жировая инфильтрация. Он был еще и пьяницей. Не прострели Джо Одетт себе голову, печень или легкие все равно со временем угробили бы его. Существует множество способов самоубийства.

Он наговорил на диктофон результаты исследования, затем отодвинул препараты Одетта и перешел ко второму лотку.

Под микроскоп легло первое предметное стекло со срезом мозга Ангуса Парментера. Микроскопическое исследование этого органа входит в

стандартную процедуру вскрытия. На стекле помещался срез коры головного мозга, окрашенный в ярко-розовый цвет реактивом Шиффа. Дворак навел резкость и секунд десять глядел в окуляр, пытаясь осознать, что видит.

Артефакт, подумал он. Наверняка в этом все дело. Ткань повреждена при окрашивании или подготовке препарата.

Дворак вытащил стекло и положил под микроскоп следующее. И снова навел фокус.

И снова искажение. Вместо однородной нейронной ткани с редкими фиолетовыми ядрами он видел какую-то бело-розовую пену. Повсюду виднелись вакуоли, словно мозг поела моль.

Он медленно поднял голову от микроскопа. Затем посмотрел на свой палец – тот, что он порезал скальпелем. Ранка уже зажила, но тонкая линия былого пореза все еще виднелась на коже. «В тот момент я работал с мозгом. И мог заразиться».

Диагноз еще следовало подтвердить. Нужна консультация невропатолога, исследование под электронным микроскопом, изучение истории болезни. Не стоило планировать собственные похороны прямо сейчас.

У него вспотели ладони. Он выключил микроскоп и глубоко вздохнул. Затем снял трубку телефона.

Секретарше понадобилось не больше минуты, чтобы найти номер Тоби Харпер из Ньютона. Прозвучало шесть гудков, прежде чем раздалось раздраженное «алло».

– Доктор Харпер? Это доктор Дворак из судмедэкспертизы. Вам удобно сейчас говорить?

– Я всю неделю пыталась до вас дозвониться.

– Я знаю, – признался он. Но никакой отговорки придумать так и не смог.

– Вы поставили диагноз господину Парментеру? – спросила она.

– Именно поэтому я и звоню. Мне нужна дополнительная информация о пациенте.

– У вас же есть его больничная карта, верно?

– Да, но я хотел поговорить с вами о том, что вы видели, осматривая его в неотложке. Пока я пытаюсь разобраться с гистологией. Мне нужна более ясная клиническая картина.

Он услышал в трубке звук, напоминавший поток воды из крана, а затем Тоби крикнула:

– Нет-нет, выключи! Выключи, а то вода весь пол зальет!

Раздался стук трубки и звук поспешных шагов. Затем телефон снова ожил:

– Послушайте, вы застали меня не в самый удобный момент. Мы можем обсудить это при личной встрече?

Он задумался.

– Полагаю, так даже лучше. Во второй половине дня?

– Так, сегодня у меня выходной, поэтому придется договориться с сиделкой. Когда вы заканчиваете работу?

– Могу остаться допоздна.

– Хорошо, постараюсь добраться до вас к шести. Где вы находитесь?

– Дом семьсот двадцать по Олбани-стрит, напротив городской больницы. Рабочий день уже закончится, поэтому главный вход будет закрыт. Подъезжайте к черному ходу.

– Я все еще не понимаю, о чем речь, доктор Дворак.

– Поймете, – пообещал он. – Когда посмотрите срезы.

10

Было около половины седьмого, когда Тоби обогнула двухэтажное кирпичное здание, дом № 720 по Олбани-стрит, и въехала на автостоянку. Она миновала три одинаковых фургона, на борту каждого из них значилось: «Штат Массачусетс, Главная судебно-медицинская экспертиза», а затем поставила машину возле служебного входа. Дождь, собиравшийся целый день, все-таки начался, и теперь серебрил темноту пеленой брызг. Был конец октября, темнело рано, и Тоби уже начала скучать по долгим теплым сумеркам, какие случаются летом. Здание напоминало мавзолей из красного кирпича.

Склонив голову, Тоби выбралась из машины под дождь и пересекла стоянку. Едва она приблизилась к служебному входу, как дверь распахнулась. Она удивленно вскинула голову.

В дверном проеме стоял мужчина, его темный силуэт выделялся на фоне горевшего в коридоре света.

– Доктор Харпер?

– Да.

– Я Дэн Дворак. Обычно после шести двери уже заперты, поэтому я ждал вас. Входите.

Ступив за порог, Тоби вытерла глаза, на которые попали капли дождя. Щурясь от света, она всмотрелась в лицо доктора Дворака, соотнося мысленный образ, который возник у нее во время телефонных разговоров, с импозантным мужчиной, стоявшим перед ней. Он был примерно такого возраста, как она предполагала, – сорока с лишним лет, черные волосы пестрели сединой и были взъерошены, словно он то и дело запускал в них пальцы. Его ярко-синие глаза были так глубоко посажены, что казалось, они смотрят из темных пещер. Ему удалось изобразить улыбку, но Тоби почувствовала, что это стоило немалых усилий; на мгновение возникнув на его губах, улыбка сделала Дэна еще привлекательнее, но тут же исчезла, сменившись выражением, истолковать которое Тоби не смогла. Озабоченность? Тревога?

– Почти все уже разошлись, – сообщил он. – Так что сейчас здесь по-настоящему тихо, как в морге.

– Я старалась приехать побыстрее, но мне пришлось улаживать дела с няней.

– Значит, у вас есть дети?

– Нет, это сиделка моей матери. Я не люблю оставлять ее одну.

Они поднялись по лестнице. Дворак шел немного впереди, его белый халат шелестел, обнимая длинные ноги.

– Извините, что не предупредил вас заранее.

– Вы упорно отказывались отвечать на мои звонки, и вдруг у вас возникла необходимость срочно поговорить со мной. Почему?

– Мне нужно ваше профессиональное мнение.

– Я не патологоанатом. Ведь это вы проводили вскрытие.

– А вы осматривали пациента, когда он был еще жив.

Дворак толкнул дверь, ведущую на второй этаж, и двинулся по коридору с такой нервной поспешностью, что Тоби пришлось бежать за ним.

– Была еще консультация невролога, – напомнила она. – Вы с ним говорили?

– Он провел осмотр только после того, как пациент впал в кому. Но при этом сохраняются далеко не все симптомы и признаки. Кома она и есть кома.

– А как насчет Валленберга? Он был лечащим врачом Парментера.

– Валленберг утверждает, что это инсульт.

– И что, это инсульт?

– Нет.

Дворак открыл дверь и включил свет. В кабинете стояли практичный металлический стол, несколько стульев и картотечный шкаф. «Хозяин помещения – настоящий педант», – подумала Тоби, глядя на аккуратные стопки бумаг на столе и ровную шеренгу книг на полке. Чуть больше индивидуальности офису придавал взгромоздившийся на шкаф папоротник да еще фотография на столе. Взъерошенный подросток, щурясь от солнца, держал в руке роскошную форель. Мальчишка был копией Дворака.

Тоби подсела к столу.

– Хотите кофе? – предложил он.

– Я бы предпочла информацию. Что именно вы обнаружили при вскрытии?

– При общем осмотре – ничего.

– Никаких признаков инсульта?

– Ни тромботического, ни геморрагического.

– А что с сердцем? С коронарными артериями?

– Чистые. Честно говоря, ни разу не видел такой чистенькой левой нисходящей передней артерии у человека его возраста. Никаких признаков инфаркта, недавнего или какого другого. Так что сердце здесь ни при чем.

Он сел за стол, всматриваясь в нее так пристально, что Тоби с трудом выдержала этот взгляд.

– А токсикология?

– Прошла всего неделя. Предварительный анализ показал диазепам и дилантин. И то, и другое давали ему в больнице для снятия приступов. – Дворак придвинулся к Тоби. – Почему вы настаивали на вскрытии?

– Я вам уже говорила. Он был вторым пациентом, у кого я видела такие симптомы. Я хотела знать диагноз.

– Расскажите мне про эти симптомы еще раз. Все, что помните.

Тоби было нелегко сосредоточиться под пристальным взглядом его синих глаз. Откинувшись на спинку стула, она уставилась на стопку бумаг на столе. Затем откашлялась:

– Нарушение сознания. Оба попали в неотложку, совершенно потеряв ориентацию во времени и пространстве.

– Расскажите сначала о Парментере.

Она кивнула.

– Парментера привезли на «скорой». Его обнаружила дочь; он бродил по дому, натыкаясь на предметы, и не узнал ни ее, ни внучек. Насколько я поняла, у него были зрительные галлюцинации. Он думал, что может летать. Когда я осмотрела его, никаких следов травм не обнаружила. Что касается неврологии, то единственное, что Парментер не смог сделать нормально, – это поднести палец к носу. Сначала я решила, что это, возможно, мозжечковый инсульт. Но были и другие симптомы, которые я не могла объяснить.

– Например?

– Похоже, у него нарушилось зрительное восприятие. Он не мог оценить, насколько далеко я нахожусь. – Тоби замолчала и нахмурилась. – А! Вот почему он говорил о карликах.

– Что, простите?

– Парментер жаловался, что у него в доме карлики. Похоже, он имел в виду своих внучек. Им примерно по десять лет.

– Так, значит, нарушение восприятия и признаки поражения мозжечка.

– Еще были судороги.

– Да, я видел, вы отметили это в записях. – Дворак взял со стола папку и открыл ее. Тоби увидела фотокопию карты пациента из клиники Спрингер. – Вы пишете о фокальных судорогах верхней правой конечности.

– За время пребывания в больнице приступы то возникали, то прекращались, несмотря на противосудорожные препараты. Во всяком случае так мне сказали медсестры.

Дворак пробежал глазами записи.

– Валленберг их почти не упоминает. Но я вижу, здесь назначен дилантин. Подписано им. – Он посмотрел на Тоби. – Очевидно, вы правы насчет судорог.

«А почему я должна быть не права?» – с внезапным раздражением подумала она. На этот раз она склонилась к собеседнику:

– Почему вы просто не расскажете мне о том, что накопали?

– Я не хочу сбивать вас. Мне просто нужны ваши воспоминания.

– Если вы будете говорить прямо, мы оба сэкономим кучу времени.

– Вы торопитесь?

– Доктор Дворак, у меня сегодня выходной. Я могла бы сейчас заниматься домашними делами.

Некоторое время он молча глядел на нее. Затем откинулся на спинку и тяжело вздохнул:

– Послушайте, я прошу прощения за уклончивость, но дело в том, что я довольно-таки сильно ошарашен.

– Чем?

– Мне кажется, мы имеем дело с инфекционным возбудителем.

– Бактериальным? Вирусным?

– Ни то, ни другое.

Тоби нахмурилась:

– Каким же тогда? Речь идет о паразитах?

Дворак поднялся.

– Пойдемте-ка в лабораторию. Я покажу вам срезы.

Они спустились на лифте в цокольный этаж и вышли в пустынный коридор. Был восьмой час. Тоби знала, что в морге должен оставаться на дежурстве кто-то еще, но в тот момент, когда она шагала по безмолвному коридору, ей казалось, что, кроме них с Двораком, в здании нет ни души. Он провел ее в какое-то помещение и включил свет.

Вспыхнули флуоресцентные лампы; резкий свет бликами отразился от гладких поверхностей. Тоби увидела холодильник, раковину из нержавеющей стали и стол, на котором громоздились измерительное оборудование и компьютерный монитор. На полке выстроились банки с человеческими органами, погруженными в консервант. В воздухе висел неистребимый запах формалина.

Дворак подошел к одному из микроскопов и щелкнул тумблером. Бинокулярный учебный микроскоп позволял им обоим рассматривать препарат. Дворак подсунул предметное стекло под линзу и сел, чтобы настроить фокус.

– Взгляните.

Тоби придвинула табурет. Склонившись так, что ее голова оказалась рядом с головой Дворака, она посмотрела в микроскоп. То, что она увидела, напоминало пузырящееся розовое море.

– Давно я не практиковалась в гистологии, – призналась она. – Хоть намекните.

– Хорошо. Вы можете идентифицировать ткань, на которую смотрите?

Тоби смущенно покраснела. Если бы только она могла вот так просто взять и правильно ответить! Вместо этого она сидела, страдая от своего невежества. И от воцарившейся тишины. Не отрываясь от окуляра, она проговорила:

– Обидно признавать, но я не понимаю, что это.

– Ваш профессионализм здесь ни при чем, доктор Харпер. Картина на этом стекле настолько необычна, что ткань действительно тяжело распознать. То, на что мы сейчас смотрим, – срез коры головного мозга, подкрашенный парааминосалициловой кислотой. Розовое – это нейропиль нервных волокон, фиолетовым окрашены ядра.

– А это что за вакуоли?

– Вот об этом я и спрашиваю. В нормальной коре всех этих пузырьков быть не должно.

– Странно. Похоже на розовую губку для мытья посуды.

Дворак не ответил. Она удивленно подняла голову и перехватила его взгляд.

– Доктор Дворак!

– Так и есть, – пробормотал он.

– Что?

– Именно так это и выглядит. Как розовая губка.

Он снова сел, потер глаза. В резком свете ламп Тоби заметила на его усталом лице морщинки и черную тень пробивавшейся щетины.

– Думаю, мы имеем дело со спонгиоформной энцефалопатией, сказал он.

– Вы имеете в виду болезнь Крейцфельда-Якоба?

Он кивнул.

– Это объясняет патологические изменения, которые видны на срезе. А также клиническую картину. Измененное сознание. Визуальные искажения. Миоклонические конвульсии.

– Значит, это не фокальные судороги?

– Нет, я полагаю, вы видели миоклонус. Сильные повторяющиеся приступы, начинающиеся от громких звуков. Дилантином они не снимаются.

– Но ведь болезнь Крейцфельда-Якоба встречается крайне редко!

– Один случай на миллион. Она действительно регистрируется у пожилых людей, но это единичные больные.

– Но бывают же и вспышки. В прошлом году в Англии…

– А, вы имеете в виду коровье бешенство. Похоже, это один из вариантов Крейцфельда-Якоба. Возможно, одна и та же болезнь, точно неизвестно. В Англии заразились люди, которые ели говядину, пораженную губчатым энцефалитом. Это была необычная вспышка, таких с тех пор не повторялось.

Она вернулась к микроскопу.

– Возможно ли, что у нас тоже возникла вспышка? – тихо проговорила она. – Ангус Парментер не первый пациент с такими симптомами. То же самое было у Гарри Слоткина. Он поступил на несколько недель раньше Парментера с той же картиной. Спутанное сознание, зрительные расстройства.

– Это неспецифические признаки. Для подтверждения необходимо вскрытие.

– Со Слоткиным это невозможно. Его так и не нашли.

– Значит, поставить диагноз не удастся.

– Они жили в одном и том же поселке. Могли подвергнуться действию одного и того же патогена.

– Эту болезнь нельзя подхватить как простой насморк. Она передается прионом, инфекционной белковой молекулой. И требует прямого контакта с тканью. Например, трансплантация роговицы.

– Англичане подцепили ее после употребления в пищу говядины. Разве у нас не могло произойти то же самое? Возможно, они ели вместе…

– Но в Америке нет зараженного скота. У нас не было случаев коровьего бешенства.

– Как мы можем знать это наверняка? – Тоби была заинтригована и лихорадочно ухватилась за новую нить рассуждений. Она припомнила ту ночь в отделении, когда поступил Гарри. Вспомнила грохот металлической кюветы, упавшей на пол, а затем звук, с которым его нога колотилась о каталку. – Два человека из одного и того же пансиона. С одними и теми же симптомами.

– Спутанное сознание – недостаточно специфичный симптом.

– У Гарри Слоткина было то, что я приняла за фокальные судороги. Теперь я понимаю, что это мог быть миоклонус.

– Мне нужно провести вскрытие. Я не могу поставить диагноз Гарри Слоткину без анализа мозговой ткани.

– Ну а насколько вы уверены в диагнозе Ангуса Парментера?

– Я отправлю образцы невропатологу для подтверждения. Он посмотрит их под электронным микроскопом. Это может занять несколько дней, – сказал он и тихо добавил: – Надеюсь, что я ошибаюсь.

Взглянув на него, Тоби вдруг увидела в его лице не только усталость, а что-то еще. Она увидела страх.

– Я порезался, – объяснил Дворак. – Во время вскрытия. Когда вынимал мозг. – Он покачал головой и горько усмехнулся. – Я вскрыл тысячу черепов. У трупов, с которыми я работал, были ВИЧ, гепатит, даже бешенство. Но я ни разу не порезался. Затем мне на стол попадает Ангус Парментер, который, на первый взгляд, умер от естественных причин. Неделя пребывания в больнице, никаких следов инфекции. И что я делаю? Я протыкаю палец. Именно в тот момент, когда работаю с этим чертовым мозгом.

– Диагноз еще не подтвержден. Могла произойти ошибка. Возможно, срезы были приготовлены не совсем правильно.

– Вот и я надеюсь, – он уставился на микроскоп, как на злейшего врага. – Я обхватил мозг обеими руками. Совсем неподходящее время для пореза.

– Это не значит, что вы инфицированы. Судя по всему, вероятность заражения чрезвычайно мала.

– Но все же есть. Это возможно. – Он посмотрел на Тоби.

Возразить ей было нечего. Да и лживые утешения она произносить не умела. Молчать по крайней мере было честнее.

Дворак выключил подсветку микроскопа.

– У нее долгий инкубационный период. Может пройти год, а то и два. И даже через пять лет я все еще не узнаю наверняка. Буду ждать первых признаков. По крайней мере, это относительно безболезненный конец. Начнется со слабоумия. Нарушения зрения, возможно, галлюцинаций. Потом начнется бред. И в конце концов кома. – Он устало пожал плечами. – Наверное, это все же лучше смерти от рака.

– Мне очень жаль, – сказала Тоби. – Я чувствую себя виноватой…

– Почему?

– Я настояла на вскрытии. И подвергла вас риску.

– Я сам ему подвергся. Мы оба рискуем, доктор Харпер. Причиной тому наша работа. Вы работаете в неотложке: кто-то кашлянет на вас, и вы подхватываете туберкулез. Можно случайно уколоться иглой и заработать гепатит или СПИД. – Он вытащил предметное стекло и положил его в лоток, затем прикрыл микроскоп пластиковым чехлом. – В любой работе таится угроза, ведь даже по утрам вставать небезопасно. Рискованно ездить на работу, опускать письма в ящик. Летать на самолете. – Дворак посмотрел на нее. – Неожиданность состоит не в том, что мы умрем. А в том, как и когда это произойдет.

– Должен же быть какой-нибудь способ остановить заражение на этой стадии. Может, иммуноглобулин поколоть…

– Без толку. Я сверялся с литературой.

– Вы говорили об этом с вашим врачом?

– Я еще никому об этом не говорил.

– Даже семье?

– У меня только сын, Патрик, и ему всего четырнадцать. В таком возрасте у него хватает своих забот.

Тоби вспомнила фотографию на столе – взъерошенного мальчишку, победно сжимавшего в руках форель. Дворак прав: в четырнадцать лет тяжело признать, что твои родители смертны.

– И что вы собираетесь делать? – поинтересовалась она.

– Позаботиться о выплате медицинской страховки. И надеяться на лучшее. – Он поднялся и направился к выключателю. – Больше мне ничего не остается.

Роби Брэйс, одетый в футболку «Ред Сокс» и жуткого вида спортивные брюки, открыл дверь.

– Доктор Харпер, – приветствовал он. – Быстро же вы добрались.

– Спасибо, что согласились встретиться.

– Ну да, правда, вы пришли не в самый подходящий момент. Понимаете, ребенку пора спать, так что у нас тут сплошное нытье и уговоры.

Тоби вошла в дом. Где-то наверху вопил ребенок. Крик был не расстроенный, а сердитый, сопровождавшийся топаньем ног и швырянием предметов на пол.

– Нам три года, и мы учимся строить окружающих, – объяснил Брэйс. – Ох уж эти цветы жизни!

Роби запер входную дверь и провел Тоби по коридору в гостиную. Она еще раз подивилась, какой же он громадный. Его мощные мышцы не давали рукам прилегать к торсу. Тоби села на диван, а он устроился в потертом кресле.

Наверху продолжались крики, уже более хриплые и перемежавшиеся громкими трагическими всхлипами. Послышался женский голос, спокойный, но решительный.

– Битва титанов, – прокомментировав Брэйс, глядя в потолок. – Жена повыносливее меня. Я так сразу падаю лапками кверху. – Он посмотрел на Тоби, и его улыбка угасла: – Так что там насчет Ангуса Парментера?

– Я только что из судмедэкспертизы. Предварительный диагноз – болезнь Крейцфельда-Якоба.

Брэйс изумленно тряхнул головой:

– Точно?

– Нужно подтверждение невропатолога. Но симптомы вполне соответствуют диагнозу. И не только у Парментера. Еще и у Гарри Слоткина.

– Два случая? Это все равно что молния, два раза попавшая в одно и то же место. Как вам удастся это подтвердить?

– Ну, мы не можем подтвердить это в случае с Гарри, поскольку у нас нет тела. Но что, если у двух обитателей Казаркина Холма действительно болезнь Крейцфельда-Якоба? Возникает вопрос, существует ли общий источник инфекции. – Тоби подалась вперед. – Вы говорили, что, судя по амбулаторной карте, у Гарри ничего такого не было?

– Верно.

– Он перенес какие-либо хирургические вмешательства за последние пять лет? Пересадка роговицы, к примеру?

– Не помню, чтобы нечто подобное упоминалось в его карте. Но думаю, что таким образом заражение произойти могло.

– Такие случаи были. – Тоби немного помолчала. – Есть и другой вариант переноса. Через инъекции гормона роста.

– И что?

– Вы говорили, что в Казаркином Холме проводятся исследования по введению гормонов пожилым людям. По вашим словам, у пациентов наблюдался рост мышечной массы и силы. Возможно ли, что пациентам колют испорченные препараты?

– Гормон роста больше не берут из мозга трупов. Он производится специально.

– А если в Казаркином Холме используют старую партию? Гормон роста, зараженный БКЯ?

– Старые партии уже давно изъяты из обращения. И Валленберг использует эту схему уже много лет, со времен своей работы в Институте Росслин. Я ни разу не слышал, чтобы его пациент заболел БКЯ.

– Я ничего не знаю об Институте Росслин. Что это?

– Центр гериатрических исследований в Коннектикуте. Валленберг несколько лет работал там научным сотрудником, а потом перешел в Казаркин Холм. Посмотрите литературу по гериатрии, найдете массу источников об исследованиях этого института. А пяток из них написаны Валленбергом. Он настоящий гуру в гормонально-заместительной терапии.

– Я этого не знала.

– Нужно работать в гериатрии, чтобы это знать.

Он поднялся из кресла, исчез в соседней комнате, а затем, вернувшись с какими-то бумагами, положил их на кофейный столик перед Тоби. Сверху лежала ксерокопия статьи из «Журнала Американского гериатрического общества» за 1992 год. Там перечислялись три автора, первой значилась фамилия Валленберга. Статья была озаглавлена: «За пределом Хейфлика: продление жизни на клеточном уровне».

– Это элементарное исследование, – пояснил Брэйс. – Берем максимальную продолжительность жизни клетки – предел Хейфлика – и пытаемся продлить ее при помощи гормонов. Если вы признаете, что

наше старение и смерть – клеточные процессы, вам захочется поработать над продлением жизни клетки.

– Но какое-то число клеток должно умирать, это необходимо для здоровья.

– Разумеется. Мы все время избавляемся от мертвых клеток кожи, слизистых оболочек. Но возмещаем их. Но клетки костного мозга, головного мозга, других жизненно важных органов возместить невозможно. Они стареют и умирают. В результате умираем и мы.

– А что происходит с этими гормональными манипуляциями?

– В этом и состоит суть данной работы. Какие гормоны или их сочетания продлевают жизнь клетки? Валленберг начал свои исследования в 1990 году. И пришел к некоторым обнадеживающим результатам.

Тоби подняла глаза на собеседника.

– Помните того человека в доме престарелых – ну, он еще устроил драку?

Брэйс кивнул.

– Возможно, его мышечная масса и сила соответствуют более юному возрасту. К сожалению, Альцгеймер испортил ему мозги. Гормоны тут бессильны.

– О каких гормонах идет речь? Вы упоминали какую-то комбинацию.

– Авторитетные исследования свидетельствуют в пользу гормона роста, ДГЭА, мелатонина и тестостерона. Мне кажется, текущий протокол Валленберга включает различные пропорции этих гормонов, плюс, вероятно, еще некоторые.

– Вы не уверены?

– Я не в курсе этой схемы. В моем ведении только пациенты дома престарелых. Ой, это все пока только журавль в небе. Никто не знает, что именно действует. Нам лишь известно, что с возрастом гипофиз перестает вырабатывать определенные гормоны. Вероятно, всплеск молодости – это один из гормонов гипофиза, нами еще не обнаруженный.

– Значит, Валленберг проводит заместительное лечение. – Тоби усмехнулась. – И неизвестно, лечит или калечит.

– Возможно, все-таки лечит. Сдается мне, на поле для гольфа в Казаркином Холме носятся весьма здоровые на вид восьмидесятилетние старички.

– И к тому же богатые, занимающиеся физкультурой и ведущие беззаботную жизнь.

– Ну да, кто знает! Возможно, лучшая гарантия долголетия – солидный банковский счет.

Тоби пробежала глазами статью и отложила ее на кофейный столик. Она еще раз посмотрела на дату публикации.

– Он делает эти инъекции с девяностого года и не разу не столкнулся с БКЯ?

– Этот протокол четыре года обкатывался в Институте Росслин. Затем Валленберг перебрался в Казаркин Холм и возобновил исследования.

– Почему он ушел из Росслина?

Брэйс рассмеялся:

– А вы как думаете?

– Деньги.

– Ха, это я из-за них пришел в Казаркин Холм. Хорошая оплата, никаких сложностей со страховыми компаниями. И пациенты, которые действительно прислушиваются к моим советам. – Он немного помолчал. – В случае с Валленбергом, я слышал, причины другие. На одной из последних конференций по гериатрии, где я был, ходили кое-какие слухи. Насчет Валленберга и одной его сотрудницы из Института Росслин.

– Ой! Если причина не в деньгах, то уж наверняка в сексе.

– Ну да, что же еще?

Она вспомнила Карла Валленберга в смокинге, молодого льва с янтарными глазами – нетрудно представить, что он сводит женщин с ума.

– Значит, у него был роман с коллегой, – сказала она. – Ничего такого в этом нет.

– А вот и есть, если замешаны трое.

– Валленберг, эта женщина, а еще кто?

– Еще один доктор из Института Росслин, мужчина. Я так понимаю, что отношения между ними изрядно накалились, и все трое уволились. Валленберг перешел в Казаркин Холм и продолжил исследования. В любом случае он уже лет шесть колет гормоны и без всяких катастрофических последствий.

– И случаев БКЯ.

– Ничего такого не зарегистрировано. Придется еще подумать, доктор Харпер.

– Ладно, рассмотрим другие способы, как эти двое могли заразиться. Хирургическое вмешательство. Что-то не слишком значительное, вроде операции на роговице. Вы могли бы посмотреть, есть ли какие-то упоминания об этом в их амбулаторных картах?

Брэйс застонал:

– Что же вы зациклились на этом? Мои пациенты постоянно умирают, но я же не схожу с ума от этого.

Она со вздохом откинулась на спинку дивана.

– Я знаю, что это ничего не меняет. Знаю, что Гарри, скорее всего, мертв. Но если у него действительно был Крейцфельд-Якоб, он уже умирал, когда я осматривала его. И что бы я ни сделала, все равно не смогла бы спасти его. – Она посмотрела на Брэйса. – Но, возможно, не ощущала бы ответственности за его смерть.

– Значит, это чувство вины, так?

Она кивнула.

– И некоторый собственный интерес. Адвокат, представляющий сына Гарри, уже берет показания у персонала нашего отделения. Я не знаю, есть ли хоть какой-нибудь способ избежать суда. Но если бы я могла доказать, что Гарри уже был смертельно болен, когда я осматривала его…

– Тогда в суде с вас взыскали бы не очень много.

Она кивнула. И устыдилась. «Ваш отец все равно уже умирал, господин Слоткин, так в чем же дело?».

– Неизвестно, мертв ли Гарри, – заметил Брэйс.

– Он пропал месяц назад. Что с ним еще могло произойти? Осталось только найти тело.

Крики наверху прекратились, битва была выиграна. Тишина лишь подчеркнула тревожную паузу в их разговоре. Послышались скрип лестницы и звук шагов, и в комнату вошла женщина. Рыжая, с такой бледной кожей, что ее лицо в сиянии лампы казалось полупрозрачным.

– Моя жена Грета, – представил Брэйс. – А это доктор Тоби Харпер. Тоби зашла поговорить по работе.

– Извините за вопли, – сказала Грета. – Это наша ежедневная пытка. Скажи мне еще раз, Роби, зачем мы завели ребенка?

– Чтобы передать ему наши превосходные ДНК. Беда в том, детка, что она унаследовала твой норов.

Грета присела на ручку кресла рядом с мужем.

– Это называется решимость, а не норов.

– Ну, как бы это ни называлось, а уши вянут. – Он погладил жену по коленке. – Тоби работает в клинике Спрингер. Это она зашивала мне физиономию.

– Ой! – Грета благодарно кивнула. – Вы хорошо потрудились. Наверняка даже шрама не останется. – Она взглянула на кофейный столик и нахмурилась. – Роби, я надеюсь, ты предложил что-нибудь нашей гостье? Хотите чаю?

– Нет, детка, все в порядке, – возразил Роби. – Мы уже закончили.

«Похоже, это сигнал, что пора восвояси», – подумала Тоби и неохотно поднялась.

Встал и Роби. Чмокнув жену, он сказал:

– Я ненадолго, только заеду в клинику. – Затем он повернулся к Тоби, которая с удивлением смотрела на него. – Вы хотели видеть карты амбулаторных пациентов, верно? – уточнил он.

– Да, конечно.

– Тогда встречаемся там, в Казаркином Холме.

– Я так и знал, что вы не отвяжетесь от меня, – сказал Роби, отпирая входную дверь клиники Казаркин Холм. – «Проверьте это, проверьте то». Черт побери, я решил, что покажу вам эти записи, чтобы вы не думали, будто я специально их от вас скрываю.

Они вошли в здание; входная дверь захлопнулась, отчего в пустынном вестибюле заметалось эхо. Роби свернул направо и отпер дверь, на которой значилось: «Медицинская документация».

Тоби щелкнула выключателем и удивленно заморгала при виде шести рядов картотечных шкафов.

– По алфавиту? – спросила она.

– Да. Начало с этой стороны, конец – с той. Я поищу карту Слоткина, вы найдете Парментера.

Тоби направилась к букве «П».

– С ума сойти, сколько тут папок. Неужели в Казаркином Холме действительно так много пациентов?

– Нет. Это центральный архив всех домов престарелых компании «Оркутт».

– Это какой-то конгломерат?

– Да. Мы их крупнейшее учреждение.

– И сколько же домов престарелых в него входит?

– Около десятка. У нас общая бухгалтерия и справочная служба.

Тоби нашла нужный шкаф и просмотрела карты пациентов с фамилиями на «п».

– Ее здесь нет, – сообщила она.

– Я нашел Слоткина.

– А где же тогда Парментер?

Брэйс приблизился к Тоби.

– А, я забыл. Он скончался, так что его карту могли переместить в архив. – Он пошел к шкафу в глубине помещения. Через минуту он закрыл ящик, в котором рылся. – Должно быть, ее куда-то выложили. Не

могу найти. Почему бы нам не остановиться на карте Гарри? Просмотреть ее еще раз, чтобы успокоиться и убедиться, что я ничего не упустил.

Тоби села за голый стол и открыла карту. Сведения в ней были проблемно ориентированы, раздел «Текущие заболевания» помещался на первой странице. Ничего интересного Тоби не увидела. Доброкачественная гипертрофия простаты. Хроническая боль в спине. Незначительная потеря слуха вследствие отосклероза. Обычные изменения для пожилого возраста.

Она заглянула в перечень предшествующих заболеваний. И снова стандартный список. Аппендэктомия в 35 лет. Трансуретральная резекция простаты в 68 лет. Удаление катаракты в 70. Гарри Слоткин был в общем-то человеком здоровым.

Тоби просмотрела записи врачей, которых посещал Гарри. По большей части это были периодические осмотры у Валленберга, иногда встречались записи доктора Бартелла, уролога. Тоби листала страницы, пока не дошла до визита двухлетней давности. Имя врача было написано совершенно неразборчиво.

– Кто это? – спросила она. – Подпись начинается с «Я» и что-то там дальше.

Брэйс прищурился, пытаясь разобрать каракули:

– Сдаюсь!

– Вам не знакомо это имя?

Он покачал головой.

– Иногда мы привлекаем специалистов со стороны. А по какому поводу обращение?

– По-моему, здесь сказано «искривление носовой перегородки». Наверное, ЛОР.

– Есть тут в Ньютоне такой специалист. Фамилия Грили. Значит, в подписи должно быть «Г», а не «Я».

Имя было ей знакомо. Грили время от времени консультировал и у них в клинике Спрингер.

Тоби посмотрела отпечатанную на принтере страничку с результатами последних анализов крови и биохимии. Все в пределах нормы.

– Очень неплохой гемоглобин для его возраста, – заметила она. – Сто сорок – это выше, чем у меня.

Тоби перевернула страницу и нахмурилась, вчитываясь в распечатку под заголовком «Диагностический центр Ньютона».

– Ого, ребята, вам ни к чему контроль за уровнем затрат, а? Вот это анализы! Радиоиммунотестирование на тироидный гормон, гормон роста, пролактин, мелатонин, кортикотропин. И еще, и еще. – Она перешла к следующему листу. – И еще. Перечень сделан год назад, другой – три месяца назад. Какая-то лаборатория в Ньютоне озолотилась на этом.

– Этот набор Валленберг заказывает для каждого своего пациента, кому проводятся инъекции гормонов.

– Но гормональная схема не упоминается в карте.

Брэйс задумался.

– Это ведь странно, верно? Заказывать все эти тесты, несмотря на то, что Гарри не включен в протокол.

– Возможно, Казаркин Холм подбрасывает деньжата диагностическому центру. Такой эндокринный анализ наверняка стоит несколько тысяч долларов.

– Его заказывал Валленберг?

– В отчете из лаборатории не сказано.

– Посмотрите в направлениях. Сравните даты.

Она отыскала раздел, озаглавленный «Направления». Эти странички были написаны от руки под копирку, на каждой – подпись и дата.

– Так, на первый эндокринный набор направил Валленберг. Второй подписан тем самым парнем с неразборчивым почерком. Доктором Грили, если это действительно он.

– Зачем ЛОРу направлять на эндокринное обследование?

Тоби просмотрела остальные направления.

– Вот опять эта подпись, дата – два года назад. Он назначил предоперационный валиум и транспортировку в Центр хирургии Ховарт в Уэллесли на шесть часов утра.

– Перед какой такой операцией?

– Мне кажется, здесь написано «искривление носовой перегородки». – Вздохнув, Тоби закрыла карту. – Все равно ничего не понятно, а?

– Значит, можно идти? Грета небось уже дуется на меня.

Тоби разочарованно отдала ему карту.

– Извините, что вытащила вас в такое время.

– Э-э, ну, я и сам не пойму, как согласился на это. Но вам теперь не особенно нужна карта Парментера, так ведь?

– Только если вы сможете ее найти.

Роби сунул карту Гарри Слоткина на место и захлопнул ящик.

– Сказать по правде, Харпер, это не входит в список моих первоочередных задач.

В гостиной горел свет. Когда Тоби подъехала к стоявшему возле дома «Саабу» Джейн Нолан, она увидела мягкий свет, пробивавшийся сквозь шторы, и силуэт женщины у окна. Такое вселяющее надежду зрелище – фигура у окна, неусыпный часовой, глядящий в темноту. Это значит, кто-то ждет дома.

Войдя в дом, Тоби заглянула в гостиную:

– Я вернулась.

Джейн Нолан отошла от окна, чтобы собрать журналы. На диване лежал «Нэйшнл инквайер», раскрытый на развороте с заголовком «Шокирующие предсказания». Джейн быстренько закрыла его и повернулась к Тоби, смущенно улыбаясь.

– Мои ночные забавы. Я знаю, что следовало бы развивать ум более серьезным чтением. Но, по правде говоря, не могу устоять, когда вижу на обложке Дэниела Дэй-Льюиса. – Она продемонстрировала таблоид.

– Я тоже, – призналась Тоби.

Они засмеялись – приятно осознавать, что некоторые причуды характерны для всех женщин.

– Как прошел вечер? – осведомилась Тоби.

– Очень хорошо. – Джейн повернулась и быстро поправила диванные подушки. – Мы поужинали в семь, и она прекрасненько все слопала. Затем я сделала ей ванну с пеной. Хотя, наверное, не нужно было, – с сожалением добавила она.

– Почему, что случилось?

– Ей так понравилось, что она не хотела выходить. Пришлось сначала спустить воду.

– По-моему, я никогда не делала ей ванну с пеной.

– О, это выглядит очень забавно. Она кладет пену себе на голову, а потом сдувает ее. Вы, наверное, уже видели беспорядок на полу. Это все равно, что смотреть на играющего ребенка. В некотором смысле так и есть.

Тоби вздохнула:

– И этот ребенок с каждым днем становится все младше.

– Но она такой милый ребенок. Мне приходилось работать с альцгеймеровскими пациентами, которые были весьма неприятны. Которые, старея, становились противными. Я думаю, ваша мама такой не будет.

– Не будет, – улыбнулась Тоби. – И никогда не была.

Джейн собрала остальные журналы, и Дэниел Дэй-Льюис исчез в ее рюкзачке. В стопке был и экземпляр «Современной невесты». Журнал для мечтательниц, подумала Тоби. Судя по резюме, Джейн была не замужем. Тридцатипятилетняя Джейн походила на многих других знакомых Тоби – одинокая, но не потерявшая надежды. Обеспокоенная, но не отчаявшаяся. Таким женщинам приходится довольствоваться фотографиями темноволосых кинокумиров, пока в их жизни не появится мужчина из плоти и крови. Если вообще появится.

Они подошли к входной двери.

– Значит, вы считаете, что все в порядке, – сказала Тоби.

– О да. Мы с Элен прекрасно поладили. – Джейн открыла дверь и остановилась. – Чуть не забыла. Звонила ваша сестра. И еще какой-то мужчина из судмедэкспертизы. Сказал, что перезвонит.

– Доктор Дворак? Он не сказал, чего хочет?

– Нет. Я сообщила, что вы будете позже. – Она улыбнулась и помахала рукой. – Спокойной ночи.

Тоби заперла дверь и пошла в спальню, чтобы позвонить сестре.

– Я думала, у тебя выходной, – сказала Вики.

– Так и есть.

– И удивилась, когда трубку сняла Джейн.

– Я попросила ее посидеть несколько часов с мамой. Знаешь, мне все же хочется побыть вне дома хотя бы один вечер за полгода.

Вики вздохнула:

– Ну вот, опять дуешься.

– Ничуть.

– Да ладно, я слышу. Тоби, я знаю, что ты прикована к маме. Знаю, что это кажется несправедливым. Но мне-то что делать? У меня дети, от которых голова кругом. У меня работа, да еще большая часть забот по дому. Я с трудом барахтаюсь.

– Вики, это что, соревнование – кто больше страдает?

– Ты понятия не имеешь, что такое дети.

– Пожалуй, нет.

Повисла долгая пауза. И Тоби подумала: «Я не имею понятия, потому что мне никогда не предоставлялась такая возможность». Но она не могла винить за это Вики. Собственное честолюбие заставило ее сосредоточиться на карьере. Четыре года в университете, три года в ординатуре. Не было времени на романы. А затем у Элен начались нарушения памяти, и к Тоби постепенно перешла ответственность за мать. Это не было запланировано. Этот путь она не выбирала сознательно. Просто жизнь так сложилась.

У нее нет права злиться на сестру.

– Слушай, вы можете приехать к нам на обед в воскресенье? – спросила Вики.

– Я работаю.

– Никак не могу запомнить твое расписание. По-прежнему четыре ночи работаешь, три дома?

– В основном, да. На следующей неделе я не работаю в понедельник и вторник.

– О Господи! Эти дни нам совсем не подходят. В понедельник день открытых дверей в школе. А во вторник у Ханны занятия по фортепиано.

Тоби молчала и ждала, пока Вики закончит обычную литанию о своих бесконечных делах, о том, как сложно координировать расписание четырех человек. Теперь Ханна и Гейб перегружены, как и все нынешние дети, – заполняют каждую свободную минуту уроками музыки, гимнастикой, плаванием, компьютерным классом. Отвези их туда, отвези сюда, и к концу дня уже еле на ногах стоишь.

– Ничего страшного, – наконец прервала ее Тоби. – Почему бы не выбрать другой день?

– Мне правда хочется, чтобы вы приехали.

– Да, я понимаю. У меня свободны вторые выходные ноября.

– Я запишу. Только мне надо сначала убедиться, что все смогут. Я позвоню тебе на следующей неделе, хорошо?

– Отлично. Спокойной ночи, Вики. – Тоби повесила трубку и устало пригладила волосы.

Слишком заняты, мы все слишком заняты. У нас даже нет времени налаживать контакт друг с другом. Она прошла по коридору и заглянула в комнату мамы.

В мягком сиянии ночника было видно, что Элен спит. Она выглядела совсем по-детски: рот слегка приоткрыт, лицо мирное и спокойное. Порой, как сейчас, Тоби замечала легкую тень той маленькой девочки, которой когда-то была Элен, могла представить себе ребенка – с ее лицом, ее страхами. Может, она просто затаилась под леденящими пластами взрослой жизни? И появилась только сейчас, в конце жизни, когда эти слои сошли.

Тоби коснулась маминого лба, отодвинула седые прядки. Зашевелившись, Элен открыла глаза и растерянно уставилась на дочь.

– Это всего лишь я, мамочка, – сказала Тоби. – Спи.

– Плита выключена?

– Да, мама. И двери заперты. Спокойной ночи. – Она поцеловала Элен и вышла из комнаты.

Тоби решила не ложиться. Нет смысла сбивать устоявшийся ритм – через сутки ей снова предстоит ночное дежурство. Она налила себе бокал бренди и отнесла его в гостиную. Включила стереопроигрыватель и поставила диск Мендельсона. Запела одинокая скрипка – чисто и печально. Это был любимый концерт Элен, а теперь и Тоби.

На пике крещендо зазвонил телефон. Она сделала музыку потише и потянулась к трубке. Это был Дворак.

– Простите, что так поздно, – извинился он.

– Ничего страшного, я недавно пришла. – Держа бокал в руке, Тоби откинулась на диванные подушки. – Я знаю, вы пытались до меня дозвониться.

– Я разговаривал с вашей домработницей.

Он замолчал. Было слышно, что у него играет оперная музыка. «Дон Жуан». Вот так, подумала она, двое одиноких людей, каждый сидит у себя дома в компании стереосистемы.

– Вы собирались проверить истории болезни тех пациентов из Казаркина Холма, – напомнил он. – Я хотел узнать, есть ли что-нибудь новенькое.

– Я видела карту Гарри Слоткина. Хирургических вмешательств, которые привели бы к БКЯ, не было.

– А гормональные инъекции?

– Нет. Похоже, он не был включен в протокол. По крайней мере в карте об этом не говорится.

– А как насчет Парментера?

– Мы не нашли его карту. Поэтому неизвестно, были ли у него какие-то операции. Вы могли бы завтра спросить доктора Валленберга.

Дворак не ответил. Она заметила, что «Дон Жуан» затих и на том конце провода воцарилась тишина.

– Жаль, что я не могу вам ничего больше сообщить, – сказала она. – Наверное, ждать окончательного диагноза просто невыносимо.

– Были вечера и повеселее, – признался он. – Я понял, что чтение страховых полисов – на редкость скучное дело.

– Ну нет. Вы же не на это потратили вечер, правда?

– Бутылочка вина помогла.

Она сочувственно пробормотала:

– Бренди – вот что я обычно рекомендую после тяжелого дня. Честно говоря, я как раз держу в руке бокальчик. – Она помолчала, а потом опрометчиво добавила: – А знаете, я все равно не буду спать всю ночь, как всегда. Вы можете приехать ко мне, выпьем вместе.

Дворак ответил не сразу, и она, прикрыв глаза, подумала: «Боже, зачем я это сказала? Почему я говорю так, будто мне не хочется быть одной?»

– Спасибо, но от меня сегодня мало радости, – признался он. – Может, в другой раз.

– Конечно. В другой раз. Спокойной ночи.

Тоби повесила трубку и подумала: «А чего я еще ожидала? Что он сразу примчится и мы проведем ночь, глядя друг другу в глаза?»

Она вздохнула и поставила концерт Мендельсона еще раз. Под звуки скрипки она потягивала бренди, отсчитывая оставшиеся до рассвета часы.

12

Джеймс Бигелоу устал от похорон. Несколько лет он постоянно ходил на них, а в последнее время они случались все чаще и чаще, словно нарастающий барабанный бой, под который марширует время. Неудивительно, что большинство его друзей уже умерли, в свои семьдесят шесть он пережил многих. Теперь смерть догоняет и его. Он слышал ее крадущиеся шаги; ясно представлял свое собственное застывшее тело в открытом гробу: лицо напудрено, волосы расчесаны, серый шерстяной костюм тщательно отглажен и застегнут на все пуговицы. И та же толпа плывет мимо, молча отдавая последние почести. То, что сейчас в гробу лежал Ангус Парментер, а не Бигелоу – всего лишь вопрос времени. Еще месяц, еще год, и в зале прощаний будет выставлен его гроб. Для каждого из нас путешествие когда-нибудь подойдет к концу.

Очередь продвинулась вперед, с ней и Бигелоу. Он остановился возле гроба, задумчиво глядя на своего друга. «Вот и ты оказался смертным, Ангус».

Он прошел дальше, свернул в центральный проход и занял место в четвертом ряду. Отсюда он мог наблюдать за процессией знакомых из Казаркина Холма. Вот соседка Ангуса Анна Валентайн, неугомонно преследовавшая его своими телефонными звонками и запеканками. Здесь были его приятели по гольф-клубу, пары из компании винных дегустаторов и музыканты местного любительского оркестра.

А где же Фил Дорр?

Бигелоу оглядел зал в поисках товарища, зная, что тот должен быть здесь. Всего три дня назад они вместе выпивали в клубе, вполголоса обсуждали старых партнеров по покеру – Ангуса, Гарри и Стена Маки. Все трое уже покойники, остались только Фил и Бигелоу. А вдвоем за покер и садиться не стоит, сказал Фил. Он собирался сунуть колоду карт в гроб Ангусу – вроде прощального подарка, чтобы тот как следует поиграл в покер на небесах. «Интересно, будет ли возражать семья? – размышлял он. – Может, они посчитают, что такой дешевый сувенир выглядит недостойно на атласной обивке?» Тогда они грустно посмеялись над этим, пропустив еще по стаканчику тоника. Черт, сказал Фил, я все равно это сделаю, Ангусу бы понравилось.

Но Фил со своей колодой сегодня не появился.

Анна Валентайн бочком прошла в его ряд и села на соседнее место. Ее лицо было до абсурда густо напудрено – попытка скрыть возраст лишь подчеркивала каждую морщинку. Еще одна рыскающая вдовушка. Джеймс был окружен ими. В другой раз он попытался бы избежать разговора с нею, опасаясь, что Анна с ее ограниченным умишком усмотрит в этом признаки заинтересованности. Но поговорить ни с кем другим он сейчас не мог.

Склонившись к ней, Джеймс вполголоса спросил:

– А где Фил?

Анна посмотрела на него, словно удивившись, что он заговорил:

– Что?

– Фил Дорр. Он должен был прийти сюда.

– Я так понимаю, он неважно себя чувствует.

– А что с ним такое?

– Не знаю. Два дня назад он отказался пойти в театр. Сказал, что с глазами у него нехорошо.

– Мне он этого не говорил.

– Он заметил это лишь на прошлой неделе. Собирался сходить к врачу. – Анна вздохнула и уставилась вперед, на гроб. – Ужасно, не правда ли, как все разваливается. Наши глаза, наши суставы, наш слух. Я сегодня поняла, что у меня изменился голос, я этого не замечала. Посмотрела видеозапись нашей поездки в Фэнл-холл, и поразилась, что у меня такой старый голос. А ведь я не чувствую себя старой, Джимми. Я уже не узнаю себя в зеркале…

Она снова вздохнула. Слеза сбежала по ее щеке, оставляя дорожку на толстом слое пудры. Она вытерла ее, оставив бледное пятно. «Фила беспокоили глаза».

Бигелоу сидел, размышляя над этим, а вереница скорбящих тянулась мимо гроба, поскрипывали кресла, и слышалось бормотание:

«А помните, как Ангус…», «Поверить не могу, что он ушел…», «Говорят, это что-то вроде удара…», «Нет, а я слышал другое…» Бигелоу резко поднялся.

– Вы не останетесь на службу? – удивилась Анна.

– Я… Мне надо кое с кем поговорить, – объяснил он, выбираясь в проход.

Джеймсу показалось, что она окликнула его, но оборачиваться он не стал, а прямиком пошел к выходу.

Сперва он заехал к Филу – тот жил через несколько домов от Бигелоу. Дверь была заперта, на звонок никто не ответил. Джеймс постоял на крыльце, заглядывая в окошко, но смог разглядеть лишь прихожую с маленьким столиком из вишни и медную подставку для зонтов. Одинокий ботинок валялся на полу – это показалось Бигелоу странным. Подозрительным. Фил всегда был таким аккуратистом.

Возвращаясь к садовой калитке, он заметил, что почтовый ящик переполнен. Такого за Филом тоже не водилось.

«Его беспокоили глаза».

Бигелоу снова залез в машину и пропетлял километр до клиники Казаркин Холм. Когда он добрался до регистратуры, у него взмокли ладони, а пульс барабанил вовсю.

Администратор не заметила его появления – она была слишком занята болтовней по телефону.

Он постучал в окошко.

– Мне надо к доктору Валленбергу.

– Одну минуту, – отозвалась она.

С нарастающим раздражением он наблюдал за тем, как она отвернулась и зашлепала по клавишам, продолжая говорить по телефону – что-то насчет совместных страховых платежей и утвержденных сумм.

– Это важно! – сказал он. – Мне нужно знать, что случилось с Филом Дорром.

– Сэр, я говорю по телефону.

– Фил тоже болен, да? У него проблемы с глазами.

– Вам нужно поговорить с его доктором.

– Тогда пропустите меня к доктору Валленбергу.

– У него обед.

– Когда он вернется? Когда?

– Сэр, успокойтесь, пожалуйста…

Просунув руку в окошко, он нажал кнопку разъединения на ее телефоне.

– Я должен попасть к доктору Валленбергу!

Она откатилась на стуле от окошка, оказавшись вне досягаемости. Из картотеки вышли еще две женщины. И теперь все три глазели на него – психа, беснующегося в вестибюле.

Дверь открылась, и появился один из врачей. Крупный черный мужчина башней навис над Бигелоу. Его именная бирка гласила: «Роберт Брэйс, врач».

– Сэр, какие трудности?

– Мне надо видеть Валленберга.

– Его сейчас нет в здании.

– Тогда скажите мне, что стряслось с Филом.

– С кем?

– Вы его знаете! Фил Дорр! Сказали, что он болен – что-то с глазами. Он в больнице?

– Сэр, давайте вы присядете, а эти дамы пока поищут карту…

– Не желаю я сидеть! Я просто хочу знать, у него то же самое, что было у Ангуса и у Стена Маки?

Входная дверь открылась, появилась пациентка. Увидев пылающее лицо Бигелоу, она застыла, словно почувствовала, что ситуация накалена.

– Почему бы нам не поговорить у меня в кабинете? – предложил доктор Брэйс голосом тихим и спокойным. Он протянул руку Бигелоу. – Это прямо по коридору.

Бигелоу поглядел на широкую, неожиданно светлую ладонь, прочерченную широкой темной линией жизни. Он поднял глаза на доктора.

– Я просто хочу знать, – тихо проговорил он.

– Знать что, сэр?

– Я тоже заболею, как и другие?

Доктор покачал головой – это было не ответом на вопрос, а выражением недоумения.

– С чего вы должны заболеть?

– Они сказали, что никакого риска нет… Сказали, что операция безопасна. Но потом заболел Маки, и…

– Сэр, я не знаю господина Маки.

Бигелоу посмотрел на регистраторшу.

– Вы помните Стена Маки. Скажите, что помните Стена!

– Конечно, господин Бигелоу, – ответила она. – Нам было так жаль, когда он ушел.

– А теперь ушел и Фил, да? Я остался один?

– Сэр! – другая сотрудница окликнула его из окошка. – Я нашла карту господина Дорра. Он вовсе не болен.

– А почему он не пришел к Ангусу на похороны? Он должен был пойти!

– Господину Дорру срочно пришлось уехать по семейным обстоятельствам. Он попросил, чтобы его медицинские документы передали новому врачу в Ла-Джолле.

– Что?

– Здесь так написано. – Женщина протянула Джеймсу карту с пришпиленной к обложке запиской. – Распоряжение датировано вчерашним днем. Здесь сказано: «Пациент переведен по семейным обстоятельствам, возвращения не ожидается. Все документы передать в Западное отделение Казаркина Холма в Ла-Джолле, штат Калифорния».

Бигелоу подвинулся к окошку и уставился на подпись под направлением: «Карл Валленберг, врач».

– Сэр! – Это снова сказал доктор; он положил руку на плечо Бигелоу. – Я уверен, скоро вы получите весточку от своего друга. Похоже, ему срочно пришлось уехать.

– Но какие у него могут быть семейные обстоятельства?

– Ну, может быть, кто-то заболел. Или умер.

– У Фила нет семьи.

Доктор Брэйс пристально посмотрел на него. Женщины тоже. Джеймс видел, как они стоят за стеклянной загородкой и смотрят на него – словно зеваки в зоопарке.

– Здесь что-то не так, – возразил Бигелоу. – Вы чего-то недоговариваете, верно?

– Мы можем обсудить это, – предложил врач.

– Я хочу видеть доктора Валленберга.

– Он обедает. Но вы можете поговорить со мной, господин…

– Бигелоу. Джеймс Бигелоу.

Доктор Брэйс открыл дверь, ведущую в коридор клиники.

– Давайте пройдем ко мне в кабинет, и вы мне все расскажете.

Бигелоу оглядел длинный белый коридор, растянувшийся за дверью.

– Нет, – сказал он, попятившись. – Нет, это неважно…

И выскочил из здания.

Постучавшись, Роби Брэйс вошел в кабинет Карла Валленберга. Помещение, как и его владелец, было образчиком надменно-превосходного вкуса. Брэйс не слишком разбирался в мебели, но даже он чувствовал качество. Массивный письменный стол был изготовлен из какого-то необычного дерева теплого красноватого оттенка, Роби такого никогда не видел. Живопись на стенах – нечто претенциозно-абстрактное, однако обошлась она наверняка в целое состояние. Через окно за спиной Валленберга открывался вид на закат. Свет заходящего солнца растекался вокруг его плеч и головы, образуя своеобразное гало. «Иисус Х. Валленберг», – подумал Брэйс, подходя к столу.

Валленберг оторвал взгляд от бумаг.

– Да, Роби?

«Роби. Не доктор Брэйс. Похоже, нам обоим ясно, кто тут главный».

– Вы помните пациента по имени Стен Маки? – осведомился Брэйс.

Против света было невозможно прочитать выражение лица Валленберга. Он медленно откинулся на спинку кресла, обивка из дорогой кожи скрипнула.

– Откуда вы взяли это имя?

– От одного из ваших пациентов, Джеймса Бигелоу. Вы ведь знаете господина Бигелоу?

– Да, конечно. Он был одним из первых пациентов моей программы.

– Сегодня господин Бигелоу появился в клинике очень расстроенный. Не могу сказать, что понял его не слишком вразумительную историю. Он кричал, что все его друзья заболели, и спрашивал, будет ли он следующим. Он упоминал имя господина Маки.

– А именно доктора Маки.

– Он был врачом?

Валленберг жестом указал на кресло.

– Роби, почему бы вам не присесть? Довольно трудно что-либо обсуждать, когда вы вот так возвышаетесь надо мной.

Брэйс сел. И сразу понял, что совершил тактическую ошибку; он потерял преимущество высоты – их лица оказались на одном уровне. Теперь все преимущества были у Валленберга. Положение. Раса. Одежда с иголочки.

– О чем говорил господин Бигелоу? – спросил Брэйс. – Похоже, он очень боится заболеть.

– Не имею ни малейшего понятия.

– Он упоминал какую-то процедуру, в которой участвовали он и его друзья.

Валленберг покачал головой:

– Возможно, он имел в виду протокол? Еженедельные инъекции гормонов?

– Не знаю.

– Если да, то его опасения беспочвенны. В этой схеме нет ничего революционного. Это и вам известно.

– Значит, господину Бигелоу и его приятелям все-таки вводили гормоны?

– Да. Это одна из причин их переезда в Казаркин Холм. Они хотели получать новейшее лечение.

– Интересно, вы сказали «новейшее лечение». Господин Бигелоу ничего об этом не говорил. Он использовал термин «операция». Похоже, он подразумевал некое хирургическое вмешательство.

– Нет-нет. У него не было никаких операций. На самом деле, насколько я помню, хирург ему понадобился всего один раз – удалить полип в носовой полости. Он был доброкачественным, разумеется.

– Ну а как насчет этого гормонального протокола? У кого-нибудь когда-нибудь были серьезные побочные эффекты?

– Никогда.

– Значит, Ангус Парментер не мог умереть от этого?

– Диагноз еще не установлен.

– Это болезнь Крейцфельда-Якоба. Так мне сказала доктор Харпер.

Валленберг застыл, и Брэйс вдруг понял, что ему не стоило упоминать имя Тоби. Не стоило признаваться, что они знакомы.

– Что ж, – спокойно сказал Валленберг. – Это объясняет его симптоматику.

– А как насчет опасений господина Бигелоу? Что у всех его друзей была одна и та же болезнь?

Валленберг покачал головой.

– Вы же знаете, нашим пациентам трудно смириться с тем, что жизнь подходит к концу. Ангусу Парментеру было восемьдесят два. Старение и смерть – это произойдет с каждым.

– Как умер доктор Маки?

Валленберг помолчал.

– Это было весьма неприятное происшествие. У доктора Маки начался острый психоз. Он выбросился из окна больницы Виклин.

– Господи!

– Это потрясло всех нас. Он был хирургом, и очень хорошим. О пенсии даже не думал, в его-то семьдесят четыре. Так и проработал до… До этого происшествия.

– Вскрытие проводилось?

– Причиной смерти стала травма – это очевидно.

– Да, но все-таки вскрытие проводилось?

– Не знаю. Им занимались хирурги Виклина. Он умер примерно через неделю после падения. – Валленберг внимательно посмотрел на Роби. – Кажется, все это вас взволновало.

– Наверное, потому что господин Бигелоу был так огорчен. Он упоминал еще одного своего друга, который тоже заболел. Некий Филипп Дорр.

– С господином Дорром все в порядке. Он переехал в Западное отделение Казаркина Холма, в Ла-Джоллу. Я только что получил его официальную просьбу переслать туда все документы. – Валленберг просмотрел несколько лежащих на столе папок и наконец извлек листок бумаги. – Вот факс из Калифорнии.

Брэйс взглянул на бумагу и увидел подпись Филиппа Дорра.

– Значит, он не болен.

– Я несколько дней назад принимал его в клинике – текущий осмотр.

– И?

Валленберг в упор посмотрел на Брэйса.

– Он абсолютно здоров.

Вернувшись за свой стол, Брэйс закончил ежедневную работу с медицинскими картами и надиктовками. В шесть тридцать, наконец выключив диктофон с микрокассетой, он оглядел расчищенный стол. И обнаружил спешно записанное на обороте одного из лабораторных бланков имя: доктор Стенли Маки. Сегодняшний случай в клинике по-прежнему не давал ему покоя. Он вспомнил два других имени: Ангус Парментер. Филипп Дорр. Эти две из трех смертей сами по себе тревоги не вызывали. Все пациенты были стариками, все достигли статистического финала жизни.

Но один только возраст не может быть причиной смерти.

Сегодня Роби видел страх в глазах Джеймса Бигелоу, настоящий страх, и не мог избавиться от тревоги.

Он снял трубку и позвонил Грете, сказал, что задержится, поскольку должен заехать в клинику Виклин. Затем взял портфель и вышел из кабинета.

К этому времени клиника уже опустела, в конце коридора горела единственная флуоресцентная лампа. Походя мимо нее, Роби услышал тихое жужжание, а подняв глаза, увидел тень какого-то насекомого,

угодившего под матовый короб. Отчаянно хлопая крылышками, оно пыталось бороться с судьбой. Брэйс щелкнул выключателем. Коридор погрузился во тьму, однако жужжание все еще слышалось: пленник лампы яростно молотил крыльями.

Брэйс вышел из здания в сырой ветреный сумрак.

Его «Тойота» осталась на стоянке одна. В сернистом свете дежурной лампы она казалась скорее черной, чем зеленой, и напоминала большого блестящего жука. Он остановился, выуживая ключи из кармана. Затем посмотрел на освещенные окна стационара: за ними замерли неподвижные силуэты пациентов; кое-где метался свет телеэкранов. Внезапно его охватила глубокая подавленность. То, что он видит в окнах, – конец жизни. Картина его собственного будущего.

Он сел в машину и выехал со стоянки, но избавиться от гнетущего чувства не мог. Оно преследовало его, как холодная сырость ночи. «Надо было выбрать педиатрию», – подумал он. Дети. Начало жизни. Развитие, а не распад. Но в университете ему говорили, что будущее медицины – в гериатрии. Когда поколение бэби-бума поседеет, огромная армия этих людей, марширующих прямиком к старости, будет поглощать по пути все ресурсы медицины. Девяносто центов из каждого потраченного на здравоохранение доллара тратится на поддержание пациента в последний год его жизни. Вот куда текут деньги, вот где могут заработать врачи.

Роби Брэйс, человек практичный, выбрал перспективную сферу.

Ох, но как это все угнетает!

По пути в больницу Виклин он размышлял о том, как выглядела бы его жизнь, выбери он педиатрию. Роби думал о своей дочке, вспоминал радость при виде сморщенного личика, когда ее, новорожденную и отчаянно орущую, вынесли ему. Он вспоминал изматывающие кормления в два часа ночи, запах присыпки и кислого молока, шелковистую детскую кожу в теплой ванночке. Младенцы во многом похожи на стариков. Их нужно купать, кормить, одевать. Менять им памперсы. Они не могут ни ходить, ни говорить. Они живут лишь по милости людей, которые за ними ухаживают.

В половине восьмого он добрался до Виклина, небольшой муниципальной больницы, расположенной в пределах Бостона. Натянув белый халат, он проверил наличие бирки с его именем и вошел в здание. Здесь у него не было никаких служебных привилегий, не было права требовать какие-либо медицинские карты, однако он ставил на то, что никто не станет обременять себя расспросами.

В справочном отделе он заполнил бланк на бумаги Стенли Маки и подал его сотруднице, маленькой блондинке. Она посмотрела на бирку с именем и замялась, очевидно, понимая, что он не работает в их больнице.

– Я из клиники Казаркин Холм, – пояснил Роби. – Он был одним из наших пациентов.

Служащая принесла ему карту; Брэйс взял ее и сел за свободный стол. На обложке черным фломастером было написано: «Скончался». Роби открыл папку и просмотрел первую страницу с личными данными: имя, дата рождения, номер социального страхования. Его взгляд упал на строчку с адресом: Синичий переулок, 101, Ньютон, Массачусетс.

Это в Казаркином Холме.

Он перешел к следующей странице. Здесь указывалась только одна госпитализация – та, что предшествовала смерти. С возрастающим волнением он прочитал то, что было надиктовано хирургом в момент поступления пациента в больницу девятого марта.

«Белый мужчина, 74 лет, поступил с обширной раной головы вследствие падения из окна четвертого этажа. Предшествующих заболеваний не отмечено. Непосредственно перед происшествием он был чистым, одетым, проводил стандартную аппендэктомию. По словам медсестер операционного блока, у доктора Маки отмечался тремор обеих рук. Без всяких объяснений он произвел удаление нескольких сантиметров нормального на вид тонкого кишечника, что привело к обширному кровотечению и смерти пациентки. Когда персонал пытался оттащить его от стола, он рассек яремную вену анестезиологу, после чего сбежал из операционной.

Свидетели в коридоре видели, как он выпрыгнул вниз головой в окно. Его нашли на стоянке без сознания и с кровотечением вследствие множественных порезов.

В отделении неотложной помощи была проведена интубация, пациент был стабилизирован и отправлен в травматологическое отделение с множественными переломами черепа, а также возможным компрессионным переломом позвоночника…»

Результаты дальнейшего осмотра излагались в такой же сжатой манере, свойственной хирургам, – беглое перечисление повреждений и неврологических симптомов. Порезы головы и лица. Открытый осколочный перелом теменной и лобной костей с выталкиванием серого вещества. Правый зрачок не реагирует на свет. Самостоятельное

дыхание отсутствует, на болевые стимулы реакции нет. Все эти повреждения, решил Брэйс, вызваны падением головой на асфальт.

Далее следовала приписка хирурга: «Результаты рентгенологического обследования: компрессионный перелом на уровне C6, C7, C8». Это также соответствовало падению головой вниз: сила падения сразу же обрушилась на позвоночник.

Недельное пребывание Стенли Маки в больнице сопровождалось постепенным разрушением всех органов и систем. Находясь в коме, подключенный к аппарату искусственного дыхания, он так и не пришел в себя. Сначала отказали почки, возможно, вследствие травматического шока. Затем развилась пневмония; артериальное давление резко падало дважды, что привело к некрозу кишечника. В конце концов через семь дней после падения с четвертого этажа остановилось сердце.

Роби заглянул в конец папки, где были собраны результаты анализов. Здесь лежали компьютерные распечатки недельного труда, бесчисленные списки – электролитов и химического состава крови, количество всевозможных клеток, анализы мочи. Брэйс продолжал листать страницы, проглядывая анализы человека, чья смерть была – с самого начала – неизбежной. На них ушли тысячи долларов.

Он остановился на отчете с заглавием «Патология».

«Печень (посмертно):

Общий вид. Вес 1600 г, бледная, на поверхности – небольшие очаги сильного кровоизлияния. Хронических фиброзных изменений нет.

Под микроскопом: При окрашивании выявлены разбросанные очаги слабо окрашенных мумифицированных гепатоцитов, что соответствует фокальному коагулирующему некрозу, возможно, вследствие ишемии».

Брэйс перевернул страницу и обнаружил еще один анализ крови, непонятно как туда затесавшийся. Перевернув еще один лист, он уткнулся в обложку. Больше страниц не было.

Роби быстро перелистал карту к началу, разыскивая отчеты других посмертных исследований, однако тот, с описанием печени, оказался единственным. Бессмыслица какая-то. Почему в отчете патологов указан только один орган? А где легкие, сердце, мозг?

Он спросил девушку, есть ли другие папки на имя Стенли Маки.

– Нет, эта единственная.

– Но здесь отсутствуют некоторые отчеты патолога.

– Спросите лучше у них самих. У них есть копии всех протоколов.

Отделение патологии, расположенное в цокольном этаже, оказалось лабиринтом помещений с низкими потолками; белые стены были украшены яркими туристическими постерами: туман над Серенгети, радуга над Кауаи, остров с мангровыми деревьями в бирюзовом море. Радио тихо наигрывало рок. Единственная дежурная лаборантка тоже выглядела абсурдно веселой, особенно если принять во внимание род ее занятий. Она и сама была похожа на яркую картинку – нарумяненные щеки и искристо-зеленые веки.

– Я пытаюсь найти сделанное в марте заключение о вскрытии, – сказал Брэйс. – Его нет в папке пациента. В справочной посоветовали обратиться к вам.

– Как звали пациента?

– Стенли Маки.

Покачав головой, лаборантка направилась к картотеке.

– Такой милый человек был. Мы ужасно переживали.

– Вы его знали?

– Хирурги всегда приходят, чтобы проверить отчеты по своим пациентам. Так что мы доктора Маки знали довольно хорошо. – Она выдвинула ящик и начала перебирать папки. – Он подарил нашему отделению кофеварку на Рождество. Мы теперь называем ее Кофейным памятником господину Маки.

Она выпрямилась и хмуро уставилась на ящик:

– Странно.

– Что?

– Не могу его найти. – Лаборантка задвинула ящик. – Я уверена, что вскрытие проводилось.

– Может, переложили? На букву «С», Стенли?

Она открыла другой ящик, просмотрела папки, закрыла. Обернулась к другому лаборанту, вошедшему в комнату:

– Слушай, Тим, тебе не попадался отчет о вскрытии доктора Маки?

– Это ведь было очень давно?

– В начале года.

– Тогда должен быть на месте. – Лаборант опустил на стол лоток со стеклами. – Попробуй посмотреть у Хермана.

– И как мне самой в голову не пришло? – вздохнула она и направилась в один из кабинетов.

Брэйс пошел за ней.

– А кто такой Херман?

– Не кто, а что. – Она включила свет. В кабинете стоял стол с компьютером. – Вот Херман. Любимое детище доктора Сиберта.

– И что этот Херман делает?

– Он... эта машина... нужна, чтобы облегчить ретроспективные исследования. Скажем, вы хотите знать, сколько случаев перинатальных смертей приходилось на курящих матерей. Вы набираете на клавиатуре «курение» и «перинатальный», и получаете список соответствующих пациентов, которым проводилось вскрытие.

– Значит, здесь все данные по вскрытиям, которые у вас проводились?

– Не все. Доктор Сиберт начал вводить их только два месяца назад. И до окончания работы еще далеко.

Она села за компьютер, набрала «Маки, Стенли» и нажала кнопку поиска.

На экране высветились данные отчета по вскрытию Стенли Маки.

Лаборантка освободила место:

– Он в вашем распоряжении.

Брэйс подсел к компьютеру. Судя по дате на экране, отчет был введен в компьютер шесть недель назад; после этого папка и потерялась. Он нажал кнопку смещения страницы вниз и начал читать.

Отчет описывал внешние повреждения тела: многочисленные следы внутривенных вливаний, голова выбрита, разрезы на черепе оставлены

скальпелем нейрохирурга. Отчет продолжался описанием внутренних органов. Легкие застойные, отечные вследствие воспаления. На сердце следы недавнего инфаркта. В мозгу множественные кровоизлияния. Данные внешнего осмотра не противоречили диагнозу хирурга: обширная черепно-мозговая травма в сочетании с двусторонней пневмонией. Недавний инфаркт миокарда, возможно, и явился причиной смерти.

Он кликнул мышкой на микроскопическое исследование и нашел изложение той страницы, которая была подшита в карту, – с описанием печени. Кроме того, здесь были и другие данные: микроскопическое исследование печени, сердца, легких. Никаких сюрпризов, подумал он. Человек упал головой на мостовую и раскроил себе череп, а неврологическая травма привела к отказу внутренних органов.

Он щелкнул на микроскопическое исследование мозга, и его взгляд сразу выхватил фразу, погребенную под перечислением травматических повреждений:

«…множественная вакуолизация нейропиля. Уменьшение количества нейронов и реактивная пролиферация астроцитов, амилоидные бляшки; конго красный положительный на срезах мозжечка».

Роби перескочил на последнюю страницу, и его взгляд скользнул на заключительные диагнозы:

«1. Множественные внутричерепные кровоизлияния вследствие травмы.

2. Предшествующая болезнь Крейцфельда-Якоба».

На стоянке Роби Брэйс сел в свою машину, соображая, что же делать дальше. И делать ли вообще. Он взвесил все возможные последствия своих действий. Это будет сокрушительным ударом по репутации Казаркина Холма. Наверняка все средства массовой информации уцепятся за это и разразятся кричащими заголовками: «Роскошь и смерть. Коровье бешенство за большие деньги».

А он потеряет работу.

«Но ты не можешь промолчать, парень. Тоби Харпер права. Мы обнаружили смертельную опасность, а ее источник неизвестен. Гормональные инъекции? Пища?»

Он полез под сиденье за своим сотовым. Визитка Тоби все еще была у него с собой, он набрал ее домашний номер.

Ответил женский голос:

– Дом Харперов.

– Это доктор Брэйс из Казаркина Холма. Могу я поговорить с Тоби Харпер?

– Ее сейчас нет, но я могу передать сообщение. Куда вам перезвонить?

– Я сейчас у себя в машине. Просто передайте, что она была права. Скажите, я нашел второй случай БКЯ.

– Как, простите?

– Она поймет.

В зеркале заднего вида мелькнули зажженные фары. Обернувшись, Брэйс увидел автомобиль, медленно двигавшийся по соседнему ряду.

– Во сколько она придет? – поинтересовался Роби.

– Она сейчас на работе.

– А, тогда я заскочу к ней в Спрингер. Ничего передавать не надо.

Нажав на отбой, Роби сунул телефон под сиденье и завел мотор.

Выезжая, он заметил те же самые фары, они двигались к выезду с парковки. Среди оживленного уличного движения он быстро потерял их из виду.

До больницы Спрингер было примерно полчаса езды. Когда он добрался до их стоянки, у него от голода разболелась голова. Брэйс поставил машину на гостевой стоянке. Выключив двигатель, он еще минуту сидел в машине, массируя виски. Головная боль была не сильной, просто напоминала, что он ничего не ел с завтрака. Загляну к ней на несколько минут, просто скажу, что узнал, а дальше пусть решает сама. Хочется только одного – добраться домой и поужинать. Поиграть с дочуркой.

Роби вылез из машины, запер ее и направился ко входу в отделение неотложной помощи. Пройдя несколько шагов, он услышал урчание машины у себя за спиной. Обернулся и прищурился от света надвигавшихся фар. Машина притормозила рядом с ним. Послышалось жужжание опускаемого водительского стекла.

Человек с волосами такими светлыми, что они казались серебряными в свете фонарей, улыбнулся:

– Похоже, я заблудился.

– А куда вы хотите попасть?

– На Ирвин-стрит.

– Ну, тогда вы далековато забрались. – Брэйс шагнул к отрытому окошку. – Вам придется вернуться на шоссе, повернуть направо и проехать четыре или пять…

Он удивился, услышав «пух-пух». И почувствовав толчок в грудь.

Брэйс дернулся, пораженный неожиданным ударом. Он прижал руку к груди, где уже начала разливаться боль, и обнаружил, что не может глубоко вдохнуть. Что-то теплое проступило из-под рубашки и смочило его пальцы. Опустив глаза, Роби увидел, что его рука испачкана темной блестящей жидкостью.

Последовал еще один звук и еще один удар в грудь.

Брэйс пошатнулся. Он пытался удержать равновесие, однако ноги не слушались его. Он рухнул на колени и увидел, как свет уличного фонаря начал расплескиваться, словно вода.

Последняя пуля вошла ему в спину.

Он повалился, приникнув лицом к холодной мостовой, мелкие камни впились ему в щеку. Машина скрылась, урчание мотора затихло в темноте. Он чувствовал, как жизнь утекает из него горячим потоком. Он хотел прижать руку к груди, чтобы остановить этот поток, но сил уже не было. Ему удалось лишь приложить ладонь.

«Боже, только не здесь, – подумал он. – Не сейчас».

Роби пополз к дверям неотложки, пытаясь посильнее прижать рану в груди, но с каждым ударом сердца чувствовал, как выплескивается горячий поток. Он старался сосредоточиться на подсвеченной ярко-красным вывеске «Неотложная помощь», но в глазах мутнело, и слова расползались, как сочащаяся из раны кровь.

Стеклянные двери больницы были прямо перед ним. Неожиданно в теплом прямоугольнике света появилась фигура. Казалось, она совсем рядом. В отчаянии Брэйс протянул руку и прошептал:

– Помогите… пожалуйста.

Он услышал женский крик: «Здесь человек истекает кровью! Помогите мне, быстро!» И звук бегущих к нему ног.

13

– Ставьте третью капельницу! – заорала Тоби. – Шестнадцать гейч! Лактат Рингера на полную…

– Лаборатория говорит, что первую группу с отрицательным резусом уже отправили.

– Где, черт побери, носит этого Кэри?

– Он только что был в клинике, – сообщила Модин. – Я сейчас еще раз его вызову.

Тоби натянула перчатки и схватила скальпель. Под яркими лампами операционной лицо Брэйса блестело от пота и страха. Он во все глаза смотрел на нее из-под шипящей кислородной маски, дыша короткими отчаянными рывками. Повязка на груди снова наливалась красным. Сестра-анестезиолог, вызванная из родильного отделения, приготовилась к интубации.

– Роби, я сейчас поставлю вам дренажную трубку, – пояснила Тоби. – У вас напряженный пневмоторакс.

Он понимающе кивнул и напрягся в предчувствии новой боли. Но даже не поморщился, когда ее лезвие рассекло ему кожу над ребрами: подкожная инъекция ксилокаина уже заморозила нервные окончания. Тоби услышала, как вырвался поток воздуха и поняла, что добралась до грудной полости. Она знала, что действует правильно; пуля пробила легкое, и с каждым вздохом воздух выходил из поврежденного органа в плевральную полость, заполнял ее и давил на сердце и главные сосуды.

Она просунула палец в разрез, расширяя его, а затем ввела туда пластиковую трубку. Вэл соединила другой конец трубки с отсосом. Ярко-красная кровь хлынула через нее в резервуар.

Тоби и Вэл переглянулись, думая об одном и том же: у него кровотечение в грудной полости – и сильное.

Тоби взглянула в лицо Брэйса и поняла: он смотрит на нее и видит ее страх.

– Это… нехорошо, – прошептал он.

Она сжала его плечо.

– Вы держитесь отлично, Роби. Хирург будет с минуты на минуту.

– Холодно. Мне так холодно…

Модин накинула на него одеяло.

– Где кровь первой группы с негативным резусом? – крикнула Тоби.

– Только что доставили, сейчас подвешу…

– Тоби, – прошептала Вэл, – верхнее упало до восьмидесяти пяти.

– Давай, давай, заливаем кровь!

Дверь распахнулась, вошел Даг Кэри.

– Что у вас здесь? – буркнул он.

– Пулевые ранения в грудь и спину, – сообщила Тоби. – Рентген показывает три пули, но я насчитала четыре отверстия. Напряженный пневмоторакс. А это, – она указала на резервуар плевральной трубки, где набралось уже не меньше ста миллилитров крови, – это только за последние несколько минут. Давление падает.

Кэри взглянул на рентгеновский снимок.

– Вскрываем грудную клетку, – сказал он.

– Нам понадобится полная кардиобригада, возможно, шунтирование…

– Нельзя ждать. Мы должны остановить кровотечение сейчас же.

Он посмотрел на Тоби в упор, и она почувствовала, как внутри шевельнулась старая неприязнь. Даг Кэри мерзавец, но сейчас он ей необходим. Необходим Роби Брэйсу. Тоби кивнула сестре-анестезисту.

– Начинайте интубацию, мы подготовим его. Вэл, открой набор для торактомии…

Пока все метались, готовясь к операции, анестезист набрала в шприц дозу этомидата. Лекарство отключит сознание Роби, и его можно будет интубировать.

Тоби приподняла кислородную маску и увидела, что Роби с отчаянием смотрит на нее, прямо в глаза. Сколько раз она замечала ужас в глазах пациентов и с трудом подавляла собственные чувства, чтобы сосредоточиться на работе. На этот раз, однако, она не могла игнорировать страх. Это был человек, которого она знала. Человек, который ей нравился.

– Все будет хорошо, – пообещала она. – Вы должны мне верить. Я не позволю ничему случиться.

Она обхватила его лицо ладонями и улыбнулась.

– Рассчитываю… на вас… Харпер, – пробормотал он.

Она кивнула.

– Да, Роби. А теперь – вы готовы поспать?

– Разбудите меня… когда все закончится…

– Время пролетит незаметно. – Тоби кивнула анестезистке, вводившей этомидат в капельницу. – Спите, Роби. Я буду с вами, когда вы проснетесь.

Брэйс все еще смотрел на нее. Ее лицо – последнее, что он видит. Она смотрела, как сознание гаснет в глазах Роби, как расслабляются мышцы и опускаются веки.

«Я не позволю ничему случиться».

Она сняла кислородную маску. Сестра тут же запрокинула голову Роби назад и ввела в горло ларингоскоп. Несколько секунд ушло, чтобы отыскать голосовые связки и ввести трубку в трахею. Затем подачу кислорода возобновили, а трубку приклеили пластырем. Теперь за Роби будет дышать аппарат, нагнетая в легкие точно рассчитанную смесь кислорода и галотана.

«Я не позволю ничему случиться».

Тоби перевела дух. Затем быстро надела халат. Она знала, что здесь на каждом шагу нарушаются правила стерильности, но ничего не поделаешь. Времени отмывать руки нет – она натянула перчатки и подошла к столу.

Тоби встала прямо напротив Дага Кэри. Грудь пациента уже была обработана бетадином и накрыта стерильными простынями.

Кэри сделал разрез, один чистый разрез вдоль грудины. На изящество времени не было; давление падало – верхнее дошло до семидесяти при трех здоровенных капельницах с физраствором и цельной кровью. Тоби уже присутствовала прежде при экстренной торакотомии, но жестокость процедуры каждый раз ужасала ее. Ее немного подташнивало, когда она смотрела, как Кэри орудует пилой, как расщепилась грудина в дымке костной пыли и брызжущей крови.

– Черт! – воскликнул Кэри, заглянув в грудную полость. – Тут, по крайней мере, литр. Отсос! Давайте салфетки!

Урчание отсоса было таким громким, что Тоби едва слышала попискивание сердечного ритма на мониторе. Пока Вэл занималась отсасыванием крови, Модин распечатала упаковку стерильных салфеток. Кэри засунул одну из них в грудную полость. А когда вытащил, она была пропитана кровью. Он швырнул ее на пол и засунул другую. И снова салфетка оказалась насквозь мокрой.

– Ладно, ладно, кажется, я понимаю, откуда она берется. Похоже, из восходящей аорты, просачивается очень быстро. Тоби, мне нужен обзор…

Катетер отсоса по-прежнему издавал булькающие звуки. Хотя большую часть крови удалось убрать, она по-прежнему лилась из аорты.

– Я не вижу пули, – заявил Кэри и, взглянув на рентгеновский снимок, вгляделся в открытую полость. – Течет отсюда, но где эта чертова пуля?

– Вы что, не можете ее просто зашить?

– Она может сидеть в стенке аорты. Мы заштопаем и закроем грудную полость, а позже прорвется новая дыра. – Кэри потянулся к зажиму и ниткам. – Так, давайте сначала заткнем эту течь. А потом посмотрим дальше…

Пока Кэри работал, Тоби оттягивала легкое. Шил он быстро, иголка так и сновала сквозь стенку аорты. Когда он закончил, и кровотечение прекратилось, все непроизвольно вздохнули с облегчением.

– Какое давление? – осведомился он.

– Держится семьдесят пять, – сообщила Вэл.

– Продолжайте вливать кровь. Получили еще?

– На подходе.

– Хорошо. – Кэри вздохнул. – Давайте посмотрим, что у нас здесь еще.

Он промокнул вытекшую кровь, расчищая поле для обзора. Затем, аккуратно установив вытяжку, он взял губку и промокнул аорту. И внезапно замер.

– Вот херня! – воскликнул он. – Пуля…

– Что?

– Вот она где. Она почти прошла сквозь противоположную стенку. – Кэри начал вытаскивать руку.

Фонтан крови ударил вверх, забрызгав лица им обоим.

– Нет! – закричала Тоби.

В панике Кэри схватил с подноса зажим и сунул в поток крови, ему приходилось действовать вслепую в бурлящем красном море. Кровь хлынула из грудной полости и залила халат Тоби.

– Я не могу остановить ее… Похоже, у него разрыв вдоль всей этой долбаной стенки.

– Зажимайте! Почему вы ее не зажимаете?

– Что зажимать-то? Аорта порвана в лоскуты…

Кардиомонитор заверещал.

– Асистолия! – крикнула анастезист. – У нас асистолия!

Взгляд Тоби метнулся к экрану. Линия стала ровной.

Она сунула руки в горячее озеро крови и ухватилась за сердце. Нажала раз, другой; ее рука управляла сердцебиением Роби.

– Прекратите! – одернул ее Кэри. – Это лишь усиливает кровотечение.

– Но у него остановка сердца…

– Вы не сможете ничего изменить.

– Тогда какого хрена мы тут делаем?

Монитор по-прежнему верещал. Кэри посмотрел на раскрытую полость. На блестящую красную лужу. Как только Тоби прекратила массаж сердца, фонтан стих. Теперь лишь медленно капало – кровь потихоньку изливалась из открытой полости на пол.

– Все кончено, – сказал Кэри и тихо отступил от тела. Его халат вымок по пояс. – Здесь нечего было шить, Тоби. Вся аорта рассечена, она просто взорвана.

Тоби посмотрела в лицо Брэйсу. Его веки были приоткрыты, челюсть расслаблена. Аппарат искусственного дыхания все еще работал, закачивая воздух в мертвое тело.

Анестезист щелкнула выключателем. Воцарилось молчание.

Тоби положила руку на плечо Брэйсу. Под стерильными простынями прощупывалось его мощное, еще теплое тело.

– Прости, – прошептала она. – Мне так жаль…

Полиция появилась в клинике раньше, чем жена Роби. За несколько минут первые двое патрульных оцепили половину стоянки и деловито охраняли место преступления. Когда Грета Брэйс примчалась в отделение неотложной помощи, стоянка уже купалась в свете проблесковых маячков нескольких полицейских машин из Ньютона и Бостона. Тоби стояла у регистратуры и разговаривала с одним из детективов и тут заметила, как вошла Грета; ее рыжие волосы растрепал ветер. Приемная была заполнена копами и несколькими потрясенными пациентами, и Грета, всхлипывая и ругаясь, пробиралась через толпу.

– Где он? – закричала она.

Тоби прервала разговор с детективом и пошла навстречу Грете.

– Мне так жаль…

– Где он?

– Он все еще в травмпункте. Грета, нет! Не ходите туда пока. Дайте нам немного времени…

– Он мой муж, я должна его видеть.

– Грета…

Но та уже проскочила мимо доктора Харпер и направилась в глубь больницы. Тоби последовала за ней. Грета не знала, куда идти, двигалась зигзагами, яростно заглядывая во все двери. Наконец она наткнулась на дверь с надписью «Травмпункт» и ворвалась туда. Тоби следовала по пятам. Когда они вошли, доктор Дэниел Дворак в халате и перчатках поднял глаза от тела. С Роби сняли все простыни, в его груди зияла дыра, на лице запечатлелась безвольная маска смерти.

– Нет, – выдохнула Грета, и ее голос поднялся от стона до высокого тонкого завывания. – Нет…

Тоби коснулась ее пальцев и попыталась вывести в коридор, но госпожа Брэйс стряхнула руку и осталась возле мужа. Она обхватила его лицо ладонями, целовала его глаза, лоб. Дыхательная трубка все еще торчала у него изо рта. Грета попыталась отклеить пластырь, чтобы убрать отвратительный кусок пластика.

Дэниел Дворак положил ей руку на плечо.

– Простите, – сказал он тихо. – Это должно остаться.

– Я хочу, чтобы эту дрянь убрали из горла моего мужа!

– Она должна пока остаться, я уберу ее, когда закончу осмотр.

– А вы-то, черт возьми, кто такой?

– Я медэксперт. Доктор Дворак.

Дэниел посмотрел на детектива убойного отдела, который только что вошел в зал.

– Госпожа Брэйс! – окликнул женщину полицейский. – Я детектив Шиэн. Почему бы нам не пройти в более тихое место, где можно присесть?

Грета не шевельнулась. Она стояла, что-то тихо бормоча, по-прежнему сжимая щеки Роби ладонями; за копной рыжих волос выражение ее собственного лица разглядеть было невозможно.

– Нам нужна ваша помощь, госпожа Брэйс, мы должны выяснить, что произошло. – Полицейский коснулся плеча Греты. – Пойдемте в другую комнату. Там мы сможем поговорить.

Наконец она позволила увести себя от стола. В дверях госпожа Брэйс остановилась и посмотрела на мужа.

– Я скоро вернусь, Роби, – пообещала она и медленно вышла.

Тоби и Дворак остались одни.

– А я не знала, что вы здесь, – сказала она.

– Я приехал минут десять назад. Тут была такая толпа, что вы могли не заметить меня.

Она посмотрела на Роби. И вдруг подумала: не остыло ли его тело.

– Я бы так хотела попросту закрыть отделение и уйти домой. Но пациенты все идут и идут. Со своими больными зубами и насморками, со своими проклятыми пустяковыми жалобами… – На глаза внезапно навернулись слезы; она вытерла их и повернулась к двери.

– Тоби!

Доктор Харпер остановилась – молча, не оборачиваясь.

– Мне нужно с вами поговорить. О том, что произошло сегодня.

– Я уже разговаривала с несколькими полицейскими. Никто из наших сотрудников не видел, как это произошло. Мы нашли его на парковке. Он полз к зданию…

– Вы согласны с доктором Кэри, что смерть наступила в результате кровотечения из аорты?

Она вздохнула и неохотно повернулась к Двораку.

– Так сказал доктор Кэри.

– Что вы помните об операции?

– Там была… дырочка в аорте. Он зашил ее. Но затем увидел, что пуля… прошла сквозь… там был внутренний разрыв. Разрыв аорты. Затем стенка лопнула… – Тоби сглотнула и отвернулась. – Это был кошмар.

Он промолчал.

– Я знала его, – прошептала Тоби. – Я была в его доме. Я встречалась с его женой. О Боже!

Она выскочила из комнаты. Единственно возможное укрытие – кабинет, который врачи использовали для сна. Тоби закрыла дверь и села на кушетку. Рыдая, раскачиваясь взад-вперед. Она даже не услышала стука в дверь.

Дворак тихо вошел в комнату. Он уже снял халат и перчатки и теперь стоял возле кушетки, не зная, что сказать.

– Вы в порядке? – наконец спросил он.

– Нет. Я совсем не в порядке.

– Извините за вопросы. Я должен был их задать.

– Вы говорите об этом так, как будто вам начхать!

– Тоби, мне нужно знать. Мы не можем помочь доктору Брэйсу. Уже не можем. Но можем узнать правду. Мы должны это сделать для него.

Она закрыла лицо руками и попыталась собраться с силами, перестать плакать. Ее слезы казались еще более унизительными, поскольку Дворак стоял рядом, смотрел на нее. Она слышала скрип – это был стул, на который опустился Дэниел. Когда наконец она смогла поднять голову, Тоби обнаружила, что смотрит ему прямо в глаза.

– Я не знал, что вы были знакомы с жертвой, – проговорил он.

– Он не жертва, его звали Роби.

– Хорошо. Роби. – Он помедлил. – Вы были близкими друзьями?

– Нет. Мы не были… близкими друзьями.

– Похоже, вы очень остро это восприняли.

– И вы этого не понимаете, так?

– Не совсем.

Она набрала воздуха в легкие и медленно выдохнула.

– Знаете, такое случается. В большинстве случаев, когда мы теряем пациента, мы справляемся с этим. А потом попадается ребенок. Или кто-то знакомый. И внезапно мы осознаем, что не выдерживаем… – Она вытерла глаза. – Мне нужно возвращаться к работе, там наверняка ждут пациенты…

Дворак схватил ее за руку.

– Тоби, если вам это небезразлично, то я не думаю, что вы могли спасти его. Повреждение аорты было чудовищным.

Она посмотрела на его руку, чувствуя некоторое удивление, что он все еще не отвел ее. Казалось, Дэниел был не меньше ошарашен этим неожиданным прикосновением и тут же отпустил ее запястье. Некоторое время они молчали.

– Это произошло слишком близко. – Обхватив руками плечи, она поняла, что снова смотрит ему в глаза. – Я хожу через эту стоянку каждый вечер. Как и все медсестры. Если это была попытка ограбления, любая из нас может стать легкой добычей.

– Возле больницы Спрингер уже происходили нападения?

– Я знаю только об одном. Несколько лет назад изнасиловали одну из медсестер. Но это ведь не центр Бостона. Здесь так не пекутся о безопасности.

– Чудовища встречаются и в пригородах.

Стук в дверь вспугнул их обоих. Тоби открыла дверь и увидела детектива Шиэна.

– Доктор Харпер, мне нужно задать вам несколько вопросов, – заявил он и вошел, хлопнув дверью. Комната сразу показалась слишком тесной. – Я только что разговаривал с госпожой Брэйс. Она полагает, ее муж мог приехать сюда, чтобы встретиться с вами.

Тоби покачала головой:

– Зачем?

– Это мы и хотим выяснить. Он позвонил ей около половины седьмого и сказал, что едет в больницу Виклин и будет дома поздно.

– Он ездил в Виклин?

– Сейчас мы это проверяем. Мы не знаем только, зачем он потом поехал сюда. А вы знаете?

Она покачала головой.

– Когда вы в последний раз видели доктора Брэйса?

– Вчера вечером.

Шиэн вздернул бровь.

– Он приезжал в Спрингер?

– Нет. Я была у него дома. Он помогал мне найти кое-какие медицинские записи.

– Вы встретились, чтобы взглянуть на медицинские документы?

– Да. – Тоби посмотрела на Дворака. – Это было сразу после нашей с вами встречи. Вы сообщили мне диагноз Ангуса Парментера. Мне стало интересно, страдал ли Гарри Слоткин болезнью Крейцфельда-Якоба. Поэтому мы с Роби смотрели амбулаторную карту Слоткина.

– Какой болезнью? – заинтересовался Шиэн.

– Крейцфельда-Якоба. Это смертельное инфекционное заболевание мозга.

– Ладно. Значит, вы встречались вчера вечером с доктором Брэйсом. А что потом?

– Мы поехали в Казаркин Холм, посмотрели медицинские карты. Затем разъехались по домам.

– Вы никуда не заезжали? Доктор Брэйс не заезжал к вам?

– Нет. Я добралась домой примерно в половине одиннадцатого, одна. После этого он мне не звонил, и я ему тоже не звонила. Поэтому не знаю, по какой причине он хотел встретиться со мной.

Раздался стук. «Сколько еще народу может уместиться в этой комнате?» – удивилась Тоби, открывая дверь. Это была Вэл.

– У нас больной. С левосторонней слабостью и нарушением речи. Давление – двести пятьдесят на сто тридцать. Он во втором кабинете.

Тоби оглянулась на Шиэна.

– Мне нечего больше сказать вам, детектив. А теперь извините, мне нужно работать.

На следующее утро в восемь часов Тоби подъехала к дому, остановила машину рядом с темно-синим «Саабом» Джейн и выключила мотор. Она слишком вымоталась, чтобы выходить из машины и встречаться с Элен прямо сейчас, поэтому она сидела в автомобиле, глядя, как опавшие листья летят по лужайке. Это была одна из худших ночей в ее жизни: сначала смерть Роби, затем череда тяжелых пациентов – инсульт, инфаркт миокарда, эмфизема в последней стадии, настолько критической, что пациенту потребовалась интубация. Вдобавок ко всему общая сутолока – полицейские постоянно бродили туда-сюда со своими дребезжащими рациями. «Прошлой ночью было полнолуние?» – вдруг подумала Тоби. Какое-то безумное смещение планет потопило ее неотложку в хаосе. Да еще этот детектив Шиэн, нападавший на нее при каждой возможности, чтобы задать «всего лишь один» вопрос.

На машину налетел ветер. Печка была выключена, и поэтому Тоби начала замерзать. В конце концов именно холод и погнал ее из машины в дом.

Там Тоби встретил запах кофе и приятный звон фарфора из кухни.

– Я пришла! – крикнула она и повесила куртку в шкаф.

Джейн появилась на пороге кухни, улыбаясь тепло и гостеприимно.

– Я только что сварила кофе, выпьете чашечку?

– Если выпью, не усну.

– Ой, он без кофеина. Я подумала, что вы не захотите натуральный.

Тоби улыбнулась.

– В таком случае спасибо, с удовольствием.

Бледный утренний свет проникал в окно; они сидели за кухонным столом и пили кофе. Элен еще не проснулась, и Тоби чувствовала некоторую вину из-за того, что была рада этой отсрочке, наслаждаясь моментом отдыха. Она откинулась на спинку стула и вдохнула пар, поднимавшийся из чашки.

– Райское ощущение.

– Всего-навсего обжаренные зерна «Колумбии».

– Да, но мне не пришлось ничего молоть и наливать. Я могу просто сидеть и пить.

Джейн сочувственно покачала головой.

– Судя по всему, ночь выдалась тяжелая.

– Такая тяжелая, что я даже не хочу об этом говорить. – Тоби поставила чашку и потерла лицо. – А как прошла ночь у вас?

– Несколько суматошно. Вашей маме никак не спалось. Она все время бродила туда-сюда по дому.

– Боже мой! Почему?

– Она говорила, что должна забрать вас из школы. И повсюду искала ключи от машины.

– Она же сто лет не водила машину. Понятия не имею, с чего она вдруг взялась искать ключи.

– Ну, она очень не хотела, чтобы вы долго ждали ее в школе. Она беспокоилась, что вы можете простудиться. – Джейн улыбнулась. – Когда я спросила, сколько вам лет, она сказала, что одиннадцать.

«Одиннадцать, – подумала Тоби. – В том году умер папа. В том году все свалилось на мамины плечи».

Джейн поднялась из-за стола и вымыла чашку.

– Во всяком случае я искупала ее вечером, так что можете не беспокоиться на этот счет. И мы хорошо перекусили в полночь. Я полагаю, она пробудет в постели еще некоторое время, а то и весь день. – Джейн поставила свою чашку в сушилку и повернулась к Тоби. – Думаю, она была замечательной матерью.

– Да, – пробормотала Тоби.

– Тогда вам повезло. Больше, чем мне... – Взгляд Джейн печально сполз на пол. – Но мы же не можем выбирать родителей, правда?

Она вздохнула, словно хотела сказать что-то еще, но затем просто улыбнулась и взяла сумочку.

– Увидимся завтра вечером.

Тоби слышала, как сиделка вышла из дома, закрыв за собой дверь. Без Джейн кухня казалась пустой. Безжизненной. Тоби вышла из-за стола и направилась к маминой комнате. Заглянув за дверь, она увидела, что Элен спит. А потом тихо вошла в комнату и села на кровать.

– Мама!

Элен перевернулась на спину. Ее глаза медленно открылись и посмотрели на Тоби.

– Мама, ты себя хорошо чувствуешь?

– Устала, – пробормотала Элен, – я сегодня устала.

Тоби положила руку на лоб Элен. Жара нет. Она откинула прядь серебристых волос с маминых глаз.

– Ты не заболела?

– Я просто хочу спать.

– Хорошо. – Тоби чмокнула Элен в щеку. – Тогда спи, я тоже пойду.

– Спокойной ночи!

Тоби вышла, оставив дверь в комнате Элен открытой. Она решила, что не будет закрывать дверь в свою спальню, чтобы слышать, если мама позовет ее. Она приняла душ и надела футболку, в которой обычно спала. Едва она села на кровать, зазвонил телефон.

Тоби взяла трубку.

– Алло!

Мужской голос, смутно знакомый, спросил:

– Могу я узнать, с кем говорю?

Изумленная такой наглостью, она ответила:

– Сэр, если вы не знаете, кому звоните, ничем не могу помочь. До свидания!

– Подождите. Это детектив Шиэн, полиция Бостона. Я просто пытаюсь выяснить, чей это номер.

– Детектив Шиэн? Это Тоби Харпер.

– Доктор Харпер?!

– Да. Вы набрали мой домашний номер, разве вы его не знали?

Последовало молчание.

– Нет.

– Откуда вы взяли этот номер?

– Повторный набор.

– Что?

– Я только что нашел сотовый в машине доктора Брэйса, он лежал под сиденьем, и нажал на повторный набор. – Шиэн помолчал. – Вы были последним человеком, которому он звонил.

Вики понадобилось полчаса, чтобы добраться до дома и остаться с Элен. Еще сорок минут Тоби пробивалась сквозь утренние бостонские пробки. Оказавшись на очередном допросе у детектива Шиэна, она чувствовала себя такой уставшей и раздраженной, что была готова вцепиться в

любого, кто ее заденет. Что ей действительно было нужно – так это вернуться домой и улечься спать.

Вместо этого она позвонила Вики и сказала, что ей нужно заехать еще в одно место.

– Мама неважно выглядит, – заметила Вики. – Что с ней?

– Вчера все было прекрасно, – сказала Тоби.

– Ее недавно вырвало. Я дала ей попить сока, и, мне кажется, ей стало получше. Но она хочет спать.

– Еще какие-нибудь жалобы есть?

– В основном на расстройство желудка. Я думаю, тебе стоит сводить ее к врачу.

– Я сама врач.

– Ну конечно, ты знаешь лучше, – огрызнулась Вики.

Тоби повесила трубку, разозлившись на сестру и смутно встревожившись сообщением о болезни Элен. «Какой-нибудь желудочно-кишечный вирус, – решила она. – Мама поправится через пару дней».

Тоби вышла из полицейского участка и направилась прямиком на Олбани-стрит, в дом номер 720. Управление судмедэкспертизы.

Дворак, похоже, сразу распознал ее мерзкое настроение. Он вежливо проводил ее в свой кабинет, налил чашку кофе и поставил перед Тоби, не спрашивая, хочет ли она его пить. Она хотела, кофеин был ей необходим.

Тоби сделала несколько быстрых глотков, а затем посмотрела в глаза Двораку.

– Я хочу знать, почему Шиэн вцепился в меня. Почему он меня преследует?

– Преследует?

– Я только что потратила на него целый час. Послушайте, я не знаю, почему Роби звонил мне. Вчера вечером меня не было дома. И отвечала ему сиделка моей матери. Я только что об этом узнала.

– А сиделка не знает, зачем звонил Брэйс?

– Она не поняла сообщения. Он сказал, что едет в больницу повидаться со мной, и что она может не беспокоиться и не говорить мне о звонке. Поверьте, Дэн, между нами ничего не было. Ни романа, ни секса, вообще ничего. Мы были едва знакомы.

– И при этом его смерть вас чрезвычайно огорчила.

– Огорчила? Роби истек кровью у меня на глазах, у меня все руки были в его крови. Я держала пальцами его сердце, заставляя его работать, пыталась сохранить ему жизнь. И вы хотите, черт побери, чтобы я не огорчалась? – Борясь со слезами, она набрала воздуха в легкие. – Но вам не понять. Вы же не с живыми людьми работаете, а с трупами.

Он промолчал. Это молчание, казалось, подчеркнуло муку, ярость ее последних слов.

Тоби опустилась в кресло и закрыла лицо руками.

– Вы правы, – тихо согласился он. – Мне не понять. Мне не приходится видеть, как умирают люди. Возможно, поэтому я и выбрал то, что выбрал. Чтобы не видеть.

Она подняла голову, но встречаться с ним взглядом ей не хотелось. Поэтому она уставилась на угол его стола.

– Думаю, вы еще не успели сделать вскрытие.

– Мы сделали его сегодня утром, ничего неожиданного не обнаружили.

Тоби кивнула, все еще не глядя на Дворака.

– А господин Парментер? Невропатолог подтвердил диагноз?

– Болезнь Крейцфельда-Якоба. – Дэниел произнес это бесстрастно, без всякого намека на личную катастрофу, причиной которой явился этот диагноз.

Тоби посмотрела на него, неожиданно задумавшись о собственной беде Дворака, о его страхах. Она заметила, что Дэниел в последнее время плохо спал, у него были запавшие, лихорадочно блестевшие глаза.

– Мне просто придется с этим жить, – проговорил он. – С возможностью заболеть. Не зная, проживу я два года или сорок. Я все время твержу себе, что в любой момент могу попасть под машину на улице. Такова жизнь. Просто нужно пережить еще один день со всеми его опасностями. – Он выпрямился, словно желая стряхнуть мрачное

настроение, а затем неожиданно улыбнулся: – На самом деле моя жизнь далеко не такая захватывающая.

– И все же я надеюсь, что она будет долгой.

Они оба встали и пожали друг другу руки. Жест чересчур формальный для друзей. Пока их отношения еще не переросли в дружбу, но Тоби казалось, что они двигаются в этом направлении. Ей хотелось, чтобы они туда двигались. Но теперь, глядя на Дворака, она испытывала смущение от своей внезапной симпатии к нему, от своей реакции на его теплое прикосновение.

– Позапрошлым вечером вы приглашали меня на стаканчик бренди.

– Да.

– Я не принял его, потому что все еще был в шоке из-за диагноза. Я бы испортил вечер нам обоим.

Тоби вспомнила, как в ту ночь она в одиночестве и смятении сидела на диване и в сопровождении мрачного Мендельсона листала медицинские журналы.

«Вряд ли тот вечер можно было испортить», – подумала она.

– Тем не менее, – сказал он, – я хотел бы ответить тем же. Уже почти полдень. Я провел здесь все утро и уже мечтаю выбраться из этого чертова здания. Если вы свободны… и если хотите…

– В смысле… Прямо сейчас?

Такого она не ожидала. Секунду Тоби смотрела на Дворака, думая о том, как ей хотелось, чтобы это произошло, и при этом опасаясь, что слишком многого ждет от этого приглашения.

Похоже, он воспринял ее заминку как нежелание.

– Извините, возможно, я должен был предупредить заранее. Может, в другой раз.

– Нет, в смысле, да. Сейчас вполне подходит, – поспешила согласиться она.

– Правда?

– При одном условии. Если вы не против.

Он склонил голову набок, не зная, чего ожидать.

– Давайте посидим в парке, – задумчиво предложила Тоби. – Я знаю, на улице холодновато, но я уже неделю не видела солнца. А мне так хотелось бы сейчас посидеть на солнышке.

– А вы знаете, мне тоже, – усмехнулся он. – Я только возьму пальто.

14

Укутавшись в шарфы, они сидели рядышком на садовой скамейке и ели дымящуюся пиццу прямо из картонной коробки. К обоюдному удивлению они, не сговариваясь, выбрали один и тот же сорт – цыпленок по-тайски под арахисовым соусом. «Великие умы мыслят одинаково», – смеялся Дворак, пока они под облетающими деревьями шли к скамейке возле пруда. Ветер был холодным, однако на ясном небе сияло солнце.

«Это совсем другой человек», – подумала Тоби, глядя в лицо Дворака. Его волосы растрепались, щеки раскраснелись от ветра. Стоило вытащить его из этого гнетущего здания, подальше от мертвецов, и он стал совершенно иным. Человеком со смеющимися глазами. Ей стало любопытно: а вдруг она тоже выглядит по-другому? Ветер раскидал ее волосы в разные стороны, она перепачкала руки пиццей, но в этот момент Тоби чувствовала, что уже давно не была такой привлекательной. Возможно, потому, что Дворак так смотрел на нее, – ничто не делает женщину красивее, чем улыбка желанного мужчины.

Она подняла голову, упиваясь яркостью дня.

– Я почти забыла, как приятно посидеть на солнышке.

– Неужели вы так давно его не видели?

– По-моему, несколько недель. Сначала лил дождь. А потом несколько солнечных деньков я просто проспала.

– А почему вы предпочитаете ночные смены?

Она доела последний кусочек пиццы и брезгливо обтерла испачканные соусом руки.

– На самом деле выбирать особо не приходилось. Когда я закончила интернатуру, в больницу Спрингер требовались только врачи на ночную смену. Поначалу все было неплохо. После полуночи в неотложке обычно затишье, и мне даже удавалось вздремнуть. Потом я ехала домой, снова спала, и у меня весь день оставался свободным. – Она покачала головой:

– Это было десять лет назад. Когда тебе чуть больше двадцати, можно довольствоваться и коротким сном.

– Средний возраст – это кошмар.

– Средний возраст? О чем вы, дружище?

Он засмеялся, прищурившись от солнца.

– Значит, прошло десять лет, вы уже дама в годах в свои – сколько? Тридцать с чем-то? И все еще гробите себя на этих дежурствах?

– Постепенно я втянулась, это даже приносило некоторое удобство. Работала с одними и теми же сестрами. С людьми, которым могла доверять. – Тоби вздохнула. – А потом у мамы обострилась болезнь Альцгеймера. И мне нужно было весь день находиться дома. Ухаживать за ней. А сейчас у меня есть ночная сиделка, а утром я возвращаюсь с работы и принимаю дежурство.

– Похоже, вы безрассудно тратите свою энергию.

Она пожала плечами.

– А что еще остается? На самом деле мне повезло. По крайней мере я могу позволить себе нанять помощника и продолжать работать, в отличие от многих других женщин. А моя мама – даже когда бывала особенно невыносимой – никогда не переставала быть… – Тоби задумалась, подыскивая наиболее точное слово. – Доброй. Она всегда, всегда была добрым человеком.

– Мне кажется, вы очень похожи на мать, – заметил он.

– В этом? Нет, к сожалению. – Тоби посмотрела на пруд, по воде плясала мелкая зыбь. – По-моему, я слишком нетерпелива. Слишком настойчива для доброго человека.

– Да, настойчивости у вас не отнять, доктор Харпер. Я понял это еще во время нашего первого разговора. По лицу можно прочесть все ваши эмоции.

– Жуть, правда?

– Возможно, так здоровее для психики. По крайней мере вы так разряжаетесь. Честно говоря, я бы не отказался от некоторой части вашей энергии.

– А я бы не отказалась от вашей сдержанности, – грустно призналась она.

Последний кусок пиццы был съеден. Они встали, сунули коробку в урну и пошли прогуляться. Дворак, похоже, не замечал холода; он двигался легко и даже с некоторой долговязой грацией; пальто было расстегнуто, а шарф развевался за плечом словно шлейф.

– Я в жизни еще не встречала ни одного патологоанатома, который не был бы сдержанным, – заметила Тоби. – Вы все, что ли, такие непроницаемые?

– В смысле, у всех ли такой коматозный характер?

– Ну, я встречала только тихонь. Но при этом очень осведомленных, как будто им известно все на свете.

– Известно.

Она посмотрела в его бесстрастное лицо и рассмеялась:

– Отлично сыграно, Дэн. Вы меня убедили.

– На самом деле этому нас учат на стажировке. Как делать умный вид. Те, кто не справляется, идут в хирурги.

Запрокинув голову, она захохотала еще громче.

– Хотя то, что вы сказали, правда, – признался Дэниел. – В патологоанатомы обычно идут тихони. Наша специализация привлекает тех, кто предпочитает работать в подвалах. Кому больше нравится смотреть в микроскоп, чем общаться с живыми людьми.

– Вам тоже это больше нравится?

– Я бы сказал, да. Я не слишком разбираюсь в людях. Что, возможно, объясняет мой развод.

С минуту они шли молча. Ветер нагнал облаков, и теперь солнечные пятна перемежались с тенями.

– Она тоже была врачом?

– Тоже патологом. Блестящим и тоже очень скрытным. Я даже не заметил, как что-то между нами разладилось. Пока она не ушла от меня. Думаю, это доказывает, что мы оба достаточно непроницаемы.

– Что не всегда полезно для брака, насколько я понимаю.

– Это верно. – Внезапно Дворак остановился и взглянул на свой ремень. – Кто-то меня вызывает, – сообщил он, хмуро глядя на индикатор пейджера.

– Там, дальше, есть таксофон.

Пока Дворак звонил, Тоби стояла возле будки, закрыв глаза и наслаждаясь солнцем, которое ненадолго пробилось сквозь череду облаков. Моментом радости лишь оттого, что жива. Она почти не различала слов Дворака. Только услышав «Казаркин Холм», она внезапно обернулась и посмотрела на него сквозь пластиковое окошко.

Дэниел повесил трубку и вышел.

– Что такое? – спросила она. – Это насчет Роби, да?

Он кивнул.

– Это детектив Шиэн. Он сейчас в клинике Виклин, беседует с персоналом. Они сказали, что доктор Брэйс заезжал вчера. Он заходил в справочную и в патологию, интересовался историей болезни одного из прежних обитателей Казаркина Холма. Человека по имени Стенли Маки.

Она покачала головой.

– Никогда о таком не слышала.

– Судя по данным Виклина, Маки умер в марте, разбив голову при падении. Что заинтересовало Шиэна, так это диагноз, поставленный при вскрытии. Болезнь, о которой он услышал только вчера вечером.

Солнце скрылось за тучей. Во внезапном сумраке лицо Дворака показалось серым. Отчужденным.

– Болезнь Крейцфельда-Якоба.

Из окна зала совещаний на двадцатом этаже Карл Валленберг видел затейливый свод Старого дома штата. А ниже – деревья на площади; их голые ветки тянулись к ослепительно-голубому небу. «Вот такой вид и предпочитают чинуши, – заметил он про себя. – Пока некоторые из нас занимаются настоящим делом в Ньютоне, окружая заботой клиентов Казаркина Холма, Кеннет Фоули и штат его бухгалтеров сидят в этом роскошном офисе в центре города и трясутся над денежками Казаркина Холма. И стремительно их приумножают. Облаченные в Армани клоны Фоули, подумал Валленберг, глядя на людей, которые сидели за столом.

Он смутно помнил их имена и звания. Человек в синем полосатом костюме был главным вице-президентом; заносчивая рыжая женщина – финансовым директором. За исключением Валленберга и Расса Хардвея, адвоката корпорации, это было сборище бумагомарателей.

Секретарша внесла кофе, изящно разлила его в чашки китайского фарфора и расставила их на столе вместе с сахарницей и молочником. Одноразовым пакетикам на этом совещании нет места. Секретарь помедлила, предусмотрительно ожидая следующих распоряжений Фоули. Их не последовало. Пятеро за столом дождались, пока секретарша удалится и закроет за собой дверь.

Тогда заговорил Кеннет Фоули, исполнительный директор Казаркина Холма:

– Сегодня утром мне снова звонила доктор Харпер. Она еще раз напомнила, что Казаркин Холм плохо выполняет свою работу. Что другие жители рискуют заболеть. Это может обернуться гораздо более серьезной проблемой, чем я думал. – Фоули оглядел сидящих, его взгляд остановился на Валленберге: – Карл, ты заверил меня, что вопрос закрыт.

– Он закрыт, – подтвердил Валленберг. – Я обсуждал это с доктором Двораком. И встречался с людьми из министерства здравоохранения. Мы пришли к единодушному мнению, что повода для беспокойства нет. Наш пищеблок находится в полном соответствии с существующими требованиями. Воду мы получаем из города. А что касается инъекции гормонов, о которой все так настойчиво твердят, – у нас есть документы, что все они из последних партий. Абсолютно безопасны. Доктор Дворак убежден: эти случаи – чистое совпадение. Статистический кластер – так это называется по-научному.

– Вы уверены, что министерство здравоохранения и судмедэкспертиза удовлетворены?

– Да. Они согласились, что не стоит придавать это огласке, раз нет причин для тревоги.

– И доктор Харпер об этом знает. Нам нужно понять, как отвечать на ее вопросы. Поскольку то, что известно ей, может скоро стать достоянием общественности.

– Были какие-то запросы из СМИ? – поинтересовался Хардвей.

– Пока нет. Но мы можем оказаться в центре нежелательного внимания. – Фоули снова взглянул на Валленберга: – Поэтому подтверди еще раз, Карл, что нам незачем беспокоиться об этой болезни.

– Вам незачем беспокоиться, – отозвался Валленберг. – Говорю же, эти два случая не связаны. А совпадения случаются.

– Если всплывут другие случаи, это не будет казаться совпадением, – возразил Хардвей. – Это обернется катастрофой, потому что будет выглядеть так, будто мы не озаботились решением этой проблемы.

– Вот почему звонок доктора Харпер меня встревожил, – подхватил Фоули. – По сути, она поставила нас в известность о своей информированности и о том, что следит за нами.

– Похоже на угрозу, – заметил Хардвей.

– Это и есть угроза, – сказала финансовый директор. – Сегодня утром наши акции поднялись на три пункта. Но что произойдет, если инвесторы узнают: наши пациенты умирают, а мы ничего не сделали, чтобы это предотвратить?

– Тут нечего предотвращать, – возразил Валленберг. – Это просто истерия, совершенно безосновательная.

– Слова доктора Харпер показались мне разумными, – сказал Фоули.

Валленберг фыркнул:

– В том-то и проблема. Ее слова звучат разумно, даже когда не соответствуют действительности.

– И все-таки чего она хочет? – осведомилась финансовый директор. – Денег, внимания? Должен быть какой-то мотив, на который мы могли бы опереться. Ты не заметил чего-нибудь такого, когда говорил с ней сегодня утром, Кен?

– Мне кажется, это все из-за доктора Брэйса, – задумчиво проговорил Фоули. – И неудачного времени его смерти.

При упоминании Роби Брэйса все затихли и потупились. Никому не хотелось говорить о покойнике.

– Они с Брэйсом были знакомы, – добавил Фоули.

– А может, очень хорошо знакомы, – добавил Валленберг с ноткой отвращения.

– Каковы бы ни были их отношения, – заметил Фоули, – смерть доктора Брэйса расстроила ее до такой степени, что у нее возникли вопросы. И кажется, она сама расследует его смерть. Доктор Харпер откуда-то узнала о диагнозе доктора Маки. И о том, что он жил в Казаркином Холме. Ни о том, ни о том публично не сообщалось.

– Я знаю, как она выяснила, – сказал Валленберг. – От медэксперта. Она обедала с доктором Двораком.

– Откуда вам известно?

– До меня кое-что доходит.

– Черт! – выругалась финансовый директор. Только ей, единственной женщине в мужской компании, позволялось произносить бранные слова. – Значит, у нее есть имена и факты, которые она может придать огласке. И это когда у нас три пункта роста.

Фоули наклонился вперед, пристально глядя на Валленберга.

– Карл, ты – главный врач. До сих пор мы доверяли твоим суждениям. Но если ты неправ, если обнаружится еще один пациент с этим заболеванием, рухнут все наши планы. Черт возьми, рухнет все, что мы уже имеем.

Валленбергу усилием воли удалось подавить раздражение. Он заговорил спокойно и невозмутимо:

– Я скажу в третий раз. Повторю еще десять раз, если придется. Это не эпидемия. Заболевание не проявится ни у кого из наших пациентов. А если проявится, я отдам все свои проклятые акции.

– Ты уверен до такой степени?

– Я уверен до такой степени.

Фоули с явным облегчением откинулся на спинку кресла.

– Тогда единственное, о чем мы должны беспокоиться, – заявила финансовый директор, – это длинный язык доктора Харпер. И к сожалению, она может доставить нам массу неприятностей, даже если ничего из заявленного ею не подтвердится.

Все умолкли, обдумывая сказанное.

– Я думаю, не стоит обращать на нее внимания, – предложил Валленберг. – Не отвечать на ее звонки. Ни в чем не признаваться. Постепенно она сама себе верить перестанет.

– А тем временем успеет навредить нам, – возразила финансовый директор. – А мы не можем как-нибудь… надавить на нее? Например, через работу. Я слышала, что руководство больницы Спрингер собиралось ее уволить.

– Они пытались, – подтвердил Валленберг. – Но главврач неотложки уперся, и они отступили. По крайней мере, на время.

– А как насчет вашего приятеля, хирурга? Мне казалось, он способствовал увольнению.

Валленберг покачал головой:

– Доктор Кэри такой же, как и все остальные хирурги. Чересчур самонадеян.

Финансовый директор нетерпеливо вздохнула.

– Хорошо, и как же нам приструнить ее?

Фоули посмотрел на Валленберга.

– Возможно, Карл прав, – проговорил он. – Не будем ничего предпринимать. Ей уже и без того приходится бороться за свое место, и мне кажется, она проигрывает эту битву. Мы позволим ей самой себя добить.

– Может, слегка помочь? – тихо предложила финансовый директор.

– Думаю, в этом нет необходимости, – возразил Валленберг. – Поверьте мне, Тоби Харпер сама себе худший враг.

Тоби сразу его заметила: он стоял по другую сторону свежевырытой могилы, слегка наклонив голову и не сводя глаз с гроба. С гроба Роби Брэйса. Даже без привычного белого одеяния доктор Валленберг являл собой истинное воплощение сострадательного и благочестивого врача. «Какие нечестивые мысли он скрывает?» – думала Тоби. На лицах небольшой группы врачей и администраторов Казаркина Холма застыло одно и то же выражение, словно все нацепили одинаковые скорбные маски. Кто из них действительно был другом Роби? По лицам судить было трудно.

Казалось, Валленберг почувствовал взгляд; он поднял голову и посмотрел на Тоби. Несколько мгновений они глядели друг на друга. Затем он отвел глаза.

Холодный ветер обрушился на собравшихся, швыряя в яму пригоршни мертвых листьев. Дочка Роби заныла на руках у матери, но не от горя – ее раздражение было вызвано слишком долгим пребыванием в обществе взрослых. Грета опустила ее на землю, и девчушка тут же принялась носиться, хихикать и лавировать среди ног старших.

Священник был не в силах тягаться со смеющимся ребенком. Он смиренно поспешил произнести заключительные слова и закрыл Библию. Когда соболезнующие начали поочередно подходить к вдове, Тоби потеряла Валленберга из вида. Только обойдя могилу, она снова заметила его – он направлялся к припаркованным автомобилям.

Тоби последовала за ним. Ей пришлось дважды окликнуть Валленберга, прежде чем тот остановился и обернулся.

– Я почти неделю пытаюсь вам дозвониться, – сказала она. – Но ваш секретарь меня не соединяет.

– У меня много дел.

– Мы можем поговорить сейчас?

– Это не самое подходящее время, доктор Харпер.

– А когда будет подходящее?

Вместо ответа он развернулся и двинулся прочь. Тоби пошла следом.

– В Казаркином Холме два документально подтвержденных случая Крейцфельда-Якоба, – проговорила она. – Ангус Парментер и Стенли Маки.

– Доктор Маки скончался от травмы.

– Но у него тоже была БКЯ. Возможно, именно поэтому он и выпрыгнул из окна.

– Вы говорите о неизлечимой болезни. Я что, должен чувствовать свою халатность?

– Два случая за год…

– Статистический кластер. Здесь живет много народу. А в Бостоне и окрестностях – еще больше. Такие вещи случаются в больших населенных пунктах. Эти два человека оказались рядом по чистой случайности.

– А что, если это более опасная разновидность приона? Возможно, уже сейчас в Казаркином Холме есть новые носители.

Валленберг обернулся к ней с таким зверским лицом, что она отпрянула.

– Послушайте меня, доктор Харпер. Люди покупают места в Казаркином Холме, поскольку хотят освободиться от тревог и страхов. Они всю жизнь вкалывали и заслужили роскошь. Они могут себе это позволить. И знают, что получат лучшее медицинское обслуживание в мире. Не нужны им все эти сумасбродные теории о еде, зараженной смертоносным, разрушающим мозг заболеванием.

– Только это вас и заботит? Чтобы пациенты были свободны от мирских забот?

– За это они и платят. Если пациенты перестанут нам доверять, они начнут собирать вещи и съезжать. И Казаркин Холм превратится в город-призрак.

– Я не собираюсь уничтожать Казаркин Холм. Я просто думаю, что стоит проверять ваших постояльцев на предмет выявления симптомов.

– Подумайте о панике, которую может вызвать такое обследование. Наша еда безопасна. Гормоны для инъекций поставляются надежными фармацевтическими компаниями. Даже министерство здравоохранения согласно, что для подобной проверки нет оснований. Поэтому перестаньте пугать наших пациентов, доктор Харпер. Иначе вам придется иметь дело с адвокатами.

Он развернулся и пошел дальше.

– А как насчет Роби Брэйса? – выпалила она.

– А в чем дело?

– Его убили сразу после того, как он узнал диагноз Маки. Меня это очень встревожило.

Ну вот, она сказала это. Открыто заявила о своих подозрениях. Тоби была уверена, что Валленберг станет защищаться.

Вместо этого он взглянул на нее со зловеще-невозмутимой усмешкой.

– Да, я слышал, что вы уговаривали полицию взглянуть на дело под таким углом. Но они отбросили эту теорию, поскольку не нашли ни малейшей связи между этими событиями. – Валленберг немного помолчал. – Кстати, они задавали немало вопросов о вас.

– Полиция? Что они спрашивали?

– Знал ли я о ваших отношениях с доктором Брэйсом. Знал ли, что он привозил вас в клинику поздно вечером. – Его усмешка напоминала теперь хищный оскал. – Любопытно, как вас, женщин, тянет на черных мужиков.

Тоби вздернула подбородок – она была не на шутку взбешена. И сделала шаг навстречу Валленбергу – ярость гнала ее вперед.

– Черт вас возьми, вы не имеете никакого права так говорить о нем!

– Все в порядке, Карл? – проговорил какой-то голос.

Тоби резко обернулась и увидела стоящего неподалеку мужчину, высокого и почти совсем лысого. Того самого элегантно одетого человека, который стоял во время траурной службы рядом с Валленбергом. Мужчина смотрел на нее с некоторой тревогой, и Тоби поняла, почему: ее лицо раскраснелось от злости, руки сжались в кулаки.

– Я невольно подслушал, – объяснил человек. – Позвать никого не надо, Карл?

– Да нет, все нормально, Гидеон. Просто доктор Харпер слегка… – Опять эта гадкая самодовольная ухмылка. – Слегка спятила из-за смерти Роби.

«Ах ты сволочь!» – подумала Тоби.

– У нас собрание через полчаса, – сообщил лысый.

– Я помню.

Валленберг посмотрел на Тоби; его глаза победно сверкали. Он переиграл ее, заставил выйти из себя, и человек по имени Гидеон был тому свидетелем. Это Валленберг вел игру, не она, и об этом свидетельствовала его усмешка.

Увидимся на собрании, – сказал лысый, еще раз озабоченно взглянул на Тоби и ушел.

– Мне кажется, говорить больше не о чем, – заявил Валленберг и снова двинулся дальше.

– Это пока еще никто не заболел БКЯ, – отозвалась она.

Он обернулся и окинул ее сочувственным взглядом.

– Доктор Харпер, можно дать вам совет?

– Какой?

– Живите своей жизнью.

«Я и живу, – думала Тоби, сердито глотая кофе в ординаторской. – Черт возьми, живу». Может, это и не та жизнь, о которой ей мечталось в юности, не та, которую она бы выбрала. Но мы не всегда вольны выбирать, иногда приходится считаться с обстоятельствами. У нас есть долг, обязательства.

Элен.

Тоби допила кофе и налила еще – черного и горячего. Это все равно что добавить еще кислоты в желудок, но сейчас ей необходим кофеин. Похороны Роби отняли большую часть дневного сна, она смогла урвать лишь несколько часов отдыха перед очередным дежурством. Было уже шесть утра, и она держалась почти на автомате, периодически разражаясь примитивными эмоциями. Гневом. Разочарованием. В данный момент она испытывала и то и другое, сознавая – когда дежурство закончится и спустя полтора часа она выйдет из больничных дверей, на смену одним заботам и тревогам придут другие.

«Живите своей жизнью», – посоветовал он. Той самой, которая у нее есть, той, что тяжким грузом легла на ее плечи.

Вчера вечером, переодеваясь перед сменой, она взглянула в зеркало и заметила, что некоторые ее волоски стали совсем белыми. Когда это произошло? Когда она миновала молодость и приблизилась к границе среднего возраста? И хотя никто не заметил бы этих волосков, она выдернула их, прекрасно понимая, что на их месте снова вырастут такие же белые. Меланоциты не восстанавливаются. Эликсира молодости не существует.

В 7.30 она наконец покинула отделение и остановилась на крыльце больницы, чтобы глотнуть утреннего воздуха. Воздуха, который не пахнул медицинским спиртом, дезинфектантами и остывшим кофе. День обещал быть чудесным. Туман уже поредел, открыв прогалины голубого неба. Уже от одной этой картины Тоби почувствовала себя лучше. Впереди четыре дня отдыха. А в следующем месяце вообще двухнедельный отпуск. Может, она оставит Элен на попечение Вики и

уедет, чтобы отдохнуть по-настоящему. Гостиница на побережье. Горячий песок и холодные напитки. Может, даже небольшой роман. Тоби уже очень давно не спала с мужчиной. Она надеялась, что это произойдет с Двораком. В последнее время она много думала о нем, да так, что невольно заливалась краской. Со дня их совместного обеда они дважды разговаривали по телефону, но несовпадение расписаний затрудняло встречу.

А в последнем их разговоре его голос звучал отчужденно. Скованно.

«Неужели я уже успела его испугать?»

Она заставила себя выкинуть Дворака из головы. Лучше думать о незнакомых мужчинах и тропических красотах.

Тоби пересекла парковку и села в машину. «Я позвоню сегодня Вики, – думала она по дороге. – Если сестра не сможет или не захочет присмотреть за мамой, я найму кого-нибудь на неделю». К черту издержки! Тоби уже несколько лет копила деньги на пенсию. Пора начать их тратить, получать удовольствие уже сейчас.

Она свернула на свою улицу и почувствовала, как затрепыхалось сердце.

Перед ее домом стояли полицейский автомобиль и «скорая». Не успела Тоби подъехать к зданию, как «скорая», сорвавшись с места, с воем и сверканием унеслась прочь. Тоби поставила машину и вбежала в дом.

Стоявший в гостиной полицейский в форме писал что-то в блокноте.

– Что случилось? – спросила Тоби.

Полицейский взглянул на нее.

– Ваше имя, мэм?

– Я здесь живу. А что вы здесь делаете? Где моя мама?

– Ее только что отправили в больницу Спрингер.

– Несчастный случай?

– Нет, – прозвучал голос Джейн.

Тоби обернулась и увидела стоявшую в дверях Джейн.

– Я не могла ее добудиться, – сообщила она. – Вот и вызвала «скорую».

– Не смогли добудиться? Она хоть как-нибудь реагировала?

– Судя по всему, она не могла шевелиться. И говорить.

Джейн с полицейским обменялись взглядами, значение которых Тоби не поняла. Только потом ей пришло в голову: «А откуда здесь полиция?»

Она только попусту теряла время. Тоби развернулась было, собираясь уйти, поехать в больницу вслед за «скорой», но вдруг ее окликнул полицейский:

– Мэм! Если вы немного подождете, с вами побеседуют.

Тоби не обратила внимания на его слова и вышла из дома.

По пути к больнице она успела напридумывать самое худшее. Сердечный приступ. Инсульт. Элен в коме на искусственном дыхании. В окошке регистратуры сидела медсестра из дневной смены.

– Доктор Харпер…

– Где моя мама? Ее привезли на «скорой».

– Она во втором кабинете. Ее сейчас стабилизируют. Подождите, не ходите туда…

Тоби проскочила мимо нее и распахнула дверь кабинета.

Лица Элен не было видно за спинами колдующего над ней медперсонала. Пол Хокинс только что закончил интубацию. Сестра подвешивала к капельнице новую порцию препарата, в руках у другой позвякивали пробирки с кровью.

– Что случилось? – спросила Тоби.

Пол поднял глаза.

– Тоби, подожди в коридоре, ладно?

– Что случилось, в конце концов?

– Остановка дыхания. Сильная брадикардия, но пульс есть…

– Инфаркт?

– На ЭКГ не видно. Ждем результатов анализа на сердечные энзимы.

– Господи, Боже мой... – Тоби протиснулась к матери и взяла ее за руку. – Мама, это я.

Элен глаз не открыла, но шевельнула рукой, словно пытаясь отдернуть ее.

– Мама, все будет хорошо. О тебе позаботятся.

Вторая рука Элен задергалась, забилась на матрасе. Сестра быстро поймала ее запястье и зафиксировала его. Вид этой хрупкой руки, содрогающейся в капкане плотной манжеты, был для Тоби невыносим.

– Неужели обязательно так затягивать? – рявкнула она. – У нее синяк уже...

– Иначе капельница выскочит.

– Но вы ей циркуляцию перекрыли!

– Тоби, – проговорил Пол. – Пожалуйста, подожди за дверью. Мы контролируем ситуацию.

– Мама не знает никого из вас...

– Ты не даешь нам работать. Тебе придется выйти.

Тоби отступила от каталки и заметила, что все смотрят на нее. Она понимала, что Пол прав, она путалась под ногами и мешала им. Когда ей самой приходилось иметь дело с тяжелым больным, она никогда не позволяла членам семьи присутствовать в кабинете. Так же поступал и Пол.

– Я подожду там, – тихо произнесла она и вышла.

В коридоре ее поджидал какой-то человек. Чуть за сорок, на лице ни тени улыбки. Стрижка как у монаха.

– Доктор Харпер?

– Да.

То, как мужчина подошел, как оценивающе посмотрел на нее, подсказало Тоби, что он из полиции. Человек подтвердил это, показав жетон.

– Детектив Альпрен. Можно задать несколько вопросов о вашей матери?

– Это я хочу задать вам несколько вопросов. Откуда взялась полиция у меня в доме? Кто вас туда звал?

– Госпожа Нолан.

– С чего вдруг ей вызывать полицию, если нужна неотложка?

Детектив Альпрен указал на пустой кабинет напротив.

– Пойдемте туда, – предложил он.

Тоби в недоумении последовала за ним. Альпрен закрыл дверь.

– Как давно больна ваша мать? – осведомился он.

– Вы имеете в виду Альцгеймер?

– Я имею в виду нынешнее заболевание. Из-за которого она попала сюда.

Тоби покачала головой.

– Я пока даже не знаю, что с ней…

– У нее были другие хронические заболевания, помимо Альцгеймера?

– А почему вы задаете мне такие вопросы?

– Насколько я понимаю, ваша мать была больна всю последнюю неделю. Постоянная сонливость. Тошнота.

– Она выглядела немного уставшей. Я полагала, что это вирус. Какое-то желудочно-кишечное расстройство…

– Вирус, доктор Харпер? А вот мисс Нолан думает иначе.

Тоби уставилась на него, не понимая, о чем он говорит.

– Что вам сказала Джейн? Вы говорили, она вам звонила…

– Да.

– Я бы хотела с ней поговорить. Где она?

Он пропустил ее вопрос мимо ушей.

– Госпожа Нолан упоминала некоторые травмы. Она сказала, что ваша мать жаловалась на ожоги рук.

– Они давным-давно зажили. Я рассказывала Джейн, как это произошло.

– А синяки на бедре? Они откуда взялись?

– Какие синяки? Я не знаю ни про какие синяки.

– По словам госпожи Нолан, она спрашивала вас об этом два дня назад. И вы не смогли объяснить.

– Что?

– Так вы можете объяснить происхождение этих синяков?

– Я хочу знать, какого дьявола она говорит подобные вещи, – возмутилась Тоби. – Где она?

Альпрен немного помолчал, разглядывая Тоби. Затем покачал головой.

– При данных обстоятельствах, доктор Харпер, – проговорил он, – госпоже Нолан не хотелось бы с вами общаться.

После компьютерной томографии Элен определили в отделение интенсивной терапии, а Тоби разрешили навестить ее. Первое, что она сделала, – откинула простыни и принялась искать синяки. Они действительно были – четыре пятнышка неправильной формы на внешней стороне левого бедра. Тоби недоверчиво смотрела на них, мысленно коря себя за слепоту. Когда и как они появились? Неужели Элен сама ударилась? Или это следы от чьей-то руки, неоднократно щипавшей тонкую кожу? Она набросила одеяло маме на ноги и некоторое время стояла, в немой ярости сжимая боковые поручни кровати, пытаясь не дать гневу затуманить рассудок. Но не могла отделаться от мысли: «Если это дело рук Джейн, я убью ее».

В окошко постучали, и вошла Вики. Ничего не говоря, она встала напротив Тоби.

– Она в коме, – пояснила Тоби. – Только что сделали томографию. Похоже, у нее обширное интрацеребральное кровоизлияние. Его невозможно дренировать. Нам остается лишь наблюдать. И ждать.

Вики продолжала молчать.

– Просто какое-то безумие с самого утра, – пожаловалась Тоби. – Эти синяки у мамы на ноге. Джейн заявляет полиции, что это моя работа. Дает им понять, что…

– Да, она мне сообщила.

Тоби недоуменно уставилась на сестру, поразившись ее холодному тону.

– Вики…

– На прошлой неделе я говорила тебе, что мама заболела. Я говорила, что ее тошнит. Но ты ничуть не обеспокоилась.

– Я думала, это вирус…

– Ты ведь так и не водила ее к врачу, правда? – Вики смотрела на Тоби так, словно разглядывала некое невиданное существо. – Я тебе не говорила, но Джейн звонила мне вчера. Она просила ничего тебе не говорить. Но она была встревожена.

– Что она сказала? Вики, что она сказала?

– Она сказала… – Вики судорожно вздохнула. – Она сказала, что обеспокоена происходящим. Когда она только устроилась на работу, она заметила синяки на маминых руках, словно ее грубо схватили и встряхнули. Эти синяки сошли, но на этой неделе появились новые, на бедре. Ты их видела?

– Ну, это ведь Джейн купает ее каждый день…

– Значит, ты их не видела? И даже не знала о них?

– Она меня о них не спрашивала!

– А об ожогах? Об ожогах у мамы на руках?

– Это же было давно! Мама схватила горячее блюдо, которое я вытащила из духовки.

– То есть ожог был?

– Это случайность! Брайан видел, как все это произошло.

– Хочешь сказать, это он виноват?

– Нет. Нет, я не хочу это сказать.

– Тогда кто виноват, Тоби?

Стоя над телом спящей матери, сестры испытующе глядели друг на друга.

– Я твоя сестра, – сказала Тоби. – Ты меня знаешь. Как ты можешь верить совершенно незнакомому человеку?

– Не знаю. – Вики нервно поправила волосы. – Я не знаю, чему верить. Просто хочу, чтобы ты мне рассказала, что на самом деле произошло. Я знаю, с мамой трудно иметь дело. Иногда она хуже ребенка, и нелегко…

– Что ты-то знаешь об этом? Ты никогда не предлагала помощи.

– У меня семья.

– Мама – это тоже твоя семья. Похоже, твой муж и детки не в состоянии это понять.

Вики вздернула подбородок.

– Ты снова запела старую песню о том, кто виноват. Кто больше страдает, кого нужно считать святой. Святая Тоби.

– Не смей!

– Так когда ты все-таки вышла из себя? Когда сломалась и начала ее бить?

Тоби отпрянула – она была настолько потрясена, что лишилась дара речи, настолько разозлилась, что даже не поверила своим ушам. Губы Вики дрожали, глаза наполнились слезами:

– О Боже, я не хотела…

Тоби развернулась и вышла из бокса. Она, не останавливаясь, выбралась из здания и села в машину.

Первый визит она решила нанести Джейн Нолан. Заглянув в записную книжку, лежавшую в сумочке, Тоби отыскала ее адрес. Бруклайн, к востоку от больницы Спрингер.

Проехав восемь километров, Тоби оказалась у нужного здания – двухквартирного дома под зеленой крышей, находившегося на голой, без единого деревца улице. На крыльце стояло несколько вазонов с засохшей, потрескавшейся землей и несколькими чахлыми стебельками. Плотно зашторенные окна не позволяли заглянуть внутрь.

Тоби позвонила в дверь. Никто не ответил. Она постучала, потом начала колотить в дверь. «Открой, черт возьми! Объясни, зачем ты со мной так поступаешь!»

– Джейн! – заорала она.

Из соседней двери опасливо показалась женская голова.

– Я ищу Джейн Нолан, – объяснила Тоби.

– Перестаньте долбить в дверь. Ее здесь нет.

– Когда она вернется?

– А вы кто?

– Я просто хочу понять, когда вернется Джейн.

– Откуда мне знать? Я уже давно ее не видела.

Дверь захлопнулась.

Тоби страшно хотелось запустить камень в окно Джейн. Последний раз треснув кулаком по двери, она вернулась в машину.

Тут-то она и осознала все по-настоящему. Кома Элен. Злобное отчуждение Вики. Она согнулась, пытаясь удержать себя в руках и не разрыдаться. Ненароком задетый автомобильный гудок заставил ее откинуться назад. Проходивший по улице почтальон остановился и недоуменно поглядел на нее.

Тоби тронулась с места. «Куда мне ехать? Куда?»

Она направилась к дому Брайана. Он поддержит ее. Брайан был у нее, когда Элен обожглась, он будет ее свидетелем, он единственный знает, как она была предана маме.

Однако Брайана дома не было, по словам его приятеля Ноэля, открывшего дверь, он будет на работе до половины пятого. Может, Тоби не откажется от кофе? Или выпить чего-нибудь? «Похоже, вам стоит присесть».

То есть он хотел сказать, что Тоби выглядит премерзко.

Она отказалась. За неимением других дел она поехала домой.

Полицейской машины уже не было. Трое соседей разговаривали, стоя на тротуаре перед ее домом. Увидев автомобиль Тоби, они обернулись и посмотрели на нее. Но когда она въехала на дорожку, ведущую к дому, они разошлись в разные стороны. Трусы. Почему бы просто не спросить, бьет ли она свою мать.

Тоби заскочила в дом и хлопнула дверью.

Тишина. Элен нет. Никто не бродит по саду, никто не смотрит мультфильмы.

Тоби села на диван и закрыла лицо руками.

15

– У меня будет девочка, – сказала Анни, нежно поглаживая одеяло на животе. – Я хочу, чтобы это была девочка. Понятия не имею, что делать с мальчиком. Не знаю, как его правильно воспитать. В наше время так трудно встретить мужчину, которого правильно воспитали.

Они лежали рядышком в темноте на кровати Анни. Комната освещалась лишь светом уличного фонаря. Время от времени к нему добавлялся движущийся косой свет фар проезжавших мимо автомобилей, и Молли удавалось мельком разглядеть лицо Анни, которая лежала на подушке, невозмутимо глядя в потолок. В постели рядом с Анни было тепло. Они сегодня постелили свежее белье; а до этого вместе сидели в прачечной самообслуживания, хихикая и листая старые журналы, пока все стиралось и сушилось. Теперь, когда Молли поворачивалась, она чувствовала запах стирального порошка. И запах Анни.

– Откуда ты знаешь, что будет девочка? – удивилась Молли.

– Ну, врач может сказать наверняка.

– Ты была у врача?

– Я не хотела возвращаться к тому. Мне там не понравилось.

– Так откуда тогда ты знаешь, что это девочка?

Анни снова принялась поглаживать живот.

– Просто знаю. Та медсестра, с которой я познакомилась, сказала: когда у матери такое чувство, по-настоящему сильное, она никогда не ошибается. Значит, это девочка.

– А я ничего про своего не чувствую.

– Может, для твоего еще слишком рано, Молли.

– Я вообще к нему ничего не чувствую. Знаешь, он пока, наверное, просто не кажется мне человеком. Как будто просто жир выпирает. Разве

я не должна чувствовать любовь или что-то в этом духе? Ну, то есть, разве так не полагается?

Молли повернулась и посмотрела в лицо Анни, чей профиль выделялся на фоне тусклого уличного света.

– Что-то все-таки ты должна к нему чувствовать, – мягко возразила Анни. – Иначе зачем ты его оставила?

– Не знаю.

Молли почувствовала, как под одеялом Анни взяла ее за руку. Они лежали, сплетя пальцы и синхронно дыша.

– Я не знаю, что я делаю и зачем, – проговорила Молли. – Я что-то совсем запуталась. А потом, когда Роми избил меня, я так на него обиделась, что не стала выполнять его приказ. Поэтому я туда и не пошла. – Она помедлила и снова посмотрела на Анни. – А как это делают?

– Что делают?

– Ну, избавляются от ребенка?

Анни пожала плечами.

– Я только один раз такое делала. В прошлом году, когда меня Роми туда послал. Там были эти люди, все в синем. Они со мной не разговаривали, просто велели залезть на стол и помалкивать. Затем дали что-то вдохнуть, а потом я только помню, что проснулась. Уже снова похудевшая. Пустая…

– Это была девочка?

Анни вздохнула.

– Не знаю. Меня посадили в машину и снова отправили к нему.

Анни отпустила руку Молли, и это отстранение было не просто физическим. Она отдалилась, спряталась в свою раковину, где было место лишь для нее и ребенка.

– Молли, – сказала Анни после долгой паузы. – Знаешь, ты не должна тут оставаться.

Слова, пусть даже прозвучавшие очень мягко, нанесли сокрушительный удар.

Молли повернулась на бок, лицом к Анни.

– Что я сделала не так? Скажи мне, что?

– Ничего. Просто так больше продолжаться не может.

– Почему нет? Я буду тебе помогать. Буду делать все…

– Молли, я говорила, что ты можешь остаться на несколько дней. Прошло больше двух недель. Милая, ты мне нравишься и все такое, но господин Лоренцо, он заходил ко мне сегодня. Выговаривал мне, что у меня кто-то живет. Сказал, что в нашем договоре это не предусматривалось. Поэтому я не могу позволить тебе остаться. Здесь слишком мало места для двоих. А когда у меня появится ребенок…

– Но ведь до этого еще не меньше месяца.

– Молли, – голос Анни прозвучал ровнее и тверже. – Тебе надо найти себе квартиру. Я не могу оставить тебя здесь.

Молли повернулась к Анни спиной. «Я думала, мы можем стать семьей. Ты и твой ребенок. Я и мой. И никаких мужиков, подонков этих».

– Молли! С тобой все в порядке?

– Все отлично.

– Ведь ты меня понимаешь?

Молли устало дернула плечом:

– Наверное.

– Это же не прямо сейчас. Поживи еще несколько дней, подумай, куда пойдешь. Может, попробуешь еще раз позвонить маме.

– Ага.

– Она должна принять тебя. Она же твоя мама.

Не дождавшись ответа, Анни обняла Молли за талию. Тепло женского тела, округлый живот, прижатый к ее спине, наполнили Молли такой страстью, что она не могла сопротивляться порыву. Повернувшись к Анни лицом, она обняла ее за талию и притянула к себе, ощущая, что их животы прижались друг к другу, словно созревающие плоды. И внезапно она испытала огромное желание находиться в чреве Анни и быть тем ребенком, который скоро окажется в ее объятиях.

– Позволь мне остаться, – прошептала она. – Прошу тебя, позволь.

Но Анни твердо отстранила ее руки.

– Нельзя. Прости меня, Молли, но это невозможно. – Она отвернулась и отодвинулась на край кровати. – А теперь – спокойной ночи.

Молли лежала, не шевелясь. «Что я такого сказала? Что я сделала не так? Ну, пожалуйста, я буду делать все, что захочешь! Просто скажи мне, что!»

Она знала, что Анни не спит; над ними висела напряженная темнота. Молли чувствовала, что Анни свернулась в такой же тугой калачик, как и она сама.

Но ни одна из них не заговорила.

Ее разбудил стон. Сначала Молли подумала, что это последние обрывки странного сна: младенец плывет по пруду, издавая странные звуки. Лягушачьи. Она открыла глаза: ночь, и она все еще в постели Анни. Из-под двери в ванную пробивается свет.

– Анни! – окликнула она, но ответа не услышала.

Она повернулась и закрыла глаза, стараясь выбросить из головы эту полоску света.

Глухой удар заставил ее окончательно проснуться. Она села на кровати и вгляделась в темноту.

– Анни!

Ответа снова не последовало. Молли вылезла из постели и постучала в дверь.

– Ты в порядке?

Она повернула ручку и толкнула дверь, но та не открывалась – что-то ей мешало. Молли нажала посильнее и почувствовала, что препятствие понемногу сдвигается. Наконец она сумела заглянуть в образовавшуюся щель и сначала не поняла, что видит.

По полу струился ручей крови.

– Анни! – закричала она.

Навалившись на дверь и толкая ее изо всех сил, Молли все-таки ухитрилась отодвинуть ее настолько, чтобы протиснуться в ванную. Анни лежала на полу, упершись плечом в дверь, ее дешевая ночная рубашка задралась выше пояса. Сиденье туалета было забрызгано кровью, вода в самом унитазе тоже была темно-красной. Теплая струйка неожиданно вырвалась из промежности Анни, брызнув на босые пальцы Молли.

Она в ужасе попятилась и наткнулась на раковину.

«Господи, господи, господи!»

Хотя Анни лежала неподвижно, ее живот шевелился, извивался; под голой кожей дергался тугой комок.

Снова хлестнула кровь, растекаясь по линолеуму. Тепло этой крови, окропившей замерзшие ноги Молли, вывело ее из транса. Она заставила себя шагнуть через алую лужу к свернувшемуся на полу телу Анни. Нужно было вытащить ее из-за двери. Она схватила подругу за руку и потянула, однако ноги скользили по крови. Анни вдруг издала высокий, тихий звук – не то вой, не то всхлип, похожий на шипение воздуха, сочащегося из надувного шарика. Молли потянула сильнее, ей удалось немного протащить Анни по линолеуму. Упершись ногами в косяк, она сумела приподнять тело. Анни выскользнула из ванной.

Теперь Молли схватила ее за обе руки и потащила через порог. Затем зажгла в комнате свет.

Анни еще дышала, но глаза ее закатились, а лицо побелело.

Молли выскочила из комнаты, помчалась вниз и забарабанила в дверь квартиры на первом этаже.

– Помогите! – закричала она. – Пожалуйста, помогите!

Никто не отвечал.

Она выбежала из дома, нашла таксофон и набрала 911.

– Оператор.

– Мне нужна «скорая»! Она истекает кровью…

– Ваше имя и адрес?

– Меня зовут Молли Пикер. Адрес не знаю. Думаю, это Чартер-стрит…

– С какой улицей пересекается?

– Я не вижу! Она сейчас умрет…

– Вы можете назвать ближайший номер дома?

Обернувшись, Молли обшарила глазами дом.

– Десять-семьдесят шесть! Я вижу номер десять-семьдесят шесть!

– Где жертва? В каком она состоянии?

– В квартире наверху… она кровью весь пол залила…

– Мэм, я сейчас вызову «скорую». Если вы подождете на линии…

«Да пошли вы на хер», – подумала Молли. Оставив трубку болтаться на проводе, она кинулась обратно в дом.

Анни по-прежнему лежала на полу в спальне. Ее широко открытые глаза казались стеклянными и смотрели в никуда.

– Пожалуйста, не теряй сознание. – Молли схватила подругу за руку, но та не реагировала на прикосновение. И была совершенно холодной. Молли пригляделась: дыхание – совсем слабое – еще было заметно. «Дыши. Пожалуйста, дыши!»

Затем она отвлеклась на другое движение. Живот Анни приподнялся, словно какое-то неизвестное существо пыталось прорваться наружу. Из промежности хлынула кровь.

И появилось что-то еще. Розовое. «Ребенок».

Молли присела и раздвинула бедра Анни. Кровь, смешанная с водами, сочилась вокруг торчащей руки. По крайней мере Молли сначала подумала, что это рука. Но потом заметила, что у этой «руки» нет пальцев и вообще – кисти; это был какой-то розовый блестящий плавник, медленно болтавшийся взад-вперед.

Последовала еще одна схватка, последний выплеск вод и крови, и вслед за плавником выскользнуло тело. Взвизгнув, Молли отскочила.

Это был не ребенок.

Но существо было живым и двигалось, корчась в агонии. Других конечностей не было, только два розовых обрубка, торчавших из комка мяса, соединенного с пуповиной. Молли заметила клочья жестких черных волос, торчавший зуб и единственный глаз – не мигающий и без

ресниц. Голубой. Размахивая плавниками, организм начал куда-то двигался, словно амеба в кровавом пруду.

Всхлипывая, Молли отползла на четвереньках как можно дальше, забилась в угол и, не веря своим глазам, наблюдала, как нечто борется за жизнь. Руки-весла задергались в хаотичных судорогах. Существо прекратило скользить и теперь тряслось мелкой дрожью. Потом наконец плавники замерли, и тело перестало трястись, но глаз был по-прежнему открыт и глядел на нее.

Еще один выплеск крови – вышла плацента.

Молли свернулась клубком, вжавшись лицом в колени.

Словно откуда-то издалека она услышала завывание. Вскоре в дверь забарабанили.

– Это «скорая»! Ау! Вы «скорую» вызывали?

– Помогите ей, – прошептала Молли и, всхлипнув, повторила громче: – Помогите ей!

Дверь открылась, и двое мужчин в униформе ворвались в квартиру. Они внимательно оглядели тело Анни, затем их взгляды переместились на кровавый след, который тянулся от ее бедер.

– Черт возьми, – проговорил один из них. – А это что за ерундовина?

Второй опустился на колени возле Анни.

– Она не дышит. Давай маску, подушку…

Послышалось шипение – один из санитаров принялся качать воздух в легкие Анни.

– Пульса нет. Не прощупывается.

– Ладно, поехали. Раз-два-три-четыре-пять, раз-два-три-четы-ре-пять…

Все происходящее казалось Молли ненастоящим – это было кино, телесериал. Какая-то актриса играет мертвую Анни. Ей в руку понарошку вонзают иголку. Кровь на полу – кетчуп. А это нечто – то, что лежит на полу неподалеку от нее…

– Пульса по-прежнему нет.

– ЭКГ – прямая линия.

– Зрачки?

– Не реагируют.

– Черт, не останавливайся.

Захрипела рация:

– Городская больница.

– Это девятнадцатый, – сообщил санитар «скорой помощи». – Белая женщина, лет двадцать с чем-то. Похоже, обильное вагинальное кровотечение, возможно, выкидыш. Кровь по виду свежая. Дыхания нет, пульса нет, зрачки фиксированы в средней позиции. Мы поставили капельницу, лактат Рингера. ЭКГ прямая. Мы сейчас проводим реанимацию, но пока без результата. Прекратить?

– Нет.

– Но ЭКГ…

– Стабилизируйте и везите.

Санитар выключил рацию и посмотрел на своего напарника.

– Что тут стабилизировать?

– Ставь трубку и вперед.

– А как начет… этого?

– Черт, я его трогать не собираюсь.

Молли по-прежнему смотрела телесериал с кетчупом вместо крови. Вот трубка вошла в горло актрисы, играющей Анни. Вот актер в роли санитара кладет ее на носилки с колесиками, продолжая ритмично надавливать на грудь.

Один из санитаров поглядел на Молли.

– Мы забираем ее в городскую больницу, – сообщил он. – Как зовут пациентку?

– Что?

– Звать ее как?

– Анни. Фамилию не знаю.

– Послушайте, не уходите из дома. Слышите? Вы должны оставаться здесь.

– Зачем?

– Полиция приедет поговорить с вами. Не уходите.

– Анни… А что будет с Анни?

– Позвоните в больницу и узнаете. Она будет там.

Молли слышала, как они тащили носилки вниз. Громыхнули колеса, переваливая через порог, потом коротко взвыла сирена, и «скорая» умчалась.

«Полиция приедет поговорить с вами».

До нее наконец дошел смысл этих слов. Ей не хотелось общаться с полицией. Они спросят ее имя и выяснят, что год назад ее арестовали за то, что приставала к полицейскому. Роми тогда вытащил ее из-под ареста и надавал оплеух за идиотское поведение.

«Полиция скажет, что все это моя вина. Так или иначе, они все свалят на меня».

Дрожа, она вскочила на ноги. Существо все еще лежало там, поблескивая, только голубой глаз стал сухим и тусклым. Молли обошла его, стараясь не наступать в кровь, и подошла к комоду. В верхнем ящике лежали деньги, деньги Анни, которые ей теперь уже не понадобятся. Это Молли поняла из слов санитаров. Анни мертва.

Она вытащила рулончик двадцатидолларовых банкнот. Затем быстро переоделась в вещи Анни – брючки-стретч с эластичной вставкой на животе и широкую футболку с надписью «О, крошка!». Затем надела черные кроссовки. Накинув громадный дождевик Анни, она запихнула наличные в ее сумочку и быстро вышла из квартиры.

Молли успела перейти на другую сторону улицы и уже оттуда увидела подъехавшую к дому полицейскую машину, на которой сверкал синий проблесковый маячок. В дом вошли два полицейских. Несколько секунд спустя их силуэты появились в окне.

Они разглядывали это существо. Пытались понять, что это такое.

Один из полицейских подошел к окну и выглянул на улицу.

Молли нырнула за угол и побежала. Она бежала, пока вконец не запыхалась и не сбилась с ног. Она заскочила в какую-то дверь и опустилась на ступени. Сердце готово было выпрыгнуть – Молли чувствовала, как оно трепыхается где-то в горле.

Небо начало светлеть.

Свернувшись клубком, она просидела на ступенях до утра, потом из двери выскочил какой-то дядька и прогнал ее. Пришлось уйти.

Через несколько домов она остановилась у таксофона, чтобы позвонить в больницу.

– Я хочу узнать о подруге, – сказала она. – Ее привезли на «скорой».

– Ее имя?

– Анни. Ее забрали из квартиры, сказали, что она не дышит…

– Простите, вы ее родственница?

– Нет, я просто… э-э-э…

Молли застыла, глядя на проезжавшую мимо патрульную машину. Ей показалось, что автомобиль слегка сбавил ход, поравнявшись с ней, но затем двинулся дальше по улице.

– Алло, мэм? Не могли бы вы представиться?

Молли повесила трубку. Полицейский автомобиль свернул за угол и скрылся из вида.

Она вышла из будки и быстро пошла прочь.

Детектив Рой Шиэн разместил свой широкий тыл на табурете рядом с банкеткой и спросил:

– Ладно, так что это за прион такой?

Дворак оторвался от микроскопа и посмотрел на полицейского.

– Что?

– Я только что говорил с вашей девушкой, Лизой.

«Ну, разумеется», – подумал доктор. Несмотря на совет Дворака, Шиэн захаживал в морг уже несколько дней подряд, но не для того чтобы посмотреть на мертвые тела, а для того чтобы полюбоваться живым.

– Кстати, толковая девушка, – продолжал Шиэн. – В общем, она сказала, что это называется болезнь Крейцфельда-Якоба, если я не ошибаюсь, и что ее вызывает некий прион.

– Все верно.

– Так как его можно подхватить? Он что, в воздухе летает?

Дворак поглядел на свой палец с недавней раной.

– Его нельзя подхватить, как обычную болезнь.

– Тоби Харпер утверждает, что возможна эпидемия.

Дворак покачал головой.

– Я говорил и с ЦКЗ [2] и с министерством здравоохранения. Они сказали, что причин для беспокойства нет. Проверка гормонального протокола Валленберга подтвердила его полную безопасность. А министерство не обнаружило никаких нарушений в Казаркином Холме.

– Так с чего доктор Харпер на них так взъелась?

Дворак помолчал, потом неохотно объяснил:

– У нее сейчас тяжелое время. Возможно, ей предстоит судебный процесс из-за пропавшего пациента. Вдобавок смерть доктора Брэйса потрясла ее. Когда в нашей жизни все начинает идти не так, люди волей-неволей ищут, кто – или что – тому виной. – Он взял другое стекло, положил его под микроскоп и добавил: – Мне кажется, что этот стресс у Тоби уже давно.

– Вы слышали, что произошло с ее матерью?

И опять Дворак ответил не сразу.

– Да, – тихо проговорил он. – Тоби мне вчера звонила.

– Неужели? Вы по-прежнему общаетесь?

– А почему нет? Ей сейчас нужна дружеская поддержка, Рой.

– Ей могут предъявить обвинение. Альпрен говорит, все это выглядит как насилие над пожилым человеком. Сиделка обвиняет доктора Харпер. Та, в свою очередь, винит сиделку.

Дворак снова склонился над микроскопом.

– У ее матери кровоизлияние в мозг. Это не обязательно следствие насилия. И это не значит, что одна из них решила пришить старушку.

– Но у нее на ногах синяки.

– Старики часто сами оказываются причиной таких травм. У них слабеет зрение. Они натыкаются на журнальные столики.

– Судя по всему, вы пытаетесь защитить ее, – буркнул Шиэн.

– Я просто трактую сомнительные обвинения в ее пользу.

– Но насчет этой так называемой эпидемии она все же неправа?

– Неправа. Этой болезнью нельзя заразиться, как гриппом. Она передается особыми способами, которых совсем немного.

– Например, во время употребления в пищу мяса бешеной коровы?

– В Соединенных Штатах нет коровьего бешенства.

– Но люди здесь все же заразились.

– Болезнь Крейцфельда-Якоба встречается у одного на миллион, и, судя по всему, не передается во время контакта.

Их внимание отвлек объект воздыханий Шиэна: Лиза вплыла в лабораторию, одарила их обоих улыбкой и наклонилась к маленькому холодильнику с образцами. Шиэн не мог отвести взгляд от столь роскошного вида сзади. Лишь когда она выпрямилась и вышла, он смог перевести дыхание.

– Настоящие? – промурлыкал он.

– Что именно?

– Волосы. Она натуральная блондинка?

– Честное слово, не в курсе, – отозвался Дворак и снова уставился в микроскоп.

– Есть только один способ проверить, – проговорил Шиэн.

– Спросить ее?

– Посмотреть на те, которые не видны, – пояснил Шиэн.

Дворак откинулся на спинку стула и потер переносицу.

– У вас ко мне еще вопросы есть, Рой?

– Ах, да. Я слышал про вирусы, слышал про бактерии. А что это за чертовы прионы?

Дворак неохотно выключил подсветку микроскопа.

– Прион, – начал он, – не является живым в нашем понимании этого слова. В отличие от вируса, у него нет ни ДНК, ни РНК. Другими словами, у него нет генетического материала… или того, что мы подразумеваем под этим термином. Это аномальный клеточный белок. Из-за него белки носителя тоже становятся аномальными.

– Но подхватить его как грипп нельзя.

– Нет. Он может быть занесен во время прямого контакта с тканями, например, при пересадке ткани головного или спинного мозга. Или при введении вытяжек из нейронной ткани, вроде гормона роста. К примеру, можно подцепить его через зараженные мозговые электроды.

– Но ведь англичане заразились через говядину.

– Да, заражение через инфицированную пищу тоже возможно. Так заражаются каннибалы.

Брови Шиэна поползли вверх.

– А вот это уже интересно. И что происходит с каннибалами?

– Рой, это не имеет никакого отношения к делу…

– Ну нет, мне интересно. Так что там с каннибалами?

Дворак вздохнул.

– В Новой Гвинее есть деревни, где поедание человечины – это часть священного ритуала. Обычно заболевают женщины и дети.

– Почему только они?

– Мужчины получают лучшие куски – с туловища. Мышцы. Женщины и дети вынуждены довольствоваться тем, на что больше никто не польстился. Мозгом.

Он ожидал увидеть отвращение на лице Шиэна, однако полицейский только придвинулся ближе. В каком-то смысле он и сам вел себя как каннибал – с удовольствием поглощал самые омерзительные части поступающей информации.

– Значит, просто нужно съесть человеческий мозг.

– Инфицированный мозг.

– А по виду его можно отличить?

– Нет, нужно исследование под микроскопом. Глупый это разговор.

– У нас большой город, док. Случаются и более жуткие вещи. Мы получаем сообщения о вампирах, оборотнях…

– Людях, которые считают себя оборотнями.

– Кто знает? В наши дни столько развелось всякой безумной культовой дряни.

– Я не думаю, что в Казаркином Холме существует секта каннибалов.

Шиэн взглянул на свой оживший пейджер.

– Извините, – проговорил он и вышел позвонить. «Наконец-то я смогу закончить работу», – подумал Дворак. Однако вскоре Шиэн вернулся.

– Я направляюсь в Норт-энд. Думаю, вам стоит поехать со мной и посмотреть на это.

– Что там? Убийство?

– Они не уверены. – Шиэн замялся. – Не совсем уверены, что это человек.

16

Запах крови, неотвязный и металлический, проникал даже в коридор. Дворак кивнул патрульному, пригнувшись, подлез под ограждающую ленту и вошел в квартиру. Шиэн и его напарник Джек Мур уже находились там, как и бригада криминалистов. Мур, обнаружив что-то в

углу, присел на корточки. Дворак не пошел к нему; он остановился в дверях, внимательно оглядывая пол.

Там лежал линолеум с беспорядочными бело-желтыми квадратами; возле кровати валялся жалкий половичок. Кровь на полу возле ванной до сих пор не высохла – ее было слишком много. Там же виднелись смазанные следы, словно по полу что-то волокли, а также беспорядочный коллаж из кровавых отпечатков обуви. Он также увидел следы босых ног, явно маленьких; они вели к комоду, а затем обрывались.

Дворак оглядел стены, но брызг артериальной крови не заметил. Брызг вообще почти не было, только вот это застывающее озерцо. Тот, кто истекал кровью в этой комнате, тихо лежал на полу, а не метался в безумной панике.

– Док, – обратился к нему Мур. – Пойдите взгляните.

– Вы следы уже отсняли?

– Да, это санитары из «скорой» натоптали. Все отснято – и на фото, и на видео. Можно вот здесь обойти. Посмотрите на эти следы.

Дворак аккуратно обогнул отпечатки босых ног и подошел к сидевшим на корточках Шиэну и Муру.

– Что вы скажете? – спросил Мур, отодвигаясь, чтобы Дворак увидел объект на полу.

– О Боже!

– Вот и мы о том же. Так что это?

Дворак затруднялся ответить. Он медленно нагнулся, чтобы разглядеть поближе.

На первый взгляд похоже на маску, оставшуюся от Хэллоуина, – одноглазый монстр телесного цвета, воссозданный из резины и страшных снов. Затем Дворак увидел на его поверхности следы крови и фрагменты плаценты, соединенной с пуповиной. Существо состояло не из резины, а из плоти.

Натянув перчатки, он осторожно потрогал Нечто. Похоже на настоящую кожу – холодная, но мягкая. Единственный глаз был светло-голубым, с недоразвитым лоскутом кожи, вероятно, веком, но без ресниц. Под ним находились две дырочки типа ноздрей и открытая щель. Рот? На этом комке Дворак с трудом различал привычные детали анатомии. Клочья

волос торчали под самыми непостижимыми углами. И – мама дорогая! – это что, зуб рядом с плавником?

Он вспомнил, как однажды удалял опухоль из брюшной полости женщины. Тератома. Образовалась в результате того, что одна бешеная яйцеклетка превратилась в раковую опухоль, состоящую из бурно видоизменяющихся клеток. У этого новообразования были зубы и клочья волос, торчавшие из кожистого кома.

Он вдруг заметил другие следы крови на полу – неправильной формы. Смазанное пятно, ведущее от большей лужи, и прямой след от пуповины. Осознание того, что он видит, заставило его в ужасе отдернуть руку.

– Черт, – ругнулся он. – Оно двигалось.

– Я этого не видел, – сказал Мур.

– Не сейчас. Раньше. Оно оставило этот след. – Дворак указал на неровную кровавую полосу.

– Вы хотите сказать… оно живое?

– Похоже, это не просто хаотичный набор клеток. У него есть недоразвитые конечности. Оно двигается, а значит – имеет какой-то скелет и связанные с ним мышцы.

– И глаз, – буркнул Шиэн. – Циклоп хренов. На меня смотрит.

Дворак взглянул на Мура.

– Так что тут такое? Вы-то как тут оказались?

– Со «скорой» сообщили. Их сюда вызвали примерно в пять утра, какая-то дамочка позвонила. Они обнаружили на полу истекающую кровью женщину. Там, в ванной, крови больше, в сливе унитаза вообще все красное.

– Какого рода кровотечение?

– Похоже, вагинальное. Они не знают, что это – преждевременные роды или выкидыш. – Мур посмотрел на лежавшее на полу существо с плавниками. – Полагаете, это можно назвать ребенком? Или хотя бы его частью?

– Думаю, это множественный врожденный порок развития. Но я никогда ничего подобного не видел.

– Да, и я надеюсь, что больше не увижу. Представляешь, увидеть такое в роддоме? Или принимать его! Меня бы точно удар хренакнул.

– Что случилось с жертвой?

– Скончалась по пути в городскую больницу, соответственно тело направлено в судмедэкспертизу. Мы полагаем, ее зовут Анни Парини – по крайней мере под этим именем ее знали соседи.

– А вторая женщина? Та, что звонила?

– Смылась еще до приезда патруля. Со «скорой» сказали, на вид очень молоденькая, совсем подросток. Имя, которое она назвала оператору, – Молли Пикер.

Дворак прошел к ванной и заглянул в дверь. Там было еще больше крови, разбрызганной вокруг туалета и на плитках. И лужа на полу.

– Мне нужно поговорить с этой девушкой.

– Вы полагаете, она имеет отношение к смерти?

– Я просто хочу знать, что она видела. Что ей известно о жертве. – Он повернулся и хмуро взглянул на Нечто. – Если Анни Парини принимала какой-то наркотик – и он стал причиной этого – значит, мы имеем дело с новым и чрезвычайно опасным тератогеном.

– А такое могло случиться от наркотика?

– Я никогда не встречал такого серьезного порока развития. Пошлю его на генетический анализ. А пока я очень хочу поговорить с Молли Пикер. Если ее действительно так зовут.

– Мы сняли отпечатки. Она оставила их повсюду. – Мур указал на кровавые следы на дверном косяке; множество отпечатков виднелось на стене рядом с Существом. – Мы получим подтверждение имени.

– Найдите мне ее. Только не пугайте, я просто хочу с ней поговорить.

– А как насчет Анни Парини? – осведомился Шиэн. – Вскрытие будет?

Дворак посмотрел на залитый кровью пол. И кивнул:

– Встретимся в морге.

Тело на секционном столе представляло собой не более чем оболочку, освобожденную от всех органов. Пока шло вскрытие, детективы Шиэн и

Мур помалкивали. Судя по их бледности, оба предпочли бы находиться где-нибудь в другом месте. Особенно огорчали пол и возраст жертвы. Столь юной женщине не место на секционном столе.

Дворак тоже почти не разговаривал с ними, сберегая комментарии для диктофона. Сердце и легкие без изменений. Желудок пуст. Печень и поджелудочная нормального размера, без видимых изменений. В общем и целом – здоровое молодое тело.

Он переключил внимание на увеличенную матку, которая была целиком извлечена из тела и теперь лежала на столе под яркой лампой. Он сделал разрез, пройдя слои миометрия и эндометрия, и раскрыл полость.

– Вот и ответ.

Оба полицейских неохотно приблизились.

– Аборт? – спросил Мур.

– Судя по тому, что я вижу, нет. Перфорации матки нет. Никаких свидетельств инструментального вмешательства. В старые времена, до процесса Роу против Уэйда [3], при подпольных абортах обычно вводили специальные расширяющие катетеры через шейку матки, а затем вставляли тампон или прокладку, чтобы удержать катетер на месте. Но здесь нет ничего похожего.

– А она не могла потерять его? Спустить в унитаз?

– Возможно. Однако, думаю, дело здесь в другом. – Дворак коснулся зондом бесформенной окровавленной плоти. – Вот фрагмент плаценты, не полностью отделившейся от матки. Это называется приращением плаценты. Оно могло вызвать кровотечение.

– Это что, нечто необычное?

– Здесь далеко не все необычное. Ситуация особенно опасна в том случае, если плацента вросла в нижнюю часть матки. Это может привести к преждевременным родам и обширному кровотечению.

– Значит, смерть произошла по естественной причине.

– Я бы сказал, да. – Дворак выпрямился. – Возможно, она почувствовала боль и пошла в туалет, думая, что ей пора опорожнить кишечник. Потеряла много крови, у нее закружилась голова, и она упала на пол. И только Богу известно, сколько там пролежала, ведь это не сразу заметили.

– Что ж, нам проще, – с облегчением заявил Шиэн, отойдя от стола. – Во всяком случае это не убийство.

– Я все-таки хочу поговорить с другой женщиной, которая находилась в квартире. Такого порока развития плода мне раньше видеть не случалось. Не хотелось бы думать, что в городе появился какой-то новый тератогенный наркотик.

– Пришел ответ по Молли Пикер, – сообщил Шиэн. – В прошлом году была арестована за приставание на улице. Ее вытащил парень; мы полагаем, ее сутенер. Мы с ним поговорим, возможно, он знает, как ее найти.

– Только не пугайте ее, ладно? Мне просто нужно, чтобы она рассказала о жертве.

– Если ее слегка не припугнуть, она может вообще ничего не сказать.

У Роми был дерьмовый день, постепенно превратившийся в дерьмовый вечер. Он вышагивал взад-вперед на углу Монтгомери и Кантон-стрит, пытаясь не замерзнуть. Надо было взять куртку, думал он; правда, когда Роми выходил из дома, солнце еще светило, вдобавок он не рассчитывал на столь резкий ветер. Не рассчитывал он и на то, что придется ждать так долго.

Долбаная история! Если им хочется поговорить, могли бы приехать на его территорию.

Он отошел от места встречи, двинулся вперед, ссутулившись и засунув руки в карманы, чтобы не мерзли. Не успел он пройти и ста метров, как вдруг рядом с ним притормозил автомобиль.

– Господин Белл! – окликнул его мужской голос из щели чуть приоткрытого затемненного окна.

– Вы что-то припозднились, – сердито глянув на машину, буркнул Роми.

– Я бы приехал раньше, если бы не пробки.

– Да, конечно. Ну и валите на хрен! – Роми отвернулся и пошел дальше.

– Господин Белл, нам надо кое-что обсудить.

– Мне нечего сказать.

– В ваших интересах сесть в машину. Если вы хотите и дальше вести с нами дела. – Последовала пауза. – И если хотите получить деньги.

Роми остановился и оглядел улицу. Ветер хлестал его по лицу, леденящий холод пробирался под рубашку.

– Здесь тепло, господин Белл. А потом я вас подвезу домой.

– Какого хрена, – пробормотал Роми, садясь наконец в машину.

Пока он располагался, его внимание больше привлекал роскошный салон, чем человек за рулем. Как обычно, там сидел парень с белыми волосами, который никогда не смотрел на Роми.

– Вы должны отыскать ту девушку.

Роми раздраженно хмыкнул.

– Ничего я не должен, пока вы мне не заплатите.

– Ее следовало доставить к нам две недели назад.

– Ну да, она не самая сговорчивая сучка, неужели непонятно? Я подгоню вам других.

– Анни Парини нашли сегодня мертвой. Вам это известно?

Роми с изумлением уставился на водителя.

– И кто ее?

– Никто. Это была естественная смерть. Тем не менее тело попало в руки полиции.

– И что?

– А то, что они уже наложили руку на один экземпляр. Мы не можем позволить им найти другой. Девушку надо привезти к нам.

– Я не знаю, где она. Сам ищу.

– Вы знаете ее лучше, чем кто-либо другой. У вас есть связи на улицах, верно? Найдите ее, прежде чем она начнет рожать.

– Ей пока рано.

– Полный срок беременности не планировался. Мы даже не знаем, продлится ли она все девять месяцев.

– Хотите сказать, она может разродиться в любой момент?

– Мы не знаем.

Роми рассмеялся и взглянул в окно на проплывавшие мимо здания.

– С вами, ребята, чокнешься. Припозднились вы, вот что я скажу. Они уже шныряют везде, спрашивают о ней.

– Кто?

– Полиция. Заходили ко мне сегодня, хотели выяснить, где она.

Блондин с минуту молчал. В зеркале заднего вида Роми заметил страх, промелькнувший в его глазах. «Молли-Дуролли, – подумал он, – а ведь ты их здорово напутала».

– Лучше вам найти ее, – проговорил водитель.

– Хотите ее целиком? Или лимонными дольками?

– Главное – живьем. Она нужна нам живая.

– Живую труднее.

– Десять. После получения.

– Двадцать пять, половину сейчас, или идите на хер. – Роми потянулся к ручке двери.

– Хорошо, двадцать пять.

Роми развеселился. Эти люди и впрямь до жути напуганы, и все из-за дурочки Молли. Она не стоила двадцати пяти кусков. По скромному мнению Роми, она не стоила и двадцати пяти центов.

– Так вы можете ее доставить?

– Возможно.

– Если не сможете, несколько наших инвесторов будут крайне огорчены. Так что найдите ее. – Блондин передал Роми конверт. – Будет больше.

Заглянув внутрь, Роми увидел несколько пятидесятидолларовых купюр. Это уже что-то.

Машина остановилась на углу Аптон и Тремонт-стрит – во владениях Роми. Ему совсем не улыбалось покидать уютный кожаный салон и вылезать на пронизывающий ветер. Он потряс конвертом.

– Как насчет остального?

– После получения. Вы ведь найдете ее?

«Заговаривай ему зубы, – подбадривал себя Роми. – Пусть задача кажется сложнее, чем она есть на самом деле. Может, и цена подрастет».

– Посмотрим, что можно сделать, – пообещал он, вылез из салона и проводил взглядом отъезжающий автомобиль. «Испугался. Как пить дать, испугался».

Конверт был толстым и приятным на ощупь. Роми запихнул его в карман джинсов.

«Прячься, Молли-Дуролли, – думал он. – Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать».

Брайан провел ее внутрь и предложил бокал вина. Тоби впервые оказалась у него дома. Она волновалась – не из-за нетрадиционного состава семьи Брайана, объединявшей двух мужчин, которым хорошо жилось вместе. Скорее потому, подумала она, садясь на диван в гостиной, что ей никогда не приходилось общаться с Брайаном как с другом. Он заботился о маме, кормил и купал ее. В ответ каждые две недели Тоби выписывала ему чек. Дружба не входила в должностные обязанности.

«И почему так? – спросила она себя, глядя, как Брайан стелит салфетку на журнальный столик и ставит перед ней бокал белого вина. – Почему вручение чека раз в две недели помешало дружеским отношениям?»

Она сидела, потягивая вино и чувствуя себя виноватой из-за того, что никогда не пыталась сблизиться. Неловко было и оттого, что только сейчас, когда Брайан действительно был ей нужен, она догадалась к нему прийти.

Он сел напротив. Шли минуты. Они пили вино, комкая влажные салфетки. Абажуры отбрасывали полукруглые тени на сводчатый потолок. На стене напротив Тоби висела фотография: Брайан и Ноэль стоят на песчаной косе, обняв друг друга за плечи. У них улыбки людей, умеющих радоваться жизни. Навык, так и не освоенный Тоби.

– Думаю, вы в курсе, – заговорил Брайан. – Полиция Ньютона уже беседовала со мной.

– Я назвала им твое имя. Думала, ты мог бы меня поддержать. Похоже, они считают меня исчадием ада. – Тоби опустила бокал и взглянула на Брайана. – Ты же знаешь, я бы никогда не ударила маму.

– Я им так и сказал.

– Как ты думаешь, они поверили?

– Не знаю.

– О чем они спрашивали?

Брайан неторопливо глотнул, и Тоби поняла, что он тянет с ответом.

– Они спрашивали насчет лекарств, – наконец сказал он. – Хотели знать, выписывались ли Элен какие-нибудь препараты. А еще насчет ожогов у нее на руках.

– Ты объяснил им, что произошло?

– Повторил несколько раз. Кажется, им не очень понравился мой ответ. Что происходит, Тоби?

Она откинулась на спинку дивана и пригладила волосы обеими руками.

– Это Джейн Нолан. Я не понимаю, зачем она это делает...

– Что делает?

– Я могу объяснить это только так. Джейн появляется в моем доме, как дар небес. Такая добрая, такая сообразительная. Само совершенство. Избавляет меня от всех хлопот. А потом все летит кувырком. Все. И Джейн заявляет полиции, что это моя вина. Такое впечатление, что она специально разрушила мою жизнь.

– Тоби, это звучит очень странно...

– Люди вообще странные. Они совершают безумные поступки, чтобы привлечь внимание. Я пытаюсь убедить полицию, что к ней надо присмотреться повнимательнее. И вообще стоит арестовать. Но они ничего не предпринимают.

– Я не думаю, что нападки на Джейн Нолан в ваших интересах.

– Это она нападает на меня. Она обвиняет меня в попытке покалечить маму. Зачем было звать полицию? Почему просто меня саму не спросить про ожоги? И зачем втягивать сюда Вики? Она же настроила против меня мою собственную сестру!

– По какой причине?

– Понятия не имею! Она сумасшедшая.

По тому, как Брайан отвел глаза, Тоби поняла, что она сама выглядит спятившей, и ей самой требуется психиатрическая помощь.

– Я снова и снова прокручиваю все это в голове, пытаясь понять, как такое случилось, – проговорила она. – Как я могла позволить такому случиться. Я недостаточно внимательно к ней присматривалась, а надо было.

– Не взваливайте всю вину на себя, Тоби. Разве не Вики помогла вам сделать выбор?

– Да, но она несколько поверхностно относится к этим вопросам. Об этом действительно должна была позаботиться я. Но после твоего ухода я была в панике. Ты дал мне так мало времени на поиски…

Она умолкла, внезапно ей пришло в голову: «Вот почему Джейн появилась в моей жизни. Потому что ушел Брайан».

– Я бы дал больше времени, – сказал он. – Но меня просили приступить к работе немедленно.

– Брайан, а почему выбрали именно тебя?

– Что?

– Ты говорил, что не искал работу. Затем тебе вдруг делают предложение. Как это произошло?

– Мне позвонили.

– Кто?

– Из дома престарелых «Две сосны». Им нужен был человек на арт-терапию. Они знали, что я работаю с пожилыми людьми. Знали, что я художник. Что я писал картины на продажу для трех галерей.

– Откуда они узнали?

Брайан пожал плечами:

– Не знаю, наверное, кто-то вывел их на меня.

«И увел у меня, – подумала Тоби. – Заставил меня судорожно искать замену».

Когда Тоби вышла из дома Брайана, у нее появилось еще больше вопросов, чем было до этого.

От него она поехала в больницу Спрингер проведать маму.

Было десять вечера, и приемные часы уже закончились, но никто не остановил ее по пути в бокс. Лампы горели неярко, и Элен лежала в полумраке. Тоби подсела к постели, слушая шум аппарата искусственного дыхания. На осциллоскопе над кроватью зеленым неоном светилась линия сердечного ритма. В ногах кровати висела дощечка с зажимом для бумаг, куда медсестра вносила данные. Тоби дотянулась до нее и включила ночник, чтобы прочитать последние записи.

«15.45: Кожа теплая, сухая; реакция на болевые раздражители отсутствует.

17.15: Визит дочери Вики.

19.03: Основные показатели стабильны; реакция отсутствует».

Тоби перевернула страницу и прочла самую свежую запись:

«20:30: лаборантка взяла кровь для анализа на содержание 7-дигидроксиварфарина».

Тоби выскочила из бокса и подошла к посту.

– Кто велел сделать этот анализ? – спросила она, показывая запись дежурному администратору. – На гидроксиварфарин?

– Вы говорите о госпоже Харпер?

– Да, о моей матери.

Администратор вытащила из стойки медицинскую карту Элен и пролистала страницы.

– Доктор Стейнглас.

Тоби сняла трубку и набрала номер. Раздалось два гудка; не успел доктор Стейнглас ответить, как Тоби набросилась на него:

– Боб, зачем вы назначили моей маме анализ на варфарин? У вас есть причины полагать, что ей давали кумадин? Или крысиный яд?

– Это… все из-за синяков. И кровоизлияния в мозг. Я вам говорил, у нее чрезвычайно затянуто протромбиновое время…

– Вчера вы сказали, что это может быть из-за воспалительного процесса в печени.

– Нет, ПТ слишком велико. Гепатит не дал бы такого.

– Но зачем варфарин? Она не принимала его.

Последовало продолжительное молчание.

– Меня попросили сделать этот анализ, – наконец признался Стейнглас.

– Кто?

– Полиция. Они велели мне позвонить медэксперту, посоветоваться. Он предложил сделать анализ на варфарин.

– С кем вы говорили? Как зовут этого врача?

– Доктор Дворак.

Еще не до конца проснувшись, Дворак пытался в темноте на ощупь найти телефон. После четвертого звонка ему это все-таки удалось.

– Алло!

– Зачем, Дэн? Зачем вы это делаете?

– Тоби?

– Я думала, мы друзья. Теперь я вижу, что вы по другую сторону баррикад. Не понимаю, как я могла в вас ошибиться.

– Послушайте меня, Тоби…

– Нет, это вы меня послушайте! – Ее голос дрогнул. Вырвавшийся всхлип тут же был жестоко подавлен. – Я не причиняла вреда своей маме. Я не травила ее. И если кто ее бил, это была Джейн Нолан.

– Никто не говорит, что вы поступали неправильно. Я этого не говорил.

– Тогда почему вы не сказали мне, что проверяете ее кровь на варфарин? Почему это делается за моей спиной? Если вы считаете, что она отравлена, вы должны были обратиться в первую очередь ко мне. Сказать об этом мне. А не проводить анализы тайком.

– Я пытался до вас дозвониться, чтобы объяснить, но вас не было дома.

– Я была в больнице. Где же еще?

– Ладно, наверное, мне следовало позвонить в Спрингер. Извините.

– Одним извинением тут не отделаешься. Во всяком случае, когда вы действуете за моей спиной.

– Да не так все было! Мне позвонил детектив Альпрен. Он сказал, что показатель свертываемости крови у вашей мамы аномальный. Спросил, отчего такое бывает и могу ли я поговорить об этом с врачом. Анализ на варфарин – всего лишь следующий логически оправданный шаг.

– Логически! – Она горько рассмеялась. – Да, это очень в вашем духе.

– Тоби, существует еще пяток причин ненормальной свертываемости крови. Анализ на варфарин – стандартная часть обследования в такой ситуации. Полиция спросила моего совета, я его дал. Это моя работа.

Некоторое время она молчала и, судя по прерывистому дыханию, старалась не расплакаться.

– Тоби!

– Я полагаю, свидетельствовать против меня в суде – тоже часть вашей работы.

– До этого не дойдет.

– А если дойдет?

– Господи, Тоби. – Он раздраженно вздохнул. – Я не намерен отвечать на этот вопрос.

– Не беспокойтесь. Вы уже ответили, – проговорила она, вешая трубку.

Глаза у детектива Альпрена были как у мартышки – живые, пытливые, они быстро подмечали мелкие детали. Он и сам, казалось, не мог оставаться на месте дольше минуты, ходил взад-вперед по лаборатории, а если не ходил, то переступал с ноги на ногу. Мертвое тело на столе совсем его не интересовало; он пришел повидаться с Двораком и сейчас нетерпеливо дожидался окончания вскрытия.

Наконец Дворак выключил диктофон, и Альпрен спросил:

– Теперь мы можем поговорить?

– Валяйте, – разрешил Дворак, не поднимая глаз и продолжая разглядывать труп.

На столе лежало тело молодого мужчины, его туловище было вскрыто от шеи до лобка и опустошено. «Внутри мы все одинаковы, – думал доктор, глядя на выпотрошенное тело. – Одинаковые наборы органов, упакованные в кожную оболочку разных оттенков». Взяв иголку и хирургическую нить, Дворак стал зашивать полость крупными стежками. Изящество тут не обязательно, это просто для порядка – подготовка тела к перевозке в морг. Этой работой обычно занимается Лиза.

Альпрен, которого совершенно не смущало столь неприятное зрелище, подошел к столу.

– Пришли результаты анализа, – сообщил он. – Как вы там его называли?

– Высокоэффективная жидкостная хроматография.

– Ага. Ну, так вот. Мне только что звонил лаборант из больницы. Результат положительный.

Дворак на миг застыл. Сделав над собой усилие, он продолжил накладывать стежки. «Интересно, Альпрен это заметил?» – пронеслось в его голове.

– И что это значит?

Дворак продолжал сосредоточенно трудиться, не поднимая глаз.

– Это тест на присутствие 7-гидроксиварфарина.

– И что это?

– Одна из производных варфарина.

– И что это?

Дворак завязал узелок и взял другую нитку.

– Лекарство, изменяющее свертываемость крови. Оно может приводить к повышенной кровоточивости. Обширным кровоизлияниям.

– Например, в мозг? Как у госпожи Харпер?

Дворак помедлил.

– Да. Это может также объяснить синяки у нее на ногах.

– Значит, вот почему вы предложили этот анализ?

– Доктор Стейнглас говорил мне об аномальном протромбиновом времени. Отравление варфарином – это дифференциальный диагноз.

Альпрен деловито записывал услышанное, одновременно задавая следующий вопрос:

– А откуда его берут, этот варфарин?

– Он содержится в некоторых видах крысиного яда.

– Чтобы они умирали от кровопотери?

– Требуется некоторое время, чтобы достичь эффекта. Но в конце концов у них случается внутреннее кровоизлияние.

– Очаровательная картина. Откуда еще можно взять варфарин? И снова Дворак не спешил с ответом. Ему не хотелось продолжать этот разговор, не хотелось размышлять о причинах.

– Он входит в состав лекарства, которое называется кумадин и продается по рецепту. Используется для разжижения крови.

– Выдается только по рецепту?

– Да.

– Значит, должен быть врач, который его выпишет, и аптека, где его выдадут.

– Верно.

Ручка забегала по бумаге еще быстрее.

– Значит, надо проработать еще и это.

– Что?

– Местные аптеки. Кто приходил к ним с рецептами на кумадин, а также имена врачей, его назначавших.

– Это довольно распространенное назначение. Множество врачей выписывают этот препарат.

– А я ищу совершенно определенное имя. Доктор Харпер.

Дворак опустил иглодержатель и посмотрел на Альпрена.

– Почему вы сосредоточились только на ней? А как насчет сиделки ее матери?

– У Джейн Нолан безупречный послужной список. Мы проверяли три места ее прежней работы. И не забывайте, это она позвонила нам и подняла вопрос о жестоком обращении.

– Возможно, чтобы прикрыть собственную задницу.

– Взгляните на это с позиции доктора Харпер. Она симпатичная женщина, однако у нее нет ни мужа, ни собственной семьи. Возможно, она даже ни с кем не встречается. Она прикована к пожилой слабоумной матери, которая никак не хочет на тот свет. Затем у нее начинаются неприятности на работе, и стресс возрастает.

– И приводит к попытке убийства? – Дворак покачал головой.

– Правило номер один: прежде всего ищи в семье.

Дворак завязал последний узелок и отрезал нитку. Посмотрев на зашитое тело, Альпрен с отвращением фыркнул:

– Боже! Настоящий Франкенштейн.

– Это будет под костюмом. Даже нищему позволено достойно выглядеть в гробу. – Дворак снял халат и перчатки и пошел к раковине мыть руки. – А как насчет случайного отравления? У ее матери был Альцгеймер. Неизвестно, что она могла запихнуть себе в рот. В доме мог быть крысиный яд.

– Который дочь могла преднамеренно оставить так, чтобы мать его нашла. Правильно.

Дворак продолжал мыть руки.

– Интересно, что доктор Харпер отказывается говорить со мной без своего адвоката, – заметил Альпрен.

– В этом нет ничего подозрительного. Вполне разумно.

– Да, только это заставляет задуматься.

Дворак вытер руки, не глядя на Альпрена, не смея взглянуть на него. «Я не должен комментировать его расследование, – думал Дворак. – Я недостаточно посвящен. И мне совсем не хочется выстраивать дело

против Тоби Харпер». Хотя этим-то ему и придется заниматься, этого требует его работа. Проверять улики. Делать логические выводы.

Ему не нравилось то, о чем свидетельствовали улики.

Пожилая женщина явно была отравлена, но произошло это случайно или преднамеренно, определить невозможно. Дворак не верил, что в этом виновата Тоби. Или просто отказывался верить? Неужели он утратил объективность только потому, что она была ему симпатична?

Прошлым вечером он боролся с искушением перезвонить ей. Он дважды брался за трубку, но затем снова клал ее, напоминая себе, что не может обсуждать улики с вероятным подозреваемым. Сегодня утром она сама пыталась дозвониться ему. Он отгородился секретаршей, попросил заворачивать все звонки Тоби. Ему было противно, однако выбора не оставалось. Как ни была уязвима и беззащитна сейчас Тоби, он не мог предложить ей утешение.

После ухода Альпрена Дворак вернулся в лабораторию. Коробки с препаратами были сложены на столе и ожидали описания. Эту тихую одинокую работу Дворак любил. Он целый час сидел, склонившись над микроскопом, отгородившись от всего мира. Тишину нарушало только позвякивание стекол. Отшельник в своей келье, отгородившийся от всего света. Обычно ему нравилось работать в уединении, но сегодня он чувствовал себя несчастным и разбитым и не мог сосредоточиться.

Он посмотрел на свой палец, где остался крошечный шрам от лезвия скальпеля. Напоминание о том, что и он смертен, что мелкие на первый взгляд события могут привести к катастрофе. Можно не вовремя спуститься с тротуара. Сесть не на тот самолет. Перед сном выкурить в постели сигарету. Призрак смерти постоянно следит за нами, все время ждет своего часа. Дворак смотрел на шрам и представлял, как распадаются его нейроны, доведенные до самоубийства полчищами чужеродных прионов.

И ничего нельзя поделать – только сидеть и ждать появления симптомов. Год, от силы два. А потом наступит освобождение. Жизнь снова к нему вернется.

Он закрыл коробку со стеклами и уставился на пустую стену перед собой. «А когда вообще у меня была настоящая жизнь?»

Дворак задумался, не слишком ли поздно начать ее.

Ему сорок пять, бывшая жена счастливо вышла замуж, единственный сын уже начал обретать самостоятельность. Последний отпуск шесть

месяцев назад Дворак провел один, путешествуя по Ирландии, от паба к пабу, наслаждаясь случайными знакомствами, впрочем, короткими и поверхностными. Он не считал, что испытывает потребность в компании до тех пор, пока однажды не заехал в какую-то деревушку на западе страны и не обнаружил, что единственный местный паб закрыт. Стоя на пустынной дороге в незнакомом населенном пункте, он испытал такое неожиданное и глубокое отчаяние, что забрался в машину и махнул прямиком в Дублин.

И сейчас, пялясь на пустую стену, он ощущал приближение такого же отчаяния.

Зажужжал интерком. Дворак вскочил и схватил трубку.

– Да!

– Вам звонят сразу двое. На первой линии Тоби Харпер. Хотите, чтобы я снова ее отправила?

Ему потребовалась вся сила воли, чтобы сказать:

– Передайте, что я не могу ответить. И неизвестно, когда смогу.

– Другой звонок от детектива Шиэна, по второй линии.

Дворак нажал на кнопку второй линии.

– Рой?

– У нас есть еще кое-что по этому мертвому ребенку. Или как его там назвать, – сообщил Шиэн. – Вы помните ту девушку, которая вызвала «скорую»?

– Молли Пикер?

– Да. Мы нашли ее.

17

– Извините, но доктор Дворак не может сейчас ответить.

Тоби повесила трубку и расстроенно взглянула на часы. Она целый день пыталась дозвониться Дэниелу, но все ее звонки отклонялись. Она знала, что полиция готовит какое-то дело против нее и, если бы ей удалось поговорить с Двораком, Тоби смогла бы убедить его по-дружески рассказать об уликах.

Но он не хотел отвечать на ее звонки.

Отойдя от поста медсестер, она приблизилась к боксу, где лежала мама. Тоби стояла у окошка, наблюдая за тем, как поднимается и опускается грудная клетка Элен. Кома развивалась, и у пациентки уже не было самопроизвольного дыхания. Последняя томография показала новое кровоизлияние, и вставал вопрос о кровоизлиянии в варолиев мост. Возле кровати, устанавливая капельницу, хлопотала медсестра. Почувствовав взгляд, она обернулась и увидела Тоби. А потом снова отвернулась – чересчур поспешно. Сестра как будто не узнала ее и даже не удостоила кивка – эти факты говорили сами за себя. Служащие больше не доверяли Тоби. Никто не доверял.

Она вышла из больницы и села в машину, но мотор заводить не стала. Она не знала, куда ехать. О доме даже и речи быть не могло – слишком тихо, слишком пусто. Четыре часа – слишком рано для ужина, даже если бы у нее был аппетит. Сбитый суточный ритм все еще давал о себе знать, несмотря на попытку перейти на дневное расписание, и Тоби не могла сказать заранее, когда проснется голод или навалится усталость. Единственное, что она знала наверняка, – в голове у нее туман, и все идет наперекосяк. Вся ее жизнь, так хорошо организованная, теперь полностью и безвозвратно рухнула.

Тоби открыла сумочку и достала резюме Джейн Нолан. Она все время таскала его с собой, собираясь обзвонить всех четырех прежних нанимателей Джейн, порасспрашивать их – может, они проговорятся, что их «превосходная» сиделка не такое уж совершенство. Она уже поговорила по телефону с тремя директорами домов престарелых, и все давали Джейн блестящие оценки.

«Пусть их она обдурила. Но я-то знаю правду».

Единственный работодатель, с кем она еще не говорила, – дом престарелых «Уэйсайд», расположенный всего в нескольких километрах отсюда.

Она завела машину.

– Мы бы с распростертыми объятиями приняли Джейн обратно, – заверила главная медсестра Дорис Мэйкон. – Из всех наших служащих пациенты любили ее больше всего.

В доме престарелых «Уэйсайд» было время ужина, и тележки с едой только что прогремели в столовую. Пациенты с различным состоянием сознания сидели за четырьмя длинными столами и почти не разговаривали. Слышны были только голоса сестер, разносивших

подносы: «Вот ваш ужин, дорогая. Вам помочь завязать салфетку? Давайте-ка я нарежу вам мясо…»

Дорис оглядела седоголовое собрание и пояснила:

– Они так привязываются к некоторым сестрам. Знакомый голос, приветливое лицо – это для них все. Когда сестра уходит, некоторые из наших пациентов буквально облачаются в траур. Ни у кого из них нет семьи, так что мы становимся для них родными.

– Значит, с Джейн они ладили.

– Абсолютно. Если вы думаете нанимать ее, вам просто посчастливилось. Мы очень жалели, что она ушла от нас ради работы в «Оркутте».

– «Оркутт»? Этого нет у нее в резюме.

– Я знаю, что она проработала у них по крайней мере год, после того как ушла от нас.

Тоби развернула листок с резюме.

– Этого здесь нет. После вас тут указан дом престарелых «Гарден-Гров».

– А, это часть сети «Оркутт». Группа пансионов, принадлежащих одной корпорации. Если вы работаете в «Оркутте», вас могут распределить в одно из их учреждений.

– А сколько их?

– Может, с десяток? Точно не знаю. Но они – одни из наших главных конкурентов.

«"Оркутт", – подумала Тоби. – Почему это название кажется знакомым?»

– Я не знала, что Джейн вернулась в Массачусетс искать работу, – проговорила Дорис. – Жаль, что она не позвонила нам.

Тоби перевела взгляд на главную медсестру.

– Она уезжала из штата?

– Несколько месяцев назад. Она прислала открытку из Аризоны, писала, что выходит замуж. И не работает. Это последние новости, которые дошли до нас. Видимо, она вернулась. – Дорис посмотрела на Тоби с

любопытством: – Если вы собираетесь ее нанять, почему бы не спросить ее саму? Она пояснит резюме.

– Я просто хочу подстраховаться, – солгала Тоби. – Я хочу взять ее, но что-то меня беспокоит. Это из-за мамы, она-то не может о себе позаботиться. Приходится осторожничать.

– Ну, за Джейн я могу ручаться. Она потрясающе внимательна к пациентам. – Дорис подошла к одному из столов и положила руку на плечо одной из старушек. – Мириам, дорогая, ты ведь помнишь Джейн, верно?

Женщина улыбнулась, поднеся ложку картофельного пюре к беззубым деснам:

– Она возвращается?

– Нет, дорогая. Я просто хочу, чтобы ты сказала этой даме, нравилась ли тебе Джейн.

– Я люблю Джени. Она так давно не приходила ко мне.

– Милая, она же уехала.

– И малышка! Интересно, она ведь уже выросла. Скажите ей, чтобы возвращалась.

Дорис выпрямилась и посмотрела на Тоби:

– Я бы назвала это прекрасной рекомендацией.

Вернувшись в машину, Тоби некоторое время разочарованно глазела на торпеду. Почему никто не разглядел истину? Бывшие пациенты Джейн любят ее. Бывшие работодатели тоже. Она прекрасная женщина, просто святая.

«А я стала дьяволом».

Она потянулась к зажиганию и уже готова была повернуть ключ, но тут вдруг вспомнила, где слышала название «Оркутт».

От Роби Брэйса. В тот вечер, в архиве Казаркина Холма, он сказал, что в их здании располагается центральное хранилище документов всех остальных домов престарелых компании «Оркутт».

Тоби вылезла из машины и пошла обратно.

Дорис Мэйкон нашлась на сестринском посту – разбирала листки с назначениями. Она явно удивилась, снова увидев Тоби.

– У меня еще вопрос, – сказала Тоби. – Та женщина в столовой. Она говорила про ребенка. У Джейн был ребенок?

– Дочка. А что?

– Она ни разу не упоминала о… – Тоби замолчала, мысли разбегались в разные стороны.

Неужели с тех пор ребенок умер? И был ли он вообще? Или Джейн просто не стала признаваться, что у нее есть дочь? Дорис озадаченно посмотрела на Тоби.

– Простите, а это имеет отношение к вопросам трудоустройства?

«Почему Джейн никогда не говорила о ребенке?»

Внезапно Тоби осенило:

– Как она выглядит?

– А разве вы с ней не беседовали? Вы же сами ее видели…

– Как она выглядит?

Опешив от резкого тона, Дорис несколько секунд молча смотрела на посетительницу.

– Она… э-э… она совершенно обычная. Ничего особенного.

– Какого она роста? Какого цвета у нее волосы?

Дорис встала.

– У нас есть групповая фотография, мы делаем такие каждый год. Я вам ее покажу.

Она повела Тоби по коридору, где в рамочках висели фотографии, под каждой стояла дата съемки. Первые были сделаны еще в 1981 году – наверное, в год открытия «Уэйсайда». Дорис остановилась перед цветным снимком двухлетней давности и внимательно вгляделась в лица.

– Вот, – сказала она, указав на женщину в белой униформе. – Это Джейн.

Тоби всмотрелась в лицо на снимке. Женщина стояла с левого края; пухлощекое лицо улыбалось, форменная шапочка топорщилась над массивным полным телом.

Тоби покачала головой:

– Это не она.

– Могу вас уверить, – возразила Дорис. – И наши пациенты подтвердят. Это точно Джейн Нолан.

– Мы подобрали девчонку в Норт-энде, – сообщил патрульный. – Свидетели видели, как ее бил какой-то парень, пытаясь затащить в машину. Она истошно орала, и они остановились, чтобы помочь. Мы приехали раньше других полицейских. Девчонка сидела на тротуаре с подбитым глазом и рассеченной губой. Она сказала, что ее зовут Молли Пикер.

– А что за парень бил ее?

– Наверное, сутенер. Она не сказала. А он смылся.

– Где она сейчас?

– Сидит в машине. Не захотела идти сюда. И разговаривать не желает. Хочет только, чтобы ее выпустили на улицу.

– Чтобы сутенер снова отлупил ее?

– У нее умишка – с гулькин нос.

Они вышли через главный вход на Олбани-стрит. Дворак вздохнул. Ничего хорошего от предстоящего разговора он не ожидал. Угрюмый подросток, да еще необразованный, был плохим источником медицинской информации. Девчонка не арестована и может в любое время уйти, впрочем, она, возможно, об этом не знает. Разумеется, он не собирался просвещать Молли, во всяком случае до тех пор, пока есть возможность порасспросить ее. Пусть даже она и не семи пядей.

Патрульный указал на машину, где на переднем сиденье ждал его напарник. На заднем же, съежившись под просторным плащом, ютилась девушка с тонкими русыми волосами и разбитой губой. Она крепко сжимала дешевую лакированную сумочку.

Полицейский открыл заднюю дверь:

– Может, выйдете, мисс? Это доктор Дворак. Он хочет поговорить с вами.

– Не нужен мне доктор.

– Он медэксперт.

– Не нужно мне экспертов.

Дворак наклонился и улыбнулся ей.

– Привет, Молли. Мы с тобой пойдем внутрь, поговорим. Здесь, на улице холодно, правда же?

– Не будет, если дверь закроете.

– Я могу ждать хоть целый день. Мы можем поговорить сейчас – или среди ночи. На твое усмотрение.

Он стоял и смотрел на девчонку. Ему было интересно, когда ей надоест выдерживать взгляды. Трое мужчин наблюдали за ней – двое полицейских и Дворак, – не говоря ни слова.

Молли тяжело вздохнула и недовольно фыркнула.

– У вас туалет есть?

– Конечно.

– Мне жутко туда надо.

Дворак отступил в сторону:

– Я покажу.

Она выкарабкалась из машины, непомерно большой плащ тащился за ней гигантским шлейфом. Лишь когда она выпрямилась, Дворак обратил внимание на ее живот. Она была беременна. Месяцев шесть, не меньше, решил он.

Девушка заметила его взгляд.

– Ну да, залетела, – огрызнулась она. – И что?

– Думаю, нам лучше пройти внутрь. Беременной даме лучше присесть.

Она зыркнула на него – «это шутка, верно?» – и пошла в здание.

– Милая девчушка, – проворчал полицейский. – Нам покараулить?

– Можете ехать. Когда закончим, я просто посажу ее в такси.

Девушка ждала Дворака у самой двери.

– Ну и где туалет?

– Наверху, рядом с моим кабинетом.

– Так пошли. Мне пописать надо.

Пока они ехали в лифте, Молли молчала; судя по сосредоточенному лицу, все ее внимание сейчас было приковано к мочевому пузырю. Дворак ждал ее снаружи, в комнате отдыха персонала. Она не торопилась, вышла только через десять минут, от нее пахло мылом. Девушка умылась, и распухшая губа пугающе багровела на бледном лице.

Он провел ее в свой кабинет и закрыл дверь.

– Присаживайся, Молли.

– Это надолго?

– Зависит от того, поможешь ли ты мне. Знаешь ли что-нибудь. – Он снова указал на кресло.

Она неохотно села, завернувшись в плащ как в мантию и упрямо выпятив посиневшую нижнюю губу.

Дворак стоял, прислонившись к столу, и смотрел на нее.

– Два дня назад ты звонила в «скорую», твой голос записан оператором.

– Не знала, что вызвать «скорую» – преступление.

– Когда бригада приехала, она обнаружила женщину, умирающую от кровопотери. Ты была с ней в квартире. Что произошло, Молли?

Девушка молчала, понурив голову; жидкие волосенки сползли на лицо.

– Я ни в чем тебя не обвиняю. Мне просто нужно знать.

Девушка упорно не смотрела на Дворака. Обхватив себя руками, она принялась раскачиваться в кресле.

– Я не виновата, – прошептала Молли.

– Знаю.

– Я хочу уйти. Можно мне просто уйти?

– Нет, Молли. Сначала нам надо поговорить. Ты можешь на меня взглянуть?

Она не хотела. Девушка продолжала сидеть, опустив голову, словно встретиться с ним взглядом значило каким-то образом проиграть.

– Почему ты не хочешь поговорить?

– А с чего мне хотеть? Я вас не знаю.

– Тебе не нужно меня бояться. Я не полицейский, я врач.

Его слова произвели совсем не то впечатление, которого он ожидал. Молли еще глубже вжалась в кресло и задрожала. Дворак не мог понять эту девушку. Она казалась ему абсолютной инопланетянкой. Как и все подростки. Он не знал, что делать дальше.

На его столе зажужжал интерком.

– Пришла доктор Тоби Харпер, – сообщила секретарша.

– Я занят.

– Думаю, она не уйдет. Она твердо намерена подняться к вам.

– Послушай, я действительно не могу с ней сейчас разговаривать.

– Сказать ей, чтобы подождала?

Он вздохнул.

– Хорошо. Пусть подождет. Но я освобожусь нескоро.

Дворак снова повернулся к Молли Пикер, раздраженный как никогда. Одна женщина жаждет поговорить с ним, другая отказывается произнести даже слово.

– Молли, – снова начал он. – Мне нужно поговорить с тобой о твоей подруге, Анни. Той женщине, которая умерла. Она принимала наркотики? Или какие-то лекарства?

Девушка пожала плечами и сжалась в комочек.

– Это очень важно. У нее был сильно деформированный плод. Мне нужно знать, что могло к этому привести. Это жизненно важно для других беременных женщин, Молли!

Ее затрясло. Сначала Дворак не понял, что происходит. Он думал, она дрожит от холода. Затем девушка повалилась вперед, ударившись головой об пол. Руки и ноги подергивались, а все тело содрогалось в конвульсиях.

Дворак опустился на колени рядом с ней, отчаянно пытаясь ослабить сдавивший ее шею плащ, но Молли колотило очень сильно. Наконец ему удалось расстегнуть воротник. Судороги все не прекращались, лицо побагровело, глаза закатились. «Что мне делать? Я патолог, а не врач „скорой“…»

Он вскочил и нажал на кнопку интеркома.

– Мне нужна доктор Харпер! Пришлите ее ко мне, сейчас же!

– Но вы вроде сказали…

– Мне нужна срочная медицинская помощь!

Он вернулся к Молли. Конвульсии стихли, но ее лицо все еще оставалось багрово-красным, а на лбу вздулась шишка из-за удара об пол. «Не дай ей задохнуться. Поверни ее на бок».

Заученные в университете уроки все же пробились сквозь панику. Он опустился к девушке и быстро повернул на левый бок, слегка наклонив ее лицо вниз. Если ее вырвет, содержимое желудка не попадет в легкие. Дворак прощупал пульс – частый, но жесткий. Она продолжала дышать.

«Так, ладно. Доступ воздуха есть. Дыхание есть. И кровообращение. Что еще?»

Дверь в кабинет открылась. Он взглянул на вошедшую Тоби Харпер. Ее взгляд сразу переместился на девушку; она опустилась на колени.

– Что случилось?

– У нее какой-то припадок…

– Что у нее? Эпилепсия?

– Не знаю. Пульс есть, дыхание тоже.

Тоби посмотрела на шишку.

– Когда она ударилась?

– Когда начался приступ.

Тоби сдернула плащ, чтобы осмотреть тело. За краткой паузой последовало испуганное:

– Она беременна!

– Да, и я не знаю, как давно.

– Вы вообще что-нибудь о ней знаете?

– На учете в полиции. Проститутка. Сегодня ее избил сутенер. Вот все, что мне известно.

– У вас есть аптечка? – спросила Тоби.

– В ящике стола…

– Несите.

Шевельнув головой, девушка застонала.

Пока Тоби перетряхивала аптечку в поисках нужных инструментов, Дворак высвободил руку Молли из рукава. Она открыла глаза, посмотрела на него и попыталась вырваться.

– Спокойно, – сказал он. – Все в порядке.

– Оставьте ее, – велела Тоби. – Постиктальное состояние, замутненное сознание. Вы ее пугаете.

Дворак выпустил тщедушную ручку и отодвинулся.

– Все хорошо, милая, – промурлыкала Тоби. – Посмотри на меня. Я рядом.

Девушка перевела взгляд на склонившуюся над ней Тоби.

– Мама, – пробормотала она.

Тоби заговорила тихо и мягко:

– Я не сделаю тебе больно. Только посвечу немного в глазки, ладно?

Девушка продолжала смотреть на нее словно с удивлением. Тоби направила фонарик на зрачки.

– Одинаковые, реагируют. Подвижность конечностей сохранена.

Тоби потянулась к сфигмамонометру. Девушка слабо заскулила в знак протеста, когда манжета обхватила ее руку, однако продолжала смотреть на Тоби; похоже, это ее успокаивало.

Тоби нахмурилась, когда стрелка сфигмамонометра медленно поползла вниз. Она быстро спустила давление в манжете и отстегнула ее.

– Ей нужно в больницу.

– Городская – прямо через дорогу.

– Давайте отнесем ее в их неотложку. У нее давление двести десять на сто тридцать, и она беременна. Думаю, этим и объясняется припадок.

– Эклампсия?

Тоби коротко кивнула и закрыла саквояж.

– Вы можете донести ее?

Дворак наклонился и подхватил девушку на руки. Несмотря на беременность, она была хрупкой и почти ничего не весила. Хотя, возможно, он был накачан адреналином и потому не ощущал тяжести. Тоби двинулась вперед, открывая двери, и в конце концов через главный вход они вышли на Олбани-стрит.

Когда они переходили улицу, между зданиями бесновался ветер, швыряя пыль в лицо. Девушка на руках Дворака дергалась, ее плащ хлестал его по ногам, волосы застилали лицо, но ему удалось доплестись до противоположного тротуара и подняться по пандусу к входу в отделение неотложной помощи. Двойные двери разъехались.

Медбрат в окошке регистратуры поднял глаза и увидел Дворака с девушкой на руках.

– Что случилось?

– Беременная женщина, – ответила подоспевшая Тоби. Она рылась в дешевенькой сумочке Молли, пытаясь отыскать удостоверение личности. – Судороги, сейчас в постиктальном состоянии. Давление двести двадцать на сто тридцать.

Медбрат все понял и сразу послал за каталкой.

Укол иглы пробудил Молли. Она заметалась, пытаясь вырваться из державших ее рук, но их было слишком много, они поймали ее, мучили ее. Она не помнила, как оказалась в этом ужасном месте, не знала, чем

провинилась, чем заслужила это наказание. «Простите, если я что-то не так сделала, простите. Пожалуйста, не делайте мне больно!»

– Черт, вену проткнул! Киньте мне другую, восемнадцатую...

– Попробуй другую руку. Похоже, там хорошая вена.

– Тебе придется придержать ее. Она все время дергается.

– Приступ?

– Нет, дерется...

Руки схватили ее лицо, голос скомандовал:

– Мисс, вы должны лежать спокойно. Нам надо поставить капельницу!

Панический взгляд Молли выхватил лицо человека, глядевшего на нее. Человек в голубом. Стетоскоп змеей обвивал его шею. Мужчина со злыми глазами.

– Она все еще не в себе, – пояснил он. – Просто введите капельницу.

Другая пара рук схватила ее за предплечье, прижала к матрасу. Молли попыталась вывернуться, но руки только сильнее прижали ее, щипали и выкручивали кожу. И снова укол. Молли взвизгнула.

– Есть! Подсоединяй. Давай, давай.

– Как быстро капать?

– Пока на полную. Мне нужно пять миллиграммов гидролазина. Дадим магнезию. И возьмите кровь на анализы.

– Док, боль в груди, только что привезли.

– Какого хрена меня не оставят в покое?

Опять игла, опять укус боли. Молли дернулась на каталке. Что-то грохнулось на пол и рассыпалось.

– Черт возьми, не лежится ей!

– Нельзя ее успокоить?

– Нет, нам нужно следить за психическим состоянием. Заговорите ее.

– Пытались.

– Приведите ту женщину. Ту, которая доставила ее. Может, она ее утихомирит.

Молли дергалась в своих оковах, голова раскалывалась, каждый звук отдавался новым взрывом боли. Пулеметные очереди голосов, лязг металлических ящиков.

«Уходите, уходите, уходите».

Затем ее кто-то позвал, и рука нежно легла на ее волосы.

– Молли, это я. Доктор Харпер. Все в порядке. Все хорошо.

Молли вгляделась в лицо женщины, оно было знакомым, хотя девушка не могла вспомнить, где его видела. Знала только, что это лицо не связано с болью. Эти спокойные глаза внушали чувство безопасности.

– Тебе нужно лежать неподвижно, Молли. Я знаю, что больно, все эти иголки. Но тебе пытаются помочь.

– Простите, – шепнула Молли.

– За что?

– За то, что я сделала что-то плохое. Я не помню.

Женщина улыбнулась.

– Ничего плохого ты не совершала. Сейчас тебе сделают укольчик, ладно? Раз – и все.

Молли закрыла глаза и подавила всхлип, когда игла вошла в ее руку.

– Ну вот, умничка. Теперь все. Больше никаких иголок.

– Обещаете?

Пауза.

– Я не могу этого обещать. Но с этой минуты никто не будет тебя колоть без предупреждения, договорились? Я им скажу.

Молли потянулась к руке женщины:

– Не уходите…

– Все будет хорошо. Эти люди о тебе позаботятся.

– Но их я не знаю. – Она в упор смотрела на женщину; наконец та кивнула.

– Побуду здесь, сколько смогу.

Послышался другой голос. Женщина отвернулась к говорившему, затем снова посмотрела на Молли.

– Нам нужно побольше узнать о твоем здоровье. У тебя есть врач?

– Нет.

– Принимаешь какие-нибудь лекарства?

– Нет. А, да. Там, в сумке.

Молли услышала щелчок расстегиваемой сумочки и громыхание таблеток во флаконе.

– Эти, Молли?

– Да. Я пью одну, когда желудок барахлит.

– Здесь нет аптечного ярлыка. Откуда ты их взяла?

– Роми. Приятель. Он мне дал эти пилюли.

– Ладно, а как насчет аллергии? У тебя есть на что-нибудь аллергия?

– На клубнику. – Молли вздохнула. – А я так ее люблю…

Встрял еще один голос:

– Доктор Харпер, техник УЗИ пришел.

Молли услышала, как в палату вкатили какое-то устройство, и скосила глаза:

– Чего они хотят? Они опять будут иголки тыкать?

– Это не больно. Ультразвуковое исследование. Им надо проверить твоего малыша. Для этого используют звуковые волны.

– Я не хочу. Нельзя меня оставить в покое?

– Прости, но это нужно сделать. Посмотреть, все ли в порядке с ребеночком. Насколько он большой, как развивается. У тебя сегодня был приступ в кабинете у доктора Дворака. Ты знаешь, что это?

– Типа припадка.

– Верно. У тебя был припадок. Ты потеряла сознание, и все твое тело содрогалось. Это очень опасно. Тебе нужно полежать в больнице, чтобы можно было контролировать твое давление. И посмотреть, можно ли спасти ребенка.

– С ним что-то не так?

– Твоя беременность стала причиной судорог и высокого кровяного давления.

– Я не хочу больше никаких исследований. Скажите им, что я хочу уйти...

– Послушай меня, Молли. – Доктор Харпер говорила тихо, но твердо. – Твое состояние может быть смертельно опасным.

Девушка молчала. Она смотрела в лицо женщины и видела по ее глазам, что это абсолютная правда. Доктор Харпер кивнула технику:

– Делайте сонограмму. Я подожду в коридоре.

– Нет, – возразила Молли. – Останьтесь со мной.

Она вытянула руку в безмолвной мольбе.

Помедлив немного, Тоби снова взяла девушку за руку и села на табурет рядом с каталкой.

Техник прикрыл пеленкой бедра и лобок Молли и задрал больничную рубашку, оголив округлый живот пациентки.

– Будет немного холодно, – сказал он, выдавливая прозрачный гель ей на кожу. – Эта штука позволяет волнам лучше проходить.

– Это не больно? Вы обещаете, что больно не будет?

– Ни капельки. – Мужчина взял прямоугольное устройство, которое удобно легло ему в руку. – Я буду водить этой штукой по твоему животу, хорошо? А здесь, на экране, мы увидим изображение.

– Вы можете увидеть моего ребенка?

– Верно. Смотри. – Он намазал устройство гелем и приложил к телу Молли.

– Щекотно, – сказала она.

– Но не больно, правда? Скажи, не больно?

– Нет, не больно.

– Тогда расслабься и смотри представление, ладно?

Он медленно повел аппарат по ее животу, не сводя глаз с монитора. Молли тоже смотрела на экран и видела нагромождение мелькающих теней. А где ребенок? Она ждала, что увидит настоящую картинку, вроде фотографии, а не кучу серых пятен.

– Где он? – спросила девушка.

Техник не ответил. Молли взглянула на него – с застывшим лицом он таращился в монитор.

– Вы его видите? – настаивала она.

Техник кашлянул.

– Давай я сначала закончу обследование.

– Это мальчик или девочка? Вы можете сказать?

– Нет. Не могу… – Аппарат скользнул в одну сторону, затем в другую, взгляд техника был прикован к мелькающим на экране теням.

«Одни только серые пятна, – недоумевала Молли. – Одно большое, а вокруг маленькие». Она посмотрела на Тоби.

– А вы-то видите?

Ее вопрос повис в тишине. Доктор Харпер переводила взгляд с экрана на техника и обратно. Ни один из них не смотрел на Молли. Ни один не произнес ни слова.

– Почему вы молчите? – прошептала Молли. – Что-то не так?

– Просто лежи спокойно, милая.

– Что-то не так, да?

Доктор Харпер сжала ее руку:

– Не шевелись.

Наконец техник выпрямился и вытер гель с живота Молли.

– Я покажу снимки одному нашему врачу, ладно? А ты отдыхай.

– Но она и есть врач, – сказала Молли, глядя на доктора Харпер.

– У меня нет специальной подготовки, чтобы разобраться в этом. Здесь нужен специалист.

– Так что вы там увидели? Что-то не так?

Доктор Харпер и техник переглянулись. И техник ответил:

– Я не знаю.

18

– Тормозни вот этот план, – попросил доктор Сибли. Он снял очки и вгляделся в монитор; его внимание было приковано к картинке. Некоторое время в кабинете стояла тишина. Затем Сибли пробормотал: – Что же это, черт возьми…

– Что вы видите? – поинтересовалась Тоби.

– Не знаю. Честное слово, я не понимаю, на что смотрю. – Сибли повернулся к технику: – Вот про эту тень ты говорил?

– Да, сэр. Вот об этих массах. Я не знаю, что это.

– Это эмбриональные ткани? – снова спросила Тоби.

– Не могу сказать. – Доктор кивнул технику. – Так, давай дальше.

На мониторе запрыгали тени, Сибли придвинулся еще ближе к экрану.

– У этой ткани неоднородная плотность, есть цельные участки, а есть кистозные.

– Это похоже на голову, – заметила Тоби.

– Да, форма смутно напоминает череп. А это отвердение видите?

– Зуб?

– Я думаю, да. – Пока менялся кадр, Сибли молчал. – А где грудная клетка? – пробормотал он. – Я ее не вижу.

– Но зубы есть?

– Единственный, – Сибли неподвижно сидел, глядя на чехарду света и теней на экране. – Конечности, – тихо проговорил он. – Одна здесь, и одна здесь. Плотные образования. Но грудная клетка отсутствует…

Он медленно откинулся назад и надел очки.

– Это не плод. Это опухоль.

– Вы уверены?

– Это комок ткани. Первичные эмбриональные клетки взбесились и образовали зубы, возможно, волосы. Но нет ни сердца, ни легких.

– Но есть плацента.

– Да. Тело пациентки считает, что оно беременно, и кормит эту опухоль, помогая ей набирать вес. Подозреваю, это какая-то тератома. Известно, что эти новообразования могут порождать самые разные ненормальные структуры, от зубов до эндокринных желез.

– Значит, это не врожденный порок развития.

– Нет, это неоформившаяся ткань. Кусок мяса. Его нужно удалить как можно… – Внезапно Сибли подался вперед, уставившись в экран. – Отмотай назад, быстрее! – рявкнул он технику.

– Что вы увидели?

– Просто прокрути назад!

На секунду монитор опустел, затем зажегся опять, повторяя кадры.

– Это невозможно, – поразился Сибли.

– Что?

– Оно шевельнулось, – он посмотрел на техника. – Ты двигал живот?

– Нет.

– Так взгляни на это. Вот этот отросток – видишь, как он меняет положение?

– Я не трогал ее живот.

– Значит, пациентка шевельнулась. Опухоль не двигается сама по себе.

– Это не опухоль, – возразил Дворак.

Все повернулись к нему. Он вошел так тихо, что Тоби даже не заметила, и теперь стоял у нее за спиной. Он медленно подошел к монитору, не сводя глаз с застывшей картинки.

– Он действительно двигается. У него есть руки. И глаз. И зубы. Возможно, он даже способен мыслить…

Сибли фыркнул:

– Глупости. Откуда вы это знаете?

– Потому что я видел точно такого же. – Дворак повернулся и взглянул на них; вид у него был ошарашенный. – Мне надо позвонить.

В темноте палаты Тоби видела мигающий красный глазок волюметрической помпы – молчаливое подтвержение того, что препарат поступает в вену пациентки. Закрыв дверь, она села на стул рядом с кроватью Молли. И стала прислушиваться к дыханию девушки.

Красный огонек помпы мигал в гипнотическом ритме. Впервые за день Тоби позволила себе расслабиться и ни о чем не думать. Перед этим она позвонила в больницу Спрингер узнать о состоянии мамы; ее заверили, что изменений нет. «В эту минуту в другой палате, в другой больнице спит моя мама, – думала она, – и так же, как и здесь, там в темноте мигает красный огонек».

Тоби взглянула на часы и задумалась: когда же придет Дворак? Сегодня днем она пыталась рассказать ему о Джейн Нолан и была очень расстроена его очевидным нежеланием слушать. У него, конечно, тоже хватало неприятностей – взять хотя бы Молли. Вдобавок его пейджер разрядился. А потом он ушел, чтобы встретиться с кем-то в больничном вестибюле.

Тоби откинулась на спинку стула и уже подумывала, не вздремнуть ли ей, когда голос Молли произнес из темноты:

– Мне холодно.

Тоби встрепенулась:

– Я думала, ты спишь.

– А я вот лежала и думала…

– Я сейчас найду тебе одеяло. Можно включить свет?

– Можно.

Тоби зажгла лампу на прикроватной тумбочке, и девушка поморщилась от внезапной вспышки. На бледном лобике чернел синяк. Ее волосы грязными сосульками разметались по подушке.

На полке стенного шкафа Тоби нашла дополнительное одеяло. Она развернула его и накрыла девушку. Затем погасила лампу и на ощупь добралась до стула.

– Спасибо, – прошептала Молли.

Они продолжали молчать в темноте; тишина успокаивала их обеих.

– С моим ребенком что-то не в порядке, да? – вдруг спросила Молли.

Тоби заколебалась. Но потом решила, что правильней всего будет сказать правду.

– Да, Молли, – подтвердила она. – Не в порядке.

– Как он выглядит?

– Трудно сказать. Сонограмма не похожа на обычную картинку. Ее не так-то просто понять.

Молли выслушала это молча. Тоби настроилась на другие вопросы, прикидывая, насколько красочными должны быть ее ответы. «Твой ребенок – даже не человек. У него нет сердца, нет легких, нет туловища. Это всего лишь чудовищный зубастый комок плоти».

К облегчению Тоби, девушка расспросы продолжать не стала. Возможно, она боялась узнать всю правду, осознать весь ужас того, что она носит под сердцем.

Тоби наклонилась к девушке:

– Молли, я говорила с доктором Двораком. Он сказал, что была еще одна женщина, какая-то твоя знакомая, у которой тоже был необычный ребенок.

– Анни.

– Так ее звали?

– Да, – вздохнула Молли. Темнота скрывала ее лицо, но Тоби уловила в ее голосе усталость, изнеможение – оно было не только физическим, но и моральным.

Тоби присмотрелась к тени, в которую в темноте превратилось лицо Молли. Ее зрение приспособилось к темноте, она даже могла различить поблескивание глаз.

– Доктор Дворак беспокоится, что вы с Анни могли подвергнуться воздействию токсина. Который вызвал ненормальность ваших детей. Это возможно?

– Что значит – токсин?

– Какой-то наркотик или яд. Вы с Анни принимали что-нибудь? Таблетки? Уколы делали?

– Только таблетки, я вам про них говорила. Те, что дал мне Роми.

– Этот Роми, он давал тебе когда-нибудь другие лекарства? Что-то запрещенное?

– Нет, я этим не занималась, ясно? И я никогда не видела ничего такого у Анни.

– Насколько хорошо ты ее знала?

– Не очень. Она позволила мне пожить у нее несколько недель.

– Вы были вместе всего несколько недель?

– Мне просто нужно было где-то спать.

Тоби разочарованно вздохнула:

– Значит, это нам ничего не дает.

– Что вы хотите сказать?

– Что бы ни явилось причиной неправильного развития ваших детей, это произошло на ранних сроках. В первые три месяца.

– Тогда я не была знакома с Анни.

– Когда ты поняла, что беременна?

Девушка задумалась. Пока тянулось молчание, из коридора донеслось поскрипывание медицинской тележки и приглушенные голоса медсестер.

– Летом. Меня тошнило.

– Ты ходила к доктору?

Пауза. Тоби заметила, как шевельнулось одеяло, словно под ним дернули плечом:

– Нет.

– Но ты знала, что беременна?

– Я поняла. В смысле, через некоторое время это было нетрудно увидеть. Роми сказал, что позаботится об этом.

– Что ты имеешь в виду – позаботится?

– Избавиться. А потом я стала думать, как хорошо было бы завести ребеночка. Играть с ним. Чтобы он звал меня мамой…

Простыни зашуршали, когда Молли пошевелила руками, обнимая свой живот. Своего нерожденного ребенка. Только это был не ребенок.

– Молли! А кто отец?

Последовал новый вздох, еще горестнее прежнего:

– Не знаю.

– А может, это твой друг Роми?

– Он мне не друг. Он мой сутенер.

Тоби промолчала.

– Вы же знаете про меня, так? Чем я занимаюсь? Занималась… – Молли перекатилась на бок, повернувшись спиной к Тоби. Теперь ее было еле слышно, словно голос звучал откуда-то издалека. – Ты привыкаешь к этому. Перестаешь над этим задумываться. Не можешь об этом думать. Это как будто у тебя в голове туман, понимаете? Как будто куда-то уплываешь. А что творится у тебя между ног, происходит на самом деле не с тобой… – Она саркастически хмыкнула: – Увлекательная жизнь.

– Это нездоровая жизнь.

– Ну да.

– Сколько тебе?

– Шестнадцать. Мне уже шестнадцать.

– Ты с юга, да?

– Да, мэм.

– И как же ты добралась сюда, в Бостон?

Долгий вздох.

– Роми привез. Он был у нас в Бофорте с друзьями. В нем что-то было… понимаете? Эти черные глаза. Никогда не видала белого парня с такими темными глазами. Он так нежно со мной обращался… – Молли тихонько кашлянула, и снова Тоби услышала, как зашуршал пододеяльник, когда Молли подтянула его, чтобы вытереть слезы. Серебристая трубка капельницы заколыхалась над кроватью.

– Я так понимаю, что после приезда в Бостон он уже не был с тобой таким нежным.

– Нет, мэм. Не был.

– А почему ты не уехала домой, Молли? Всегда же можно уехать домой.

Ответа не последовало. Только подрагивание одеяла дало Тоби понять, что девушка плачет. Сама Молли не издавала ни звука, словно ее горе было заперто в каком-то сосуде, и рыдания не были слышны никому, кроме нее самой.

– Я могу помочь тебе вернуться домой. Если для этого тебе нужны только деньги…

– Я не могу, – проговорила она почти неслышным шепотом. Девушка лежала, свернувшись в комочек под одеялом. Тоби различила тихий страдальческий стон – горе Молли все-таки пробилось из наглухо зарытого сосуда. – Не могу. Не могу…

– Молли!

– Они не хотят, чтобы я возвращалась.

Тоби протянула к ней руку, боль девушки проникала сквозь одеяло и была ощутима почти физически. Раздался стук, и дверь открылась.

– Тоби, можно вас на минутку? – спросил Дворак.

– Прямо сейчас?

– Мне кажется, вам стоит пойти послушать. – Он помедлил и добавил: – Это насчет сонограммы.

Тоби вполголоса сказала девушке:

– Я скоро вернусь.

Она вышла за Двораком в коридор и закрыла дверь.

– Она вам что-нибудь рассказала? – спросил Дэниел.

– Ничего из того, что могло бы пролить свет на это дело.

– Я попытаюсь поговорить с ней позже.

– Не думаю, что вам удастся что-нибудь выудить. Похоже, она не доверяет мужчинам, и причина этого ясна. Так или иначе, существует множество факторов, которые могут привести к патологии плода. Девушка не может указать ничего конкретного.

– Это не просто патология плода.

– Откуда вы знаете?

Он жестом указал на маленький конференц-зал в конце коридора.

– Я хочу познакомить вас кое с кем. Она сумеет объяснить лучше меня.

Дворак сказал «она», но человек, которого Тоби увидела перед видеомонитором, войдя в зал, со спины больше напоминал мужчину – коротко стриженные стального цвета волосы, широкие плечи, обтянутые рыжей рубашкой. Сигаретный дым колечками плыл над угловатой стрижкой. На мониторе в замедленном режиме сменялись кадры сонограммы.

– Я думал, вы бросили курить, – сказал Дворак.

Человек обернулся, и Тоби убедилась, что это действительно женщина. Ей было чуть за шестьдесят, голубые глаза смотрели обескураживающе прямо, на невыразительном лице не было ни грамма косметики. Предосудительная сигарета торчала из мундштука слоновой кости, который она держала с непревзойденной элегантностью.

– Это мой единственный недостаток, Дэниел, – парировала женщина. – Я не желаю от него отказываться.

– Полагаю, скотч не в счет.

– Скотч не есть недостаток. Он тонизирует. – Женщина повернулась к Тоби и посмотрела на нее, подняв бровь.

– Это доктор Тоби Харпер, – представил ее Дворак. – А это доктор Александра Маркс. Доктор Маркс – ведущий генетик в Бостонском университете. Была моим преподавателем.

– Очень давно, – заметила она и протянула Тоби руку – жест, неожиданный для женщины, но у доктора Маркс он получился совершенно естественным. – Я пересмотрела сонограмму еще раз. Что вы знаете об этой девушке?

– Я только что с ней говорила, – сказала Тоби. – Ей шестнадцать. Проститутка. Кто отец, не знает. Влияние каких-либо токсинов отрицает. Из лекарств принимала только это.

– Я консультировался с больничным фармацевтом. Он определил таблетки по выбитому на них коду. Прохлорперазин, – сообщил Дворак и посмотрел на доктора Маркс. – Их обычно назначают при тошноте. Это не могло вызвать патологию плода. Поэтому винить эти таблетки не стоит.

– Как этот сутенер раздобыл рецептурный препарат? – встрепенулась Тоби.

– Сегодня на улице можно достать что угодно. Возможно, она не сказала вам, что еще принимала.

– Нет, я верю ей.

– Какой срок беременности?

– Насколько она помнит, пять или шесть месяцев.

– Значит, то, на что мы смотрим сейчас, – плод во втором триместре. – Доктор Маркс повернулась к монитору. – Это определенно плацента. Это – околоплодная жидкость. Вот здесь, похоже, мы видим пуповину. – Доктор Маркс подалась вперед, изучая пятна на экране. – Думаю, ты прав, Дэниел. Это не опухоль.

– Значит, все-таки патология плода? – спросила Тоби.

– Нет.

– Что же еще это может быть?

– Нечто среднее.

– Между опухолью и эмбрионом? Как это возможно?

Доктор Маркс затянулась сигаретой и выпустила облако дыма.

– Этот безумный, безумный мир.

– Все, что у вас есть, – сонограмма. Нагромождение серых пятен. Доктор Сибли, рентгенолог, полагает, что это опухоль.

– Доктор Сибли никогда прежде такого не видел.

– А вы видели?

– Спросите Дэниела.

Тоби взглянула на Дворака:

– О чем речь?

– Женщина, которая умерла при родах, – подсказал он. – Анни Парини… Я отправил плод доктору Маркс для генетического анализа.

– Я провела только предварительное исследование, – продолжила она. – Мы сделали срезы ткани и окрашивание. Потребуются месяцы, чтобы сделать полный анализ ДНК. Но, основываясь на гистологии этого… существа, я выстроила некоторые гипотезы. – Доктор Маркс развернулась на стуле, чтобы оказаться лицом к Тоби. – Садитесь, доктор Харпер. Поговорим о плодовых мухах.

«К чему это она ведет?» – удивилась Тоби, опускаясь в одно из кресел возле длинного стола. Дворак тоже сел. Доктор Маркс, сидевшая во главе стола, оглядела их, словно суровый профессор двоечников, пришедших на повторную сдачу экзамена.

– Вы знаете об исследованиях дрозофилы миланогастер, которые проводились в университете Базеля? Это обычные плодовые мухи.

– И что показали эти исследования? – спросила Тоби.

– Они касаются неправильного расположения глаз. Ученые уже обнаружили олигоген, запускающий целый каскад из двух тысяч пятисот генов, которые нужны для формирования глаза плодовой мухи. Этот ген назвали «безглазым», поскольку его отсутствие приводило к тому, что мушка рождалась без глаз. Швейцарские исследователи сумели запустить этот ген в разных частях зародыша. Результаты были потрясающие. Глаза появлялись в самых причудливых местах. На

крыльях, на ножках, на усиках. Четырнадцать глаз на одной мухе! И все это – при активации одного-единственного гена.

Доктор Маркс остановилась, чтобы затушить сигарету. Затем она вставила в мундштук новую.

– Не вижу связи между исследованиями плодовых мух и нашей ситуацией, – призналась Тоби.

– Я к этому подхожу, – сказала доктор Маркс, прикуривая. Затянувшись, она откинулась назад и удовлетворенно выдохнула дым. – Перепрыгнем через ряд биологических видов и возьмем мышей.

– Все равно не вижу связи.

– Я пытаюсь начать с элементарного. Вы с Дэниелом не занимаетесь научными разработками в области биологии. И наверняка не осведомлены о тех достижениях, которые сделаны с того момента, как вы окончили университет.

– Это правда, – призналась Тоби. – Тут за клинической медициной угнаться бы.

– Тогда позвольте вас просветить. Вкратце. – Профессор стряхнула пепел. – Так вот, мыши. Точнее, их гипофизы. Уже известна ключевая роль гипофиза для выживания новорожденной мыши. Вот почему его называют главной железой. Гормоны, которые он вырабатывает, регулируют все функции организма, от роста до репродукции и температуры тела. Он производит и гормоны, назначение которых нам пока неизвестно. Гормоны, которые мы пока не идентифицировали. Мыши, родившиеся без гипофиза, умирают в течение суток – вот насколько важна эта железа. И вот к чему привели исследования. В Национальном институте здоровья изучают эмбриональное развитие этой железы. Уже известно, что разнообразные клетки, образующие его, возникают из единственного зачатка. Клеток-предшествеников. Но что именно заставляет этих предшественников создавать гипофиз?

Она обвела взглядом своих «двоечников».

– Какой-то ген? – предположила Тоби.

– Естественно. Это все заложено в ДНК. Строительном блоке жизни.

– И что это за ген? – спросил Дворак.

– В случае мыши это Lhx3. LIM-гомеобоксный ген.

Дворак рассмеялся:

– А, ну тогда все ясно.

– Я и не жду, что вы все поймете, Дэниел. Я хочу, чтобы вы получили общее представление. О том, что есть олигоген, который заставляет клетки-предшественники развиваться определенным образом. Один олигоген формирует глаз, другой – конечности, а третий – гипофиз.

– Хорошо, – сказал Дворак. – Думаю, мы это поняли. В общем.

Доктор Маркс улыбнулась.

– Следующее задание будет простым. Я хочу, чтобы вы сложили эти исследования и сообразили, что они означают вместе. Олигоген, который запускает формирование гипофиза. И плодовая муха с четырнадцатью глазами. – Профессор посмотрела на Тоби, затем на Дворака. – Вы понимаете, о чем я?

– Нет, – призналась Тоби.

– Нет, – почти в унисон произнес Дворак.

Доктор Маркс вздохнула.

– Ладно. Тогда я расскажу, что обнаружила в тканевых срезах. Я препарировала тот образец, который мне прислал Дэниел, – то, что, по его мнению, было неправильно развитым плодом. Я никогда не видела ничего подобного, а мне приходилось исследовать тысячи врожденных патологий. Так вот. Человеческий геном состоит из сотни тысяч генов. Это существо, похоже, обладает лишь частью нормального генома. Да и тот, что есть, сильно поврежден. С этим геномом случилась какая-то беда. А результат? Такой, как если бы взяли плод, разобрали его, а затем попытались сложить без всякой системы. Руки, зубы, головной мозг – все слеплено в один комок.

Тоби ощутила тошноту. Она посмотрела на Дворака и увидела, что тот побледнел. Картинка, нарисованная доктором Маркс, сразила их обоих.

– Он бы не выжил, разве не так? – спросила Тоби.

– Конечно, нет. Его клетки живут только за счет плаценты. Он использует материнский организм как источник питания. Если хотите, это своего рода паразит. Но в таком случае любой эмбрион – паразит.

– Никогда так о них не думала, – пробормотала Тоби.

– Да, это так. Мать – хозяин. Ее легкие насыщают кровь кислородом, пища обеспечивает поступление глюкозы и протеина. Этот конкретный паразит – это существо – может жить лишь пока остается в матке, внутри материнской системы. Как только он будет исторгнут, клетки начнут умирать. – Доктор Маркс помолчала, наблюдая за взлетающим колечком дыма. – Этот организм никоим образом не способен жить самостоятельно.

– Но если это не эмбрион, как это назвать? – заинтересовалась Тоби.

– Точно не знаю. Мы изготовили множество срезов ткани. Окрашивали и изучали их и я сама, и патолог нашей кафедры. Мы оба пришли к одному и тому же выводу. Один специфический вид ткани появлялся снова и снова в виде организованного кластера клеток. Там были и другие виды ткани – мышечная, хрящевая, даже глаз. Но они попадались редко. Упорядоченными и хорошо дифференцированными были те повторяющиеся скопления клеток. Железистая ткань, которую мы еще не идентифицировали. Одинаковые кластеры, все, очевидно, на срединной стадии развития плода. – Помолчав, она добавила: – Это существо, в двух словах, похоже на фабрику клеток.

Дворак покачал головой.

– Простите, но это безумие какое-то.

– Почему? Это делается в лаборатории. Мы можем вырастить глаза у мухи на крылышках! Мы можем включить или выключить олигоген! Если это может происходить в лаборатории, может и в жизни. У этой девушки клетки человеческого эмбриона каким-то образом породили множественные копии одного и того же гена. Разумеется, это значит, что зародыш развивался неправильно. Поэтому нет ног, нет тела. Вместо них появились эти специфические клеточные скопления.

– Что могло вызвать такой сбой? – поинтересовалась Тоби.

– Вне лаборатории? Нечто разрушительное. Тератогенное средство, с которым мы прежде не сталкивались.

– Но Молли ничему такому не подвергалась. Я несколько раз ее спрашивала…

Тоби умолкла, ее взгляд метнулся к двери. Кто-то кричал.

– Это Молли! – Тоби вскочила, вылетела из комнаты и помчалась по коридору. Дворак следовал за ней по пятам. Когда она добралась до палаты, там, пытаясь успокоить девушку, уже сидела медсестра.

– Что случилось? – спросила Тоби.

– Она говорит, что кто-то забрался к ней в палату, – сообщила сестра.

– Он стоял прямо здесь, возле кровати! – воскликнула Молли. – Он знает, что я здесь. Он преследует меня…

– Кто?

– Роми.

– Свет был погашен, – заметила сестра. – Тебе наверняка сон приснился.

– Он говорил со мной!

– Я никого не видела, – возразила сестра. – А мой стол прямо за углом.

Звук хлопнувшей двери эхом прокатился по коридору. Доктор Маркс заглянула в палату.

– Я только что видела, как какой-то мужчина выбежал на лестницу.

– Вызовите охрану, – велел Дворак сестре. – Пусть проверят нижние этажи.

Он выбежал в коридор, Тоби за ним.

– Дэн, куда вы?

Он толкнул дверь на лестницу.

– Пусть этим занимается охрана!

Тоби последовала за ним. Шаги Дворака громыхали по бетонным ступеням где-то внизу. Она тоже стала спускаться, сначала нехотя, затем, по мере того, как росла ее решимость, начала прибавлять шаг. Она злилась на Дворака за эту безумную опрометчивую погоню, и на Роми – если это действительно был Роми – за то, что посмел нарушить больничный покой и преследовать девушку даже здесь. Как он ее нашел? Неужели он шел за ними от здания судмедэкспертизы?

Ускорив шаг, Тоби миновала площадку второго этажа. Она услышала, как распахнулась, а затем захлопнулась дверь.

– Дэн! – крикнула она.

Ответа не последовало.

Наконец она добежала до первого этажа и выскочила на Олбани-стрит, оказавшись рядом со входом в отделение неотложной помощи. Асфальт блестел от дождя. Она прищурилась – ветер бросился ей в лицо, прихватив горсть пыли с мостовой.

Слева от нее в дождевой пелене появился силуэт. Это был Дворак. Остановившись под фонарем, Дэниел посмотрел налево, затем направо.

Тоби подбежала к нему:

– Куда он делся?

– Я видел его на лестнице. И потерял, как только он покинул здание.

– А вы уверены, что он его покинул?

– Да. Должно быть, он где-то здесь, поблизости.

Дворак направился через проезжую часть к больничной трансформаторной будке.

Визг шин заставил обоих обернуться. Прямо на них из темноты летел фургон. Тоби застыла.

Дворак толкнул ее в сторону, она споткнулась и растянулась на асфальте.

Фургон с ревом промчался мимо, свет фар быстро исчез вдали.

Тоби попыталась подняться, Дворак протянул ей руку, помог встать и вернуться на тротуар. Боль от удара только начала проявляться – сначала смутной пульсацией в коленях, затем жалящей болью нервных окончаний по ободранной кожей. Они стояли под фонарем, от потрясения поначалу никто не мог сказать ни слова.

Наконец Дворак произнес:

– Извините, что так сильно вас толкнул. С вами все в порядке?

– Немножко ударилась, а так ничего. – Она посмотрела в ту сторону, где скрылся автомобиль. – Вы заметили номер?

– Нет. И водителя тоже не разглядел. Все произошло так быстро, мне нужно было убрать вас с дороги.

Оба одновременно обернулись: к приемному покою, сверкая мигалкой, подкатила «скорая». Где-то в отдалении послышалось завывание другой машины.

– Тут сейчас начнется настоящий хаос. Пойдемте, у меня в кабинете есть аптечка. Надо обработать ваши коленки.

Она похромала через дорогу, Дворак поддерживал ее под руку. Боль усиливалась с каждым шагом. Когда они добрались до его кабинета, Тоби с ужасом думала о первом прикосновении антисептика.

Дворак сдвинул в сторону бумаги и посадил ее на стол, рядом с фотографией сына. Из открытой аптечки запахло спиртом и йодом. Присев на корточки, он смочил ватку перекисью и осторожно приложил к ссадине.

Тоби дернулась.

– Простите, – сказал он, поднимая глаза. – Без этого никак.

– Я такая трусиха, – пробормотала Тоби, сжимая край стола. – Не обращайте внимания.

Он продолжил обрабатывать ее коленки, одну руку положив на ее бедро, а другой нежно удаляя грязь и мелкий гравий. Она тем временем разглядывала его сосредоточенно склоненную голову – можно было протянуть руку и взъерошить ему волосы. Тоби чувствовала тепло его дыхания. «Наконец-то мы одни, – подумала она. – Никаких срочных дел, ничто не отвлекает. Возможно, это мой единственный шанс заставить его слушать. Заставить его поверить мне».

– Вы думаете, я жестоко обращалась с матерью, да? – начала она. – Поэтому вы не хотели со мной разговаривать? Поэтому избегали моих звонков?

Дворак не ответил, только потянулся за следующим ватным тампоном.

– Дэн, меня подставляют. Они использовали мою маму, чтобы добраться до меня. А вы помогаете им и не желаете меня слушать.

– Я слушаю вас, Тоби.

Дворак закончил обработку раны, взял рулон пластыря и начал отрывать от него куски, чтобы закрепить марлевые повязки.

– Тогда почему просто не скажете, верите вы мне или нет?

– Мне кажется, главное, что стоит сделать, – это поговорить с вашим адвокатом. Выложить ему все, что вы знаете. И пусть он обсудит это с Альпреном.

– Я не доверяю Альпрену.

– А мне, вы считаете, можно доверять? – Дворак посмотрел на нее.

– Не знаю! – воскликнула Тоби и понуро ссутулилась, словно поняла, что, как ни пытается, все равно не сможет вызвать у него сочувствие. – Я говорила с Альпреном сегодня днем. Сказала ему все то же, что и вам. Что Казаркин Холм ополчился на меня. Что они пытаются меня уничтожить.

– Зачем это им?

– Я их чем-то испугала. Сделала или сказала что-то такое, в чем они почувствовали угрозу.

– Вам не стоит считать Казаркин Холм источником всех ваших бед.

– Но теперь у меня есть доказательство.

Дворак покачал головой.

– Тоби, мне хочется вам верить. Но я не понимаю, какая связь между состоянием вашей мамы и Казаркиным Холмом.

– Выслушайте меня. Пожалуйста.

Он захлопнул крышку аптечки.

– Хорошо. Я слушаю.

– Женщина, которую я наняла сиделкой, не та, за кого себя выдает. Сегодня я говорила с теми, кто несколько лет назад работал с Джейн Нолан – настоящей Джейн Нолан.

– А что, есть еще какая-то?

– Да, мнимая. Та, которую я наняла. Это совершенно разные женщины. Вики может подтвердить это.

Дворак отчужденно молчал, упорно разглядывая аптечку.

– Дэн, я видела фотографию. В настоящей Джейн несколько десятков килограммов лишнего веса. Эта не та женщина, которую я наняла.

– Ну, она похудела. Разве это невозможно?

– И еще. Два года назад настоящая Джейн Нолан работала в одном из домов престарелых «Оркутта». А еще я узнала, что «Оркутт» – часть более крупной корпорации, которой владеет Казаркин Холм. Если Джейн была их сотрудником, значит, у них есть ее резюме. Они знали, что она уехала из Массачусетса. И для них было проще простого заслать ко мне в дом другую женщину под видом Джейн Нолан. С рекомендациями Джейн. Если бы я не увидела фотографию, в жизни бы не догадалась.

Он по-прежнему молчал, однако теперь смотрел на Тоби. «Наконец-то он меня слушает. Наконец думает и над моими аргументами».

– Вы говорили обо всем этом Альпрену?

– Да. Я сказала, все, что от него требуется, – это поговорить с настоящей Джейн Нолан. Проблема в том, что никто не знает, где она живет и какая у нее фамилия по мужу. Я попыталась отследить ее, но даже не смогла выяснить, по-прежнему ли она живет в стране. Наверняка в Казаркином Холме специально выбрали человека, которого трудно отследить. Если она вообще жива.

– А через социальное страхование?

– Я предложила Альпрену. Но если Джейн сейчас не работает, на ее поиск могут уйти недели. Я не уверена, что Альпрену хочется вкладывать столько сил. Тем более что он вообще не хочет мне верить.

Дворак поднялся. С минуту он смотрел на Тоби так, словно в первый раз ее видел – видел по-настоящему. Потом кивнул.

– Как бы там ни было, я с ним поговорю.

– Спасибо, Дэн. – Она вздохнула. Все ее напряжение в один миг улетучилось. – Спасибо.

Он подал ей руку, помогая слезть со стола. Тоби ухватилась за нее и позволила себя поддержать. Продолжая держаться за него, она подняла глаза и встретилась взглядом с Дэниелом.

Всего-то и требовалось – вот этот взгляд, глаза в глаза. Тоби почувствовала, как рука Дворака коснулась ее лица, его пальцы медленно провели по ее щеке. В его глазах она увидела ту же жажду, что испытывала сама.

Первый поцелуй был слишком коротким, лишь легкое касание губ. Первое робкое знакомство. Его рука скользнула ей за спину, притягивая ближе. Она ахнула от удовольствия, когда губы их встретились снова. И

снова. Она качнулась назад и уперлась бедрами в стол. Дворак продолжал целовать Тоби; их вздохи и постанывания чередовались и сливались. Откинувшись назад, она завалилась на стол, увлекая за собой и его. Бумаги разлетелись повсюду. Держа в ладонях ее лицо, он ненасытно целовал ее губы. Тоби потянулась к его талии, но что-то случайно задела.

Зазвенело разбитое стекло.

Оба вскочили и переглянулись, учащенно дыша. Лица у обоих пылали. Дворак отодвинулся, помогая Тоби встать. Фотография сына валялась на полу картинкой вниз.

– О нет, – пробормотала Тоби, глядя на разбитое стекло. – Прости, Дэн.

– Ничего страшного, просто нужно будет поменять рамку, – опустившись на колени, он собрал осколки и выкинул в мусорную корзину. Затем поднялся и, снова зардевшись, взглянул на нее.

– Тоби, я… не ожидал…

– Я тоже…

– Но я не жалею.

– Правда?

Дворак помолчал, словно обдумывая искренность последнего заявления. И повторил твердо:

– Совсем не жалею.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Затем она улыбнулась и прижалась губами к его губам.

– Знаешь, – шепнула она. – И я не жалею.

Держась за руки, они перешли Олбани-стрит и вернулись в больницу. Тоби удивлялась: ее ссадины и ушибы совсем не болели, все внимание было приковано к мужчине, который держал ее за руку. В лифте они снова целовались и продолжали целоваться, даже когда открылась дверь.

Мимо них пробежала испуганная медсестра, толкая грохочущую тележку с реанимационным набором. «А теперь-то что?» – подумала Тоби.

Сестра свернула за угол и исчезла в следующем коридоре. Громкоговоритель прохрипел:

– Угроза жизни, палата триста одиннадцать…

Тоби и Дворак тревожно переглянулись.

– Это палата Молли? – спросила она.

– Не помню…

Он поспешил вслед за медсестрой. Тоби со своими перевязанными коленками не поспевала за ним. Он остановился возле одной из палат и заглянул в дверь.

– Это не Молли, – сообщил он подошедшей Тоби. – Это в соседней палате.

Краем глаза Тоби заметила, что в палате настоящий переполох.

Доктор Маркс проводила сердечно-легочную реанимацию. Человек в больничной униформе отдавал распоряжения, а медсестра искала что-то в ящиках тележки. Самого пациента из-за скученности видно не было, единственное, что удалось разглядеть Тоби, это худая нога, торчавшая из-под одеяла, – совершенно безымянная и бесполая.

– Без нас там обойдутся, – пробормотал Дворак.

Тоби кивнула и подошла к палате Молли. Тихонько постучав, она открыла дверь.

Там горел свет. Кровать была пуста.

Тоби взглянула в сторону ванной – тоже пусто. Она снова посмотрела на кровать. Она вдруг поняла, что стойка с капельницей никуда не девалась, а пластиковая трубка свободно болтается на ней, и на ней по-прежнему висит внутривенный катетер. На полу поблескивала небольшая лужица водного раствора глюкозы.

– Где она? – удивился Дворак.

Тоби открыла дверцу стенного шкафа. Одежда Молли исчезла. Она выскочила в коридор и заглянула в палату № 311, где все еще продолжалась реанимация.

– Молли Пикер сбежала из больницы! – выпалила она.

Медсестра взглянула на Тоби, ей сейчас было явно не до того:

– Я занята! Позовите охрану.

Дворак вытащил Тоби из палаты:

– Пошли посмотрим в вестибюле.

Они побежали к лифту. Внизу обнаружился охранник, сторожівший центральный вход.

– Мы ищем девушку, – объяснил Дворак. – Лет шестнадцати. Длинные русые волосы, в плаще. Не видели, не выходила она?

– По-моему, она ушла несколько минут назад.

– В какую сторону пошла?

– Не знаю. Через главный вход прошла, это да. А куда дальше, я не смотрел.

Тоби вышла на крыльцо. В лицо ударил дождь. Мокрый асфальт тянулся вдаль блестящей лентой.

– Это было всего несколько минут назад, – сказал Дворак. – Она не могла уйти далеко.

– Пошли в мою машину, – скомандовала Тоби. – У меня там телефон.

Первый круг по кварталу не выявил никаких следов Молли. Они ехали молча, под скрип снующих взад-вперед «дворников», внимательно оглядывая тротуары.

На втором круге Дворак заметил:

– Нам стоит вызвать полицию.

– Они напугают ее. Увидев полицейских, она сбежит.

– Она уже сбежала.

– А ты удивлен? Она боится этого Роми. А в больнице она – легкая добыча.

– Мы могли бы договориться о защите.

– Дэн, она не верит полиции.

Тоби объехала квартал еще раз, затем решила увеличить круг поиска. Она медленно поехала на север по Гаррисон-стрит. Если девушка захотела бы укрыться в толпе, она отправилась бы сюда, на оживленные улочки Чайна-тауна.

Двадцать минут спустя Тоби все же подрулила к тротуару.

– Ничего не выйдет. Эта девушка не хочет, чтобы ее нашли.

– Думаю, пора звонить в полицию.

– Чтобы арестовать ее?

– Ты ведь согласна, что она представляет опасность сама для себя, верно?

Подумав, Тоби кивнула.

– С таким давлением у нее снова может начаться припадок. Может быть инсульт.

– Этого достаточно. – Дворак потянулся к телефону.

Пока он звонил, Тоби смотрела в окно, размышляя о том, какой ужас – плестись под этим дождем; ледяные струйки стекают в туфли, проникают за воротник. И подумала, что в машине ей относительно комфортно. Кожаные сиденья. Кондиционер, тихо урча, гонит теплый воздух.

«Шестнадцать лет. А я могла бы в таком возрасте выжить на улице?»

А вдобавок девушка беременна, и ее давление – бомба с часовым механизмом.

Дождь за окном припустил сильнее.

19

В переулке за индийским ресторанчиком, расположенным в четырех кварталах оттуда, в картонной коробке пряталась Молли Пикер. Время от времени до нее долетали запахи с кухни – незнакомые пряные ароматы, от которых рот наполнялся слюной. Но ветер менялся, и в следующий миг ее обдавало смрадом ближайшей помойки; от вони протухшей пищи Молли прямо-таки выворачивало.

Ее желудок метался между голодом и тошнотой. Она сжалась поплотнее. Дождь намочил картонную коробку, и она стала оседать, ложась на плечи Молли противной отсыревшей мантией.

Задняя дверь ресторанчика открылась, и Молли зажмурилась от неожиданно яркого света, залившего переулок. Вышел человек в тюрбане, вытащил два мешка с мусором и отнес их на помойку. Он поднял металлическую крышку, швырнул туда мешки и с грохотом закрыл бак.

Молли чихнула.

По резко наступившей тишине она поняла, что он ее услышал. Его силуэт медленно приблизился к коробке, голова в тюрбане выглядела пугающе огромной. Он уставился на Молли, а Молли – на него.

– Я есть хочу, – призналась она.

Она заметила, как он взглянул в сторону кухни, затем кивнул.

– Подожди, – сказал он и пошел назад.

Через минуту он появился вновь с теплым свертком в салфетке. Внутри была булочка – ароматная и мягкая, как пуховая подушечка.

– А теперь уходи, – совсем не сердито проговорил он. Это был не приказ, а, скорее, доброе предложение. – Тебе нельзя здесь оставаться.

– Мне некуда идти.

– Ты хочешь, чтобы я позвонил кому-то?

– Некому звонить.

Он посмотрел вверх. Дождь стих, сменившись мелкой моросью, и смуглое лицо человека в тюрбане блестело от влаги.

– Я не могу отвести тебя внутрь, – сказал он. – В трех кварталах отсюда есть церковь. Когда холодно, они пускают людей переночевать.

– Какая церковь?

Он пожал плечами, словно для него все христианские церкви были на одно лицо.

– Иди по той улице. И увидишь ее.

Дрожа, Молли с трудом поднялась на ноги; от сидения в коробке все затекло.

– Спасибо, – пробормотала она.

Человек не ответил. Еще не успев покинуть переулок, она услышала, как за ним захлопнулась дверь ресторана. Дождь припустил снова.

Молли двинулась в указанном направлении, жадно поедая хлеб. Она никогда в жизни не ела такой вкусный хлеб; он казался воздушным, как облачко. «Однажды, – думала она, – я отплачу за его доброту». Молли помнила людей, которые были к ней добры, и всегда держала этот список в голове. Женщина в винном магазине, которая угостила ее вчерашним хот-догом. Человек в тюрбане. И эта доктор Харпер. Ни у кого из них не было причин делать Молли добро, однако они делали. Они были ее ангелами-хранителями, святыми.

Иногда она мечтала разбогатеть. Сунуть пачку денег в конверт и отдать этому человеку в тюрбане. Может, он тогда уже постареет. Молли вложит туда записку. «Спасибо за хлеб». Он, конечно, ее не вспомнит. Но она будет помнить его.

«Я не забуду. Никогда не забуду».

Она замерла; ее взгляд был прикован к зданию через дорогу. Под большим белым крестом она увидела слова: «Миссионерская организация „Пристанище“. Добро пожаловать». Над дверью горел фонарь, тепло и призывно.

Некоторое время Молли не могла двинуться с места, глядя на сияние, выманивающее ее из темноты дождливой ночи. Сходя с тротуара и направляясь на другую сторону улицы, девушка ощутила странную радость.

– Молли! – окликнули ее.

Она застыла. Ее перепуганный взгляд метнулся на звук. Это был женский голос, и шел он из фургона, стоявшего у церкви.

– Молли Пикер! – позвала женщина. – Я хочу помочь тебе.

Молли отступила, готовая к бегству.

– Иди сюда. Я могу отвезти тебя в теплое место. Безопасное место. Залезай в машину.

Молли покачала головой. Она медленно попятилась; ее внимание было так поглощено женщиной, что она даже не услышала звука шагов за спиной.

Чья-то рука зажала ей рот, подавив крик, и запрокинула ей голову с такой силой, что хрустнули позвонки. И тогда она унюхала его, Роми, его тошнотворно сладкий лосьон после бритья.

– Угадай, кто это, Молли-Дуролли, – пробурчал он. – Я за тобой гоняюсь весь долбаный день.

Девушка изворачивалась и сопротивлялась, но ее все равно тащили на другую сторону улицы. Дверь фургона открылась, и другая пара рук втащила Молли внутрь, швырнула на пол, а потом замотала липкой лентой лодыжки и запястья.

Взвизгнув шинами, фургон рванул вперед. В свете мелькавших за окном фонарей Молли разглядела сидевшую рядом женщину – миниатюрную брюнетку с быстрыми глазами и короткой стрижкой. Она положила руку на округлый живот Молли и удовлетворенно вздохнула, улыбнувшись страшной мертвенной улыбкой.

– Нам лучше вернуться, – заметил Дворак. – Мы ее не найдем.

Они уже час кружили по улицам, осмотрев каждую из них по меньшей мере дважды. Сейчас они сидели в машине Тоби, слишком измотанные для разговоров, от их дыхания затуманивались стекла. Снаружи дождь наконец утих, мостовая блестела лужами. «Надеюсь, она в безопасности, – думала Тоби. – Надеюсь, она в каком-нибудь теплом и сухом месте».

– Она знает улицы, – сказал Дворак. – Она сможет отыскать себе укрытие.

Он потянулся к Тоби и сжал ее руку в своей. Они смотрели друг на друга в темноте; оба очень устали, но никто не хотел, чтобы этот вечер кончался.

Дворак склонился к ней и только успел коснуться ее губ, как запиликал его пейджер.

– Это может быть насчет Молли, – сказала она.

Дэниел снял трубку ее автомобильного телефона, минуту спустя положил ее и вздохнул.

– Это не насчет Молли. Но наш вечер придется прервать.

– Снова на работу?

– К сожалению. Ты сможешь меня подбросить? Здесь недалеко.

– А как же твоя машина?

– Я доберусь назад на фургоне морга.

Тоби завела мотор. Они поехали на север, в сторону Чайна-тауна по мокрым от дождя улицам, светящимся разноцветными вечерними огнями.

– Вот, – сказал Дворак. – Чуть-чуть вперед.

Она уже заметила проблесковые маячки. Три патрульные машины бостонской полиции были беспорядочно припаркованы возле китайского ресторана. Белый фургон с надписью «Штат Массачусетс» задом выезжал на Напп-стрит.

Тоби притормозила за одной из патрульных машин, и Дворак вышел.

– Если что-нибудь узнаешь про Молли, позвонишь? – спросила она.

– Позвоню. – Он улыбнулся, махнул ей на прощание и двинулся к заградительной ленте.

Полицейский узнал его и жестом пригласил пройти.

Тоби потянулась к ручке передач, но затем передумала и осталась наблюдать за собравшейся толпой. Даже в полночь любопытных было предостаточно. В воздухе витало странное легкомыслие, двое мужчин заключали пари, женщины смеялись. Только у полицейских был мрачный вид.

Дворак стоял прямо перед ограждением, беседуя с человеком в штатском. Детективом. Он указал в сторону переулка, затем сверился со своим блокнотом. Дворак удивленно вскинул голову. В этот момент он заметил, что Тоби еще не уехала. На глазах у недоумевающего детектива Дворак резко развернулся, поднырнул под ленту и направился к машине Тоби.

Она опустила стекло.

– Я просто хотела немного посмотреть, – сказала она. – Наверное, я так же патологически любопытна, как и все эти люди. Странное сборище.

– Да, эти сборища всегда странные.

– Что случилось в переулке?

Он склонился к окну и спокойно проговорил:

– Нашли тело. Судя по документам, его имя – Ромулус Белл.

Тоби непонимающе взглянула на него.

– Больше известен как Роми, – пояснил Дворак. – Это сутенер Молли Пикер.

Тело было распростерто на мостовой за стоявшим тут же синим «Таурусом». Левая рука была придавлена туловищем, а правая выставлена вперед, словно труп указывал на ресторан в конце переулка. «Расправа», – подумал Дворак, разглядывая входное отверстие на правом виске.

– Свидетелей нет, – сообщил детектив Скарпино. Один из старейших полицейских, которому уже недолго оставалось до пенсии, он был знаменит своими жуткими шиньонами.

И сегодня его накладная шевелюра выглядела так, словно он налепил ее впопыхах.

– Тело было обнаружено сегодня примерно в двадцать два тридцать какой-то парочкой, выходившей из китайского ресторана. Это их машина. – Скарпино указал на синий «Таурус». – Один из жильцов с верхних этажей где-то в районе десяти выходил в переулок выкинуть мусор, но тела не видел; поэтому мы полагаем, что это произошло после десяти. В бумажнике нашлось удостоверение личности. Один из патрульных узнал это имя. Он разговаривал с убитым вчера, спрашивал о той девушке, которую вы ищете.

– Белла видели в Бостонской городской больнице сегодня вечером около девяти.

– Кто видел?

– Эта девушка, Молли Пикер. Он зашел к ней в палату. – Дворак натянул резиновые перчатки и наклонился, чтобы поближе рассмотреть труп.

На вид жертве было чуть за тридцать; стройный мужчина с прямыми черными волосами, напомаженными и уложенными а-ля Элвис. Его кожа была еще теплой, а вытянутая рука – загорелой и мускулистой.

– Простите, что говорю так, док, но это выглядит не слишком уместно.

– Что именно?

– Что вы разъезжаете с этой врачихой.

Дворак выпрямился и повернулся к Скарпино.

– То есть?

– Она под следствием. И, я слышал, ее мать не выкарабкается.

– А что еще вы слышали?

Скарпино запнулся, оглядываясь на толпу в переулке.

– Есть новое обстоятельство. Ребята Альпрена прочесывают аптеки по городу. Он охотится за чем-то действительно веским. Если ее мать умрет, дело будет рассматриваться как убийство, и тогда будет и вправду неловко, что вы с ней вместе приезжаете на место преступления.

Дворак снял перчатки, неожиданно разозлившись на Скарпино. Те часы, которые он только что провел рядом с Тоби, заставили его усомниться в ее способности к насилию, и уж тем более – к насилию в отношении собственной матери.

– Черт, там повсюду репортеры, – продолжал Скарпино. – Они вас знают. А скоро и доктора Харпер будут узнавать в лицо. Они припомнят, что видели вас вместе, и – пуф! Пожалуйте на их долбаные первые полосы.

«Он прав», – подумал Дворак. И разозлился еще больше.

– Это выглядит нехорошо, – сказал Скарпино, подчеркивая каждое слово.

– Ее пока не обвинили ни в каком преступлении.

– Вопрос времени. Поговорите с Альпреном.

– Послушайте, мы можем перейти к текущему делу?

– Да, разумеется. – Скарпино с отвращением взглянул на Ромулуса Белла. – Я просто хотел дать вам маленький совет, док. Такому парню, как вы, не нужны неприятности. А женщина, которая избивает собственную мать…

– Скарпино, окажите мне услугу.

– Да?

– Не суйте свой чертов нос не в свое дело.

В ту ночь Тоби легла спать в постель Элен. Вернувшись из кричаще-пестрого Чайна-тауна, она вошла в дом и ощутила, что попала в безмолвное, безвоздушное пространство. Она чувствовала себя зажатой в этих стенах. Погребенной.

У себя в спальне она включила радио – классическую музыку для полуночников, и прибавила громкость так, чтобы было слышно даже под душем. Сейчас она отчаянно нуждалась в музыке, голосах – хоть в каком-нибудь звуковом фоне.

Когда Тоби вышла из душа, вытирая полотенцем мокрые волосы, музыка уже закончилась, сменившись шипением. Она выключила радио. В наступившей тишине нестерпимо ощущалось отсутствие Элен – остро, как физическая боль.

Тоби прошла по коридору в комнату мамы.

Не включая свет, она так и стояла в полутьме, вдыхая запах Элен – чуть сладковатый, как аромат летних цветов, которые мама так любовно растила. Розы и лаванды.

Она открыла стенной шкаф и рассеянно коснулась одного из висевших там платьев. Она узнала его на ощупь: летнее льняное платье, совсем старое. Тоби припомнила, что Элен надевала его на выпускной вечер Вики. И вот оно здесь, висит среди других вещей, которые Элен копила годами. «Когда в последний раз я водила тебя по магазинам? Не помню. Не помню, когда в последний раз покупала тебе платье…»

Она закрыла дверцу шкафа и села на кровать. Несколько дней назад она сменила белье в надежде, что мама скоро вернется домой. Теперь Тоби почти жалела об этом: постель источала безликий запах стирального порошка, все следы маминого пребывания были сорваны вместе с простынями. Тоби легла, думая обо всех тех ночах, которые провела здесь Элен. Пытаясь уловить в воздухе невидимые следы ее присутствия.

Она закрыла глаза, сделала глубокий вдох. И уснула.

Утром ее разбудил звонок Вики. Телефон успел прозвонить восемь раз, прежде чем Тоби доковыляла до своей спальни и сняла трубку. Спросонья она плохо понимала, что говорит сестра.

– Нужно принимать решение, Тоби, но я не могу сделать это сама. Мне такое не по плечу.

– Какое решение?

– Мамин аппарат искусственного дыхания. – Вики поперхнулась. – Они хотят отключить его.

– Нет! – С Тоби мигом слетели остатки сна. – Нет.

– Они сделали вторую ЭЭГ и сказали, что это…

– Я еду. Не позволяй им ничего трогать. Слышишь, Вики? Не давай им трогать этот проклятый аппарат.

Через сорок пять минут она входила в отделение реанимации. Вики стояла возле бокса Элен, а рядом с ней – доктор Стейнглас. Тоби сразу направилась к матери, наклонилась и шепнула:

– Я здесь, мама. Я рядом.

– Сегодня утром сделали вторую ЭЭГ, – сказал доктор Стейнглас. – Активность отсутствует. Новое кровоизлияние ухудшило картину. У нее отсутствует спонтанное дыхание, вдобавок…

– Не думаю, что нам стоит обсуждать это прямо здесь, – возразила Тоби.

– Я понимаю, что это нелегко, – произнес Стейнглас. – Но ваша мама все равно не понимает ничего из того, что мы сейчас говорим.

– Я не собираюсь разговаривать на эту тему. Во всяком случае не здесь, – отрезала Тоби и вышла из бокса.

В маленькой совещательной комнате отделения интенсивной терапии она сели за стол – мрачно молчащая Тоби и готовая разрыдаться Вики. Доктор Стейнглас, которого Тоби считала компетентным, но бесстрастным человеком, чувствовал себя явно неуютно в новой роли семейного советника.

– Прошу прощения, что поднял этот вопрос, – начал Стейнглас. – Но он действительно назрел. Прошло четыре дня, а мы не видим никаких улучшений. Обе ЭЭГ не выявили никакой активности. Кровоизлияние было обширным, мозг перестал работать. Аппарат искусственного дыхания… всего лишь тянет время. – Он помолчал и добавил: – Я действительно считаю, что так было бы гуманнее.

Вики посмотрела на сестру, затем снова на Стейнгласа.

– Если вы и впрямь думаете, что шансов нет…

– Он не знает, – возразила Тоби. – Никто этого не знает.

– Но она страдает, – проговорила Вики. – Эта трубка у нее в горле, все эти иголки…

– Я против отключения аппарата.

– Я только думаю, чего бы хотела мама…

– Не тебе решать. Не ты за ней ухаживаешь.

Вики съежилась и широко раскрыла глаза, словно от удара.

Тоби схватилась за голову.

– Боже, прости меня. Я не это хотела сказать.

– Мне кажется, ты именно это и хотела сказать. – Вики поднялась. – Хорошо, тогда решай сама. Раз ты считаешь, что только ты любишь ее.

Она вышла из комнаты. Почти сразу за ней последовал и доктор Стейнглас.

Тоби все еще сидела, опустив голову, ее била дрожь от злости и отвращения. К самой себе. К женщине, называвшей себя Джейн Нолан. «Черт возьми, мне бы только найти тебя, остаться бы хоть на минуту с тобой наедине».

К обеду гнев и адреналин выветрились окончательно. У Тоби не было сил даже на попытку отыскать Дворака; сейчас ей вообще не хотелось ни с кем говорить. Она сидела у постели Элен, откинувшись на спинку стула и закрыв глаза, но не могла избавиться от образа лежавшей рядом матери. Каждый раз, слыша тихое шипение аппарата искусственного дыхания, она представляла, как поднимается и опускается грудь Элен. Легкие наполняются воздухом. Обогащенная кислородом кровь устремляется от легочных альвеол к сердцу, а затем к мозгу, где и циркулирует бессмысленно и бесполезно.

Она услышала, как кто-то вошел в бокс; открыв глаза, она увидела доктора Стейнгласа, стоявшего у изножья кровати.

– Тоби, – тихо проговорил он. – Я знаю, что это очень тяжело для вас. И все же мы должны принять решение.

– Я не готова.

– Мы в сложном положении. Отделение переполнено. А если поступит, к примеру, инфаркт, нам потребуется место. – Он помедлил. – Мы

продержим ее на искусственном дыхании, пока вы не примете решение. Но и вы войдите в наше положение.

Тоби промолчала. Не сводя глаз с Элен, она думала: «Какая же ты хрупкая. И с каждым днем будто бы становишься еще тоньше».

– Тоби!

Она взглянула на Стейнгласа.

– Мне нужно еще немного времени. Я должна быть уверена.

– Я могу прислать к вам невропатолога.

– Советов мне больше не требуется.

– Возможно, требуется. Может быть…

– Пожалуйста, просто оставьте меня в покое!

Доктор Стейнглас отступил, удивившись злости в ее голосе. Несколько медсестер наблюдали за их разговором из коридора.

– Извините, – опомнилась Тоби. – Подождите немного. Мне нужно время. Еще один день.

Она взяла сумочку и вышла из отделения, ощущая, что сестры продолжают следить за каждым ее шагом.

«Куда мне теперь идти? – думала она, садясь в лифт. – Как мне бороться, когда нападают со всех сторон?»

Противник, словно гигантский спрут, окружил ее множеством щупалец. Детектив Альпрен. Джейн Нолан. Ее давний противник Даг Кэри.

И Валленберг. Сначала она поставила его в неловкое положение, потребовав вскрытия. Затем принялась доставать неприятными расспросами о пациентах с БКЯ. Она, разумеется, нажила себе врага, но до сих пор, насколько она могла судить, не нанесла ему особого вреда.

«Тогда почему Казаркин Холм так ополчился на меня? Что они пытаются скрыть?»

Лифт остановился на втором этаже, чтобы впустить пару финансовых клерков, чей рабочий день как раз подошел к концу. Тоби взглянула на часы и увидела, что уже шестой час; официально наступили выходные.

Она мельком заглянула в коридор административного отдела, и ее вдруг осенило.

Выскочив из лифта, Тоби направилась к медицинской библиотеке. Дверь была еще не заперта, но весь народ уже разошелся. Она включила справочный компьютер.

Загорелся экран поисковой системы «Медлайн».

В графе «Имя автора» она набрала: Валленберг, Карл.

Появились названия пяти статей, перечисленные в обратном порядке. Самая свежая была трехлетней давности, вышла в журнале «Клеточная трансплантация»: «Васкуляризация при введении клеточной суспензии нейротрансплантата крысам». Были здесь и соавторы: врач Гидеон Ярборо и кандидат наук Моника Траммель.

Тоби уже собиралась перейти к следующей статье, но ее взгляд внезапно зацепился за одно из имен – Гидеон Ярборо. Она вспомнила лысого человека на похоронах Роби, высокого, элегантного, который попытался выступить миротворцем в ее споре с Валленбергом. И Валленберг назвал его Гидеоном.

Тоби перешла к справочному столу и достала с полки «Перечень специалистов по медицине». В разделе «Хирургия» она обнаружила следующее:

«Ярборо, Гидеон. Нейрохирург.

Бакалавриат: биология, Дартмут. Законченное высшее: Йельский университет.

Стажировка: больница Хартфорд, общая хирургия: нейрохирургия под руководством Питера Бента Брайэма.

Аттестован в 1988 году.

Аспирантура: Научно-исследовательский институт старения Росслин, Гринвич, Коннектикут.

Текущая практика: Уэллесли, Массачусетс, Центр хирургии Ховарт».

Институт Росслин. В этом заведении когда-то работал и Валленберг. Роби Брэйс говорил, что Валленберг ушел из Росслина из-за какого-то скандала с женщиной и еще одним коллегой. Любовный треугольник.

Мог Ярборо быть тем третьим?

Она перетащила справочник к компьютеру и на этот раз в графе «автор» набрала имя Ярборо.

Появилось несколько статей, среди них уже виденная из «Клеточной трансплантации». Тоби перешла к первой статье, опубликованной шесть лет назад, и прочла краткий обзор. Здесь описывались эксперименты с фрагментами мозговой ткани крысиных зародышей, разделенной на отдельные клетки с помощь энзима трипсина; затем они вводились в мозг взрослых крыс. Пересаженные клетки благополучно приживались, образуя работоспособные колонии, снабженные новыми кровеносными сосудами.

Холодок побежал у нее по спине.

Тоби щелкнула на следующую статью – из «Журнала экспериментальной нейробиологии». Имена соавторов Ярборо были ей незнакомы. Статья называлась «Морфофункциональная интеграция трансплантированных эмбриональных клеток мозга у крыс». Здесь вреза с кратким содержанием не было.

Тоби просмотрела заголовки других статей:

«Механизмы взаимодействия вживленных эмбриональных тканей с мозгом реципиента у крыс».

«Забор эмбриональных клеток мозга у крыс в разные периоды гестации».

«Криоконсервация эмбриональных мозговых трансплантатов у крыс». К этой статье прилагался врез: «После 90-дневного содержания в жидком азоте эмбриональные мезенцефальные клетки показали значительно сниженную выживаемость в сравнении со свежими. Для наилучшей приживаемости требуется обеспечить немедленную пересадку свежезабранных эмбриональных тканей мозга».

Тоби уставилась на последние слова: «свежезабранных эмбриональных тканей мозга».

Холод сковал спину.

Она щелкнула на последнюю статью – трехлетней давности:

«Пересадка эмбриональных гипофизарных тканей у престарелых обезьян: возможность продления жизни». Авторами числились Ярборо, Валленберг и кандидат наук Моника Траммель.

Это была их последняя совместная публикация; вскоре после этого Валленберг и его партнеры покинули Росслин. Возможно, причиной тому были их спорные исследования?

Тоби встала и подошла к библиотечному телефону. Пока она набирала номер Дворака, сердце ее учащенно билось. К телефону никто не подходил. Она взглянула на часы – 4.45. Включился автоответчик: «Это Дэн. Пожалуйста, назовите свое имя и номер телефона…»

– Дэн, сними трубку, – взмолилась Тоби. – Пожалуйста, сними трубку. – Она помолчала в надежде услышать живой голос, но напрасно. – Дэн, я в больнице Спрингер, в медицинской библиотеке, добавочный номер два пять семь. Тебе стоит взглянуть на то, что здесь есть на «Медлайне». Прошу тебя, пожалуйста, перезвони мне быстрее…

Дверь библиотеки открылась.

Тоби обернулась и увидела заглянувшего в дверь охранника. Похоже, мужчина был удивлен не меньше, чем она.

– Мэм, я должен запереть помещение.

– Вы видите, я звоню.

– Заканчивайте звонок. Я подожду.

Тоби разочарованно повесила трубку и вышла из библиотеки. И лишь дойдя до лестницы, она вспомнила, что не выключила компьютер.

Сев в машину, она решила позвонить Двораку по прямому номеру на работу. И снова попала на автоответчик. На этот раз никаких сообщений она решила не оставлять.

Тоби яростно крутанула зажигание и выехала со стоянки. Ведя машину исключительно по привычке, она полностью погрузилась в размышления над тем, что вычитала на «Медлайне». Нейротрансплантаты. Эмбриональные клетки мозга. Продление жизни.

Так вот над чем трудился Валленберг в Росслине. А его партнером был Гидеон Ярборо, нейрохирург, нынче практикующий где-то в Уэллесли.

Тоби свернула на заправку и попросила у продавца телефонный справочник Уэллесли.

В «Желтых страницах» в разделе «Медицинская помощь» она нашла то, что искала:

«Центр хирургии Ховарт

Многопрофильная помощь

1388, Айсли-стрит»

Ховарт. Это название встречалось в карте Гарри Слоткина. Когда Роби привозил ее в Казаркин Холм посмотреть на историю болезни Гарри, она видела это название в перечне назначений:

«Предоперационно – валиум и транспортировка в Центр хирургии Ховарт в Уэллесли в шесть часов утра».

Она вернулась в машину и поехала в сторону Уэллесли.

Когда Тоби добралась до Ховарта, у нее в мыслях уже наступила ясность, и картина складывалась поистине чудовищная.

В спустившихся сумерках, поставив машину на другой стороне улицы, она пригляделась к неприметному двухэтажному зданию. Оно сильно обросло кустарником и деревьями; небольшая стоянка перед входом пустовала. В верхних окнах свет не горел; фойе и приемная, расположенные внизу, были освещены, однако никакого движения не наблюдалось.

Тоби вылезла из машины и подошла к главному входу. Двери были заперты. В окне была вывешена табличка с именами врачей:

«Мерль Ламм, акушерство и гинекология

Лоренс Ромингтон, общая хирургия

Гидеон Ярборо, нейрохирургия».

Интересно, подумала она. Вроде бы Гарри Слоткина возили сюда из-за искривленной носовой перегородки. Однако ни один из этих врачей не был отоларингологом.

Откуда-то изнутри здания доносилось тихое гудение. Отопление? Генератор? Тоби не смогла определить, что это за звук.

Она обошла здание, однако густые заросли не позволяли ничего разглядеть через окна. Гудение неожиданно стихло, наступила полная тишина. Тоби завернула за угол и позади здания обнаружила небольшую мощеную площадку. Тут стояли три автомобиля.

И один из них – темно-синий «Сааб». Машина Джейн Нолан. Задняя дверь здания тоже была заперта.

Тоби вернулась в машину и еще раз попыталась застать Дворака на службе по прямой линии. Она не слишком надеялась на ответ, поэтому даже вздрогнула, услышав резкое «Да!»

Она взахлеб затараторила:

– Дэн, я знаю, чем занимается Валленберг. Знаю, как заражаются его пациенты…

– Тоби, послушай меня. Немедленно звони своему адвокату.

– Это не инъекции гормонов. Они пересаживают гипофизарные клетки из эмбриональных тканей мозга. Но что-то пошло не так. Каким-то образом они занесли БКЯ. А теперь пытаются скрыть это, скрыть катастрофу, чтобы она не всплыла на поверхность…

– Да послушай же меня! У тебя серьезные неприятности.

– Что такое?

– Я только что говорил с Альпреном. – Дворак помолчал, потом тихо продолжил: – Они выписали ордер на твой арест.

С минуту она сидела, молча разглядывая дом напротив. «Опять они опередили меня, – думала Тоби. – Они все время на шаг впереди».

– Вот что, по-моему, тебе стоит сделать, – снова заговорил он. – Позвони своему адвокату. Попроси, чтобы он поехал с тобой в полицию, в участок на Беркли-стрит. Дело будет передано туда.

– Почему?

– Из-за твоей мамы… ее состояния.

Убийства – вот что он имел в виду. Вскоре это будет признано убийством.

– Не надо ждать, пока Альпрен арестует тебя дома, – продолжал Дворак. – Это станет лакомым куском для акул из СМИ. Сдайся добровольно, и чем быстрее, тем лучше.

– Почему они выписали ордер? Почему именно сейчас?

– Они раздобыли новые улики.

– Какие улики?

– Тоби, приезжай. Я могу тебя встретить, поедем вместе.

– Я никуда не поеду, пока не узнаю, что это за улики.

Дворак замялся.

– Фармацевт из аптеки недалеко от твоего дома сказала, что заполняла рецепт для твоей мамы. Шестьдесят таблеток кумадина. Она сказала, что ты продиктовала назначение по телефону.

– Это ложь.

– Я всего лишь передаю тебе ее слова.

– Откуда ей знать, что это я звонила? Любая другая женщина могла представиться моим именем. Это могла быть Джейн. Откуда она знает?

– Тоби, мы все уладим, я обещаю. Но сейчас тебе лучше поехать туда добровольно. И безотлагательно.

– И что? Провести ночь за решеткой?

– Если ты не приедешь сама, тебя могут продержать там в течение нескольких месяцев.

– Я не причиняла зла своей матери.

– Тогда приезжай и скажи это Альпрену. Чем дольше будешь тянуть, тем хуже для тебя. Я буду ждать здесь. Пожалуйста, приезжай.

Тоби была слишком подавлена, чтобы спорить, и слишком устала, чтобы обдумывать сейчас свои будущие действия. Позвонить адвокату. Поговорить с Вики. Договориться, чтобы оплатила счета, присмотрела за домом и отогнала машину. И деньги – нужно будет снять деньги с пенсионного счета. Адвокаты недешевы…

– Тоби, ты поняла, что тебе надо сделать?

– Да, – прошептала она.

– Я сейчас собираюсь уходить с работы. Где встретимся?

– В полиции. Скажи Альпрену, что я еду. Скажи, пусть никого не посылает ко мне в дом.

– Как скажешь. Я тебя жду.

Кладя трубку, Тоби заметила, что у нее затекли пальцы – так крепко она ее держала. «Вот гром и грянул», – подумала она. И стала мысленно готовиться к предстоящим испытаниям. Отпечатки пальцев. Снимки в полицейское досье. Репортеры. Если бы только она могла куда-то спрятаться, собраться с силами. Но времени уже не было, ее ждали в полиции.

Тоби потянулась к зажиганию и уже готова была повернуть ключ, когда заметила краем глаза свет фар. Обернувшись, она увидела, что «Сааб» Джейн отъезжает от Ховарта.

Когда Тоби развернула свой «Мерседес», «Сааб» почти скрылся за поворотом. Паникуя, что потеряет его, она вильнула за угол. Задние фары «Сааба» снова появились в поле зрения. Тоби тут же сбросила газ, позволяя жертве оторваться, но не исчезнуть из вида. На следующем перекрестке «Сааб» свернул налево.

Через несколько секунд то же самое сделала и Тоби.

«Сааб» направлялся на запад, кружа по самым фешенебельным кварталам Уэллесли. За рулем сидела не Джейн, а какой-то мужчина, Тоби видела его силуэт в свете встречных фар. Полностью отдавшись погоне, Тоби почти не смотрела по сторонам: железные ворота, высокие изгороди и огни многооконных домов пролетали мимо. «Сааб» прибавил скорость, его фары растворялись в ночи. С поперечной улицы вылез грузовик и встрял между «Саабом» и Тоби.

Она раздраженно засигналила. Грузовик сбросил газ и принял вправо. Тоби пошла на обгон и наконец выскочила перед ним.

Дорога была пуста.

Проклиная все на свете, она вглядывалась в темноту, ища огоньки «Сааба». Они обнаружились далеко справа. «Сааб» свернул на частную дорогу и теперь мелькал среди плотно стоящих деревьев.

Ударив по тормозам, Тоби метнулась на ту же дорогу, и остановилась, чтобы немного успокоиться, – сердце молотом ухало в груди. Фары «Сааба» исчезли за деревьями, но теперь Тоби уже не боялась его потерять: похоже, дорога была единственной в этих местах.

У въезда висели почтовый ящик и красный флажок. Тоби вышла из машины и заглянула в ящик. Там лежали два конверта – коммунальные платежи. На обоих в обратном адресе значилась фамилия Траммель.

Вернувшись в машину, она перевела дух. Оставив только габариты, Тоби выключила фары и медленно поехала вперед. Дорога петляла по лесу, спускаясь по невысокому холму. Тоби все время придерживала тормоз, позволяя машине осторожно и плавно входить в крутые повороты, которые были едва видны в тусклом свете габаритных огней. Дорога казалась бесконечной, и неизвестно, что ждало Тоби впереди; она видела только мелькающие за густой зеленью огоньки. «Все дальше в логово врага», – промелькнуло у нее в голове. Но отступать она не собиралась – боль и ярость последних недель гнали ее вперед. Смерть Роби. Неизбежная смерть Элен. «Живите своей жизнью», – в насмешку сказал ей Валленберг.

«Вот она, моя жизнь. Все, что от нее осталось».

Заросли расступились, дорога кончилась. Тоби свернула на обочину. Шины скользнули по сосновым иголкам. Она заглушила мотор.

В темноте маячило здание. Верхние окна были освещены, в одном из них промелькнул женский силуэт, затем снова кто-то – вероятно, женщина – взволнованно зашагал по комнате. Тоби узнала этот профиль.

Джейн. Неужели она здесь живет?

Тоби подняла глаза – высокое здание заслоняло половину неба. Она насчитала четыре дымохода; ниже поблескивали окна третьего этажа. Может, Джейн гостит здесь? Или работает?

В окне появился светловолосый мужчина, водитель «Сааба»; он говорил с Джейн. Мужчина посмотрел на свои часы, затем развел руками: мол, откуда мне знать. Джейн, казалось, разволновалась еще больше, а может, даже разозлилась. Она пересекла комнату и подошла к телефону.

Тоби выудила из своей медицинской сумки фонарик и вышла из машины.

«Сааб» стоял возле главного входа. Тоби хотелось узнать, кто его владелец, на кого работает Джейн. Она подошла к машине и посветила фонариком через окно. Внутри было чисто, ни единого клочка бумаги. Она дернула ручку пассажирской дверцы – не заперто. В бардачке нашлись документы на машину, выписанные на имя Ричарда Траммеля. Нажав на кнопку, она открыла крышку багажника и обошла машину. Наклонившись вперед, она посветила фонарем в багажник.

Сзади послышался хруст веток и шуршание в подлеске. А потом – низкое грозное рычание.

Обернувшись, Тоби увидела летящего на нее добермана со сверкающими зубами.

Пес наскочил с такой силой, что она растянулась и инстинктивно закрылась руками. Собачьи зубы вонзились в предплечье, прокусывая чуть ли не до кости. Тоби вскрикнула, отбиваясь, но доберман не отпускал. Вместо этого он принялся мотать головой, разрывая плоть. Ослепленная болью, она свободной рукой схватила пса за горло и попыталась немного придушить, но его зубы только глубже впивались в руку. Лишь когда она полоснула ногтями по его глазам, пес взвыл и выпустил ее.

Тоби откатилась в сторону, вскочила и, зажимая кровоточащую руку, бросилась к своей машине.

Доберман прыгнул снова. От удара в спину Тоби рухнула на колени. На этот раз ему удалось ухватить лишь рубашку, ткань затрещала. Тоби с силой оттолкнула его и услышала, как пес налетел на «Сааб». Однако через мгновение он снова поднялся и приготовился к новой атаке.

– Лежать! – раздался окрик.

Тоби, шатаясь, поднялась на ноги, но до своей машины добраться так и не сумела. На этот раз человеческие руки схватили ее и бросили лицом на капот «Сааба».

Доберман заходился в диком лае, требовал, чтобы ему позволили завершить расправу.

Тоби дергалась, пытаясь вырваться. Последнее, что она видела – луч фонарика, описавший дугу в темноте. Удар пришелся ей в висок, она покачнулась. И почувствовала, что падает, проваливается в черноту.

Холодно. Очень холодно.

Словно сквозь толщу ледяной воды Тоби всплывала к реальности. Поначалу она не чувствовала ни рук, ни ног, даже не могла понять, где они и вообще остались ли на своих местах.

Дверь хлопнула, изрыгнув череду странных металлических отзвуков. Они показались Тоби колокольным звоном. Она застонала и перекатилась на бок. От пола веяло ледяным холодом. Свернувшись калачиком и дрожа, Тоби попыталась собраться с мыслями и вернуть чувствительность онемевшим конечностям. Вдобавок в поврежденную руку вгрызалась боль. Тоби открыла глаза и зажмурилась от нестерпимо яркого света.

Рубашка была в крови. Вид крови окончательно привел ее в чувство. Она уставилась на разодранный, набухший красным рукав.

Доберман.

Вместе с воспоминанием о его зубах вернулась и боль, да с такой силой, что Тоби едва снова не лишилась чувств. Она изо всех сил старалась не терять сознание. Перекатившись на спину, Тоби ударилась о ножку стола. Сверху что-то упало и закачалось над головой. Она подняла глаза и увидела голую руку, свисавшую со стола, кончики пальцев болтались прямо перед ее носом.

Ахнув, она перекатилась назад и с трудом поднялась на колени. Головокружение длилось лишь несколько секунд, затем ужасающая картина обрела четкость.

На столе лежало тело, укрытое клеенкой. Из-под нее торчала только рука, иссиня-бледная в свете флуоресцентных ламп.

Тоби поднялась на ноги. Голова все еще кружилась, пришлось ухватиться за край стола, чтобы не упасть. В помещении обнаружился еще один стол, на котором тоже что-то лежало под клеенкой. Кондиционер гнал поток холодного воздуха. Медленно оглядывая обстановку – стены без окон, тяжелую стальную дверь – Тоби начала понимать, где находится. Собственно, достаточно было одного только запаха.

Покойницкая, холодильник для хранения трупов.

Она снова поглядела на висящую руку, подошла к столу и откинула край клеенки.

Это был пожилой человек – его темно-каштановые волосы серебрились у корней. Плохо окрасили. Неплотно сомкнутые веки трупа приоткрывали остекленевшие голубые глаза. Отодвинув клеенку чуть дальше, Тоби увидела обнаженное тело без всяких видимых повреждений. Синяки были только на сгибе локтя, наверняка, от внутривенного укола. Между его лодыжками торчала картонная папка, на обложке которой значилось имя: Джеймс Джей Бигелоу. Тоби открыла ее и прочла записи, относившиеся к последней неделе его жизни.

Первая из них датировалась 1 ноября:

«Пациент проявил неловкость за завтраком – наливал молоко в тарелку вместо чашки; когда его спросили, нужна ли помощь, он ответил

сконфуженной и недоуменной миной. Переправлен в клинику для дальнейших наблюдений.

При осмотре: незначительный тремор. Мозжечковые исследования положительные. Других локализирующих признаков нет.

Начата подготовка к необратимой транспозиции».

Подписи не было.

Тоби силилась понять прочитанное, но из-за головной боли каждое слово давалось с трудом. Что значит последнее предложение? Подготовка к необратимой транспозиции?

Она перескочила через несколько записей – к 3 ноября:

«Пациент неспособен ходить без посторонней помощи. Результаты ЭЭГ неспецифичны. Тремор усилился, мозжечковые симптомы более выражены. Сканирование показало увеличение гипофиза, острых изменений не обнаружено».

4 ноября:

«Абсолютная потеря пространственной ориентировки. Миоклонус на резкий раздражитель. Мозжечковые функции продолжают ухудшаться. Все анализы в норме».

И наконец последняя запись, 7 ноября:

«Пациент фиксирован в четырех точках. Недержание кишечника и мочевого пузыря. Круглосуточное внутривенное введение жидкостей и седативного. Терминальная стадия. Показано вскрытие».

Тоби положила папку на голые бедра покойного. Несколько минут она разглядывала тело со странной холодной отчужденностью, отмечая серебристые волоски на груди, морщины на животе, свернувшийся в гнезде кудрявых волос увядший пенис. Интересно, осознавал ли этот человек, на что идет? Задумывался ли, что попытка жить вечно может стоить слишком дорого?

«Старость питается юностью».

Покачнувшись, Тоби оперлась на стол; от пульсирующей головной боли потемнело в глазах. На то, чтобы вновь обрести четкость изображения, ей потребовалось несколько секунд. Когда картинка прояснилась, Тоби перевела взгляд на соседний стол.

Оставив первое тело, она перешла к другому покойнику, все еще скрытому под клеенкой. И откинула ее. Несмотря на предварительный настрой, Тоби не ожидала, что картина окажется настолько чудовищной.

На столе лежало вспоротое мужское тело; грудную клетку и живот разрезали по центру, так что были видны сваленные грудой внутренние органы. После извлечения органов тот, кто проводил вскрытие, не стал возвращать их на прежнее место.

Приступ тошноты заставил ее отшатнуться. Тяжелый запах свидетельствовал о том, что этот труп оказался здесь гораздо раньше другого.

Тоби заставила себя подойти поближе и взглянуть на ярлык с личными данными. Черным маркером на нем было выведено имя – Филипп Дорр. Ни медицинской карты, никаких других документальных свидетельств об истории болезни не было.

Усилием воли Тоби взглянула ему в лицо. Это был еще один пожилой человек; брови его подернулись сединой, лицо застыло странной резиновой маской. Тоби заметила, что кожа у него за ухом разрезана. Она провела по его волосам, осторожно сдвинув скальп вперед.

Верхушка черепа отвалилась и с грохотом запрыгала по полу.

Тоби вскрикнула и отскочила. Череп покойного походил на пустую плошку. Внутри ничего не было – мозг удалили.

20

– Она приедет, – уверял Дворак, глядя, как Альпрен постукивает карандашом по столу. – Потерпите немного.

Детектив Альпрен посмотрел на часы.

– Уже два часа. Думаю, она кинула вас, док. Не стоило ей говорить.

– А вам не стоит делать поспешных выводов. Вы слишком рано оформили ордер на арест. Ведь предварительное расследование еще не закончено.

– Ну да, я должен был впустую тратить время на поиск настоящей Джейн Нолан? Я лучше арестую настоящую Тоби Харпер. Если только нам удастся ее найти.

– Дайте ей шанс сдаться. Возможно, она ждет адвоката. Может, заехала домой, чтобы уладить дела.

– Домой она не заезжала. Час назад мы посылали туда патруль. Я думаю, доктор Харпер взяла ноги в руки и смылась из города. И сейчас уже в сотне километров отсюда подумывает, как избавиться от машины.

Дворак не сводил глаз с настенных часов. Он не верил, что Тоби Харпер пустилась в бега, не из того она теста, чтобы сбегать, – скорее она станет драться. Теперь ему приходилось проверять свою интуицию, переосмысливать все, что он знал или думал о Тоби.

Альпрен был явно доволен. Дворак посрамлен; в этот раз полицейский оказался лучшим знатоком людей и их характеров. Дворак сидел молча, но в груди у него клокотал гнев – из-за самодовольства Альпрена, из-за предательства Тоби.

Зазвонил телефон. Альпрен поднял трубку. Когда он положил ее, глаза у него холодно заблестели – детектив был явно доволен собой.

– Нашли ее «Мерседес».

– Где?

– В аэропорту Логан. Она оставила его в зоне посадки. Видимо, очень торопилась в самолет. – Полицейский поднялся. – Нет смысла дальше тянуть резину, док. Она не приедет.

По дороге домой Дворак не стал включать радио, но тишина только подогревала его тревогу. Тоби сбежала, думал он, и объяснение тому лишь одно – нечистая совесть и уверенность в неизбежном наказании. Однако некоторые детали продолжали беспокоить его. Он попытался мысленно воспроизвести цепочку ее действий. Тоби едет в Логан, оставляет машину в зоне посадки, спешит в терминал и садится на самолет в неизвестном направлении.

Но это лишено всякой логики. Оставить машину в пассажирской зоне значит явно привлечь к ней внимание. Гораздо предусмотрительнее было бы поставить ее на одну из битком забитых гостевых парковок возле аэропорта, где она могла бы еще долго оставаться незамеченной.

Значит, на самолет Тоби не садилась. Может, Альпрен и считает ее глупой, но Дворака не проведешь. Детектив впустую тратит время, проверяя рейсы из Логана.

Похоже, она сбежала другим путем.

Вернувшись домой, Дворак сразу направился к телефону. Он был страшно зол на Тоби – из-за ее предательства и на себя – за наивность.

Он поднял трубку, чтобы позвонить Альпрену, затем снова положил ее. Заметив мигание автоответчика, он нажал кнопку.

Электронный голос объявил время – пять сорок пять. Затем заговорила Тоби:

– Я в больнице Спрингер, в медицинской библиотеке, добавочный номер два пять семь. Тебе стоит взглянуть на то, что здесь есть на «Медлайне». Прошу тебя, пожалуйста, перезвони мне быстрее…

Последний раз они говорили примерно в половине восьмого, значит, она звонила раньше. Он вспомнил: Тоби пыталась что-то объяснить, но он оборвал ее, прежде чем она успела рассказать о своей находке.

«Спрингер, медицинская библиотека… стоит взглянуть на то, что здесь есть на „Медлайне“. Прошу тебя, пожалуйста, перезвони мне быстрее…»

Боль словно кулаком ударила в живот – ни вздохнуть, ни охнуть. Закрыв глаза и стиснув зубы, Молли прижала пальцы к ладоням и натянула ремни, которыми были закреплены ее запястья. Лишь когда схватка закончилась, она тихонько заскулила от облегчения. Молли не ожидала, что роды будут проходить в такой тишине. Ей казалось, что она будет громко кричать, полагала, что боль – дело шумное. Но когда пришло время, когда появились предвестники новой схватки и матка снова сжалась, Молли вытерпела, не проронив ни звука; ей сейчас хотелось не кричать, а свернуться в комочек и спрятаться где-нибудь в темноте. Однако они ее в покое не оставят.

Их было двое, оба одеты в голубые хирургические халаты, сквозь узкую щель между маской и шапочкой проглядывали лишь глаза. Мужчина и женщина. Ни один из них с Молли не разговаривал, она для них была всего-навсего безымянным объектом, немым животным с разведенными и привязанными к столу ногами.

Наконец схватка прошла, пелена боли рассеялась, и Молли снова стала осознавать окружающее. Тремя слепящими солнцами над ней сияли лампы. Жестко поблескивала стойка капельницы. От нее к вене тянулась пластиковая трубка.

– Пожалуйста, – взмолилась она. – Мне больно. Так больно…

Врачи не обратили на нее внимания. Взгляд женщины был прикован к флакону капельницы, мужчина не сводил глаз с промежности Молли. Если бы на его лице промелькнула хотя бы тень вожделения, Молли было бы спокойнее. Но ничего подобного в его взгляде не было.

Начиналась новая схватка. Молли задергалась в своих кожаных «наручниках», пытаясь перевернуться на бок; боль внезапно сменилась яростью. В бешенстве она заерзала так, что стол затрясся, издавая металлические звуки.

– Капельница не берет, – сообщила женщина. – Мы можем как-нибудь еще усмирить ее?

– Никакой анестезии, – возразил мужчина. – Мы потеряем схватки.

– Пустите меня! – завопила Молли.

– Я не собираюсь терпеть этот ор, – отрезала женщина.

– Тогда набирай питоцин, подгоним это чертово существо. – Он наклонился и ввел затянутые в резину пальцы в промежность Молли.

– Пусти… те… меня! – выдохнула она, ее голос потонул в накатившей волне боли.

Пальцы мужчины усилили ее мучения, Молли закрыла глаза, слезы потекли по лицу.

– Шейка полностью раскрылась, – доложил мужчина. – Уже на подходе.

Подавшись вперед, Молли страдальчески закряхтела.

– Отлично, она рожает. Давай, детка, давай. Тужься!

– Пошел ты на хер, – выдавила Молли.

– Тужься, зараза, или достанем другим путем!

– Да пошли вы на хер! Гады! Сволочи!

Женщина с размаху двинула Молли по лицу, голова девушки откинулась в сторону. Некоторое время она молча приходила в себя – щека горела, перед глазами стояла чернота. Боль от схватки утихла. Молли почувствовала, как у нее между ног полилось, закапало на бумажную подстилку. В глазах постепенно прояснилось, Молли снова посмотрела на мужчину. Она поняла, что видит в его лице – ожидание. Нетерпение.

«Они хотят отобрать моего ребенка».

– Добавь питоцин, – велел мужчина. – Давай заканчивать.

Женщина сдвинула полозок капельницы, и Молли почти сразу почувствовала, как начинается следующая схватка; на этот раз она нарастала с такой скоростью и силой, что ее стремительность поразила Молли. Изогнувшись так, что голова поднялась над столом, а подбородок уперся в грудь, Молли стала тужиться. Кровь выплескивалась из промежности и брызгала на подстилку.

– Тужься. Давай, тужься, – командовала женщина.

Боль взвилась до невыносимости. Молли сделала глубокий вдох и снова напряглась. В глазах почернело. Новый очаг боли взорвался и запылал в голове. Она услышала собственный крик, но звук показался ей незнакомым, похожим на вопль умирающего зверя.

– Вот он! Давай же, давай! – воскликнул мужчина.

Молли последний раз напряглась и внезапно ощутила уже иную боль – боль разрываемой плоти. Затем, к счастью, все кончилось.

Вся мокрая и ослабевшая, Молли не могла ни шевелиться, ни разговаривать. Возможно, она даже заснула – сама не могла толком понять. Знала только, что через некоторое время комната вновь ожила. Послышался плеск воды, звякнула металлическая дверца шкафа. Огромным усилием ей все же удалось разлепить веки.

Сначала она ничего не увидела из-за слепящего света ламп над головой. Затем вгляделась в неясный силуэт мужчины, стоявшего рядом и что-то державшего в руках.

У него были волосы – жесткие черные клочки, слипшиеся от крови. Оно было розовым и бесформенным, этакий оковалок на прилавке мясника. Оно двигалось. Сначала мелкая дрожь, затем яростные конвульсии, комок плоти содрогался в руках мужчины, ощетинившись, словно испуганный кот.

– Примитивная мышечная деятельность, – заметил мужчина. – И у нас по-прежнему появляются недоразвитые фолликулярные и дентальные структуры. И от отростков тоже пока не удалось избавиться.

– Ванна с раствором готова.

– В соседней комнате все готово?

– Пациент на столе. Нужен только материал.

– Дай-ка, я его взвешу.

Мужчина поднялся и положил розовый комок на весы, стоявшие недалеко от Молли.

Она поглядела на существо. И поймала взгляд одного-единственного бездушного глаза, лишенного века.

Ее крик взорвался сотней пронзительных эхо. Она кричала снова и снова, и от собственного крика ее охватывал все больший ужас.

– Надо заткнуть ее, – всполошилась женщина. – Пациент может услышать.

Мужчина закрыл рот и нос Молли резиновой маской и пустил газ. Резким движением она отдернула голову. Он схватил ее за подбородок, пытаясь заставить лежать неподвижно и вдыхать едкую струю. Но Молли, словно запуганный зверек, схватила его мизинец зубами и резко сжала челюсти. Мужчина вскрикнул.

Удар в висок был такой силы, будто в ее голове произошла сразу сотня взрывов.

– Ах ты, долбаная сука! – гаркнул мужчина.

– Боже мой, твой палец...

– Шприц! Давай сюда шприц!

– И что?

– Калий. Введи его прямо сейчас.

Молли медленно открыла глаза и увидела возле себя женщину со шприцем в руках. Она видела, как та воткнула иглу в трубку капельницы.

В вену Молли полилась огненная струя. От боли она закричала и попыталась вырваться, но запястье было надежно привязано.

– Все, целиком! – рявкнул мужчина. – Вкати ей всю долбаную дозу.

Кивнув, женщина опустошила шприц.

Количество оказалось невероятным. В завитках эмбрионального мозга покоились по меньшей мере тридцать три отдельные гипофизарные железы – больше, чем давали предыдущие имплантаты. Под микроскопом клетки выглядели совершенно здоровыми, анализы крови девушки тоже были в норме. Больше они не допустят инфекции при пересадке. Они и так дали маху с первой группой реципиентов, когда

использовали интактные зародыши, взятые у наемных женщин из нищей мексиканской деревни. Деревни, в которой уже умирал скот.

Теперь ткань взята из генетически измененного эмбриона, полученного в их собственной лаборатории. Он знал, что она чиста.

Доктор Гидеон Ярборо выбрал из имеющихся желез три и опустил их в склянку с нагретым до тридцати семи градусов трипсином. Сам плод – если этот комок плоти можно было назвать плодом – был промыт и помещен в банку со сбалансированным солевым раствором Хенкса. Он запрыгал там, как брошенный в воду мячик, голубой глаз, оказавшись наверху, уставился на Гидеона. За этим глазом не было работоспособного мозга, не было души, однако Ярборо охватила нервная дрожь. Он закрыл банку и отставил ее в сторону. Позже он извлечет и остальные гипофизы. Это был щедрый и весьма ценный урожай, его хватит на десяток пациентов.

Прошло двадцать минут.

Он промыл сосуд с гипофизами солевым раствором. К этому времени трипсин растворил ткань; получилась мутная жидкость, содержащая клеточную взвесь – строительный материал для новой главной железы. Затем он аккуратно набрал содержимое в шприц и понес его в соседнюю комнату, где его уже ждала ассистентка.

Пациент, слегка заторможенный от валиума, лежал на столе. Мужчина семидесяти восьми лет, практически здоровый, начал ощущать свой возраст. Он хотел вернуть молодость, а взамен готов был платить за это и сносить некоторые неприятные ощущения.

И вот теперь он лежал на столе; на голове его была установлена стереотаксическая рамка Тодда-Уэллса, а череп надежно закреплен. Увеличенное рентгеновское изображение проецировалось на 15-дюймовый экран. На нем хорошо просматривалось турецкое седло – маленькая косточка, в углублении которой и располагался выдохшийся гипофиз пациента.

Ярборо опрыскал местным анестетиком слизистую носа, а потом смазал ее раствором кокаина. Затем он вставил длинную иглу в правую ноздрю и ввел анестетик непосредственно в слизистую оболочку.

Пациент недовольно заворчал.

– Это просто заморозка, господин Лафт. Вы молодец. – Ярборо протянул помощнице шприц. Затем взял бор с тонким, чуть толще иглы сверлом и ввел его в ноздрю. Используя изображение на экране в качестве

ориентира, Ярборо начал сверлить – нужно было проделать тонкое отверстие в основании клиновидной кости. Когда бор прошел насквозь, проткнув мембрану, которая окружает гипофиз, пациент резко вскрикнул и напрягся всем телом.

– Все в порядке, господин Лафт. Это самый неприятный момент. Больно будет лишь несколько секунд.

Как он и предполагал, пациент постепенно расслабился, неудобство закончилось. Прокол оболочки вызвал короткую вспышку боли в области лба. Это не беспокоило Ярборо.

Ассистентка подала ему шприц с клеточной суспензией.

Через только что проделанное отверстие в клиновидной кости Ярборо ввел кончик иглы. Он аккуратно впрыснул содержимое шприца в турецкое седло. И тут же представил себе, как эти клетки устраиваются в своем новом доме, растут и делятся, образуя новые колонии. Клеточные фабрики начинают вырабатывать гормоны молодого мозга. Гормоны, которые сам господин Лафт производить уже не мог.

Ярборо вытащил иглу. Никакой крови – чистая, красивая процедура.

– Все прошло замечательно, – сообщил он пациенту. – Теперь мы уберем головную рамку. Вам придется с полчасика полежать, а мы последим за вашим давлением.

– И все?

– Все. Вы с честью справились с этим. – Гидеон кивнул ассистентке. – Я останусь понаблюдать за ним. И сам вызову фургон, когда он будет готов к отправке в Казаркин Холм.

– А что нам делать… – она указала глазами на дверь в другую комнату.

Ярборо снял перчатки.

– Об этом я тоже позабочусь, Моника. Возвращайся домой и займись другой проблемой.

Термометр показывал плюс два.

Тоби съежилась в углу, подтянув коленки к груди и завернувшись в клеенку. Эту пропитанную формалином одежку пришлось позаимствовать у трупа. Сначала Тоби претила мысль о том, что нужно раздеть один из трупов и укрыться самой. Но немного позже ее начало

трясти от холода, и она поняла, что выбора нет. Это был единственный способ сохранить тепло.

Однако и этого оказалось недостаточно. Прошло несколько часов, и ее конечности утратили чувствительность. По крайней мере у нее перестала болеть рука. Однако соображать становилось все труднее, умственные процессы замедлились настолько, что она не могла сосредоточиться ни на чем ином, кроме одного: не спать.

Хотя вскоре ей не хватало сил уже и на это.

Постепенно ее голова склонилась к полу, руки и ноги обмякли. Дважды она вздрагивала и просыпалась, обнаруживая, что лежит на полу, а свет по-прежнему горит. Затем она уснула окончательно.

И увидела сон. Не в картинках – в звуках. Говорили два человека – мужчина и Джейн Нолан – искаженными, словно металлическими голосами. Тоби казалось, что она плывет в черной воде; в лицо пахнуло долгожданным теплом.

А потом она начала падать.

Резко очнувшись от сна, Тоби обнаружила, что лежит на боку в темноте. Под щекой у нее ковер. Слабая полоска света пробивалась сквозь сумрак; раздался скрип закрывшейся двери. Она попыталась шевельнуться, но не смогла: руки были крепко стянуты за спиной. Ноги онемели и не слушались. Она услышала, как хлопнула другая дверь и завелся мотор.

– Может, калитку запереть? – спросил мужчина.

– Я привязала пса, – ответил голос Джейн Нолан. – Он не выскочит. Поехали.

Они двинулись вперед по неровной дороге. «По ней я приехала сюда», – подумала Тоби. Куда они везут ее?

Машину резко тряхнуло, и Тоби, сильно ударившись левым плечом, едва не закричала от боли. Она лежала на поврежденной руке, а спасительное онемение уже начало проходить. Неимоверным усилием она извернулась и перекатилась на спину, но теперь оказалась прижатой к чему-то холодному и резиновому. Свет фонарей и проезжавших мимо автомобилей понемногу просачивался сквозь тьму. Повернув голову, она решила посмотреть, на что наткнулась, и оказалась лицом к лицу с одним из трупов.

Испуганный вскрик привлек внимание похитителей.

– Ой, она проснулась, – заметил мужчина.

– Крути баранку, – велела Джейн. – Я заклею ей рот.

Она отстегнула ремень безопасности и перебралась в заднюю часть фургона. Опустившись на колени возле Тоби, она в полутьме принялась возиться с мотком хирургического пластыря.

– Вот уж не думала, что нам опять придется тебя услышать.

Тоби безуспешно попыталась высвободить руки.

– Моя мама… Ты била мою маму.

– Ты сама виновата, – заявила Джейн, отматывая кусок пластыря. – Доктор Харпер так зациклилась на нескольких несчастных старичках. И совсем не замечала, что творится в собственном доме. – Заклеив Тоби рот, она с притворной укоризной добавила: – А еще называла себя хорошей дочерью.

«Тварь ты, – подумала Тоби. – Безжалостная гнусная тварь». Джейн хмыкнула и принялась отрывать второй кусок пластыря.

– Я не хотела вредить твоей матери. Мне просто нужно было присмотреть за тобой. Выяснить, как далеко ты успела зайти. А потом тебе домой позвонил этот Роби Брэйс, и все окончательно вышло из-под контроля. – Она прилепила вторую полоску на рот Тоби. – Было слишком поздно устраивать для тебя несчастный случай. Слишком поздно затыкать тебя. Люди так охотно верят мертвецам, – Она оторвала последний кусок и наклеила поверх первых двух – от уха до уха. – Но поверят ли женщине, которая жестоко обращалась с собственной матерью? Не думаю.

Несколько секунд она глядела на Тоби, словно любуясь проделанной работой. В полумраке, который нарушал лишь случайный свет фар, глаза Джейн, казалось, светились сами по себе. Сколько раз Элен просыпалась среди ночи и видела эти устремленные на нее глаза? «Я должна была догадаться. Должна была почувствовать, что в дом проникло зло».

Фургон резко повернул, и Джейн пришлось расставить руки, чтобы удержать равновесие.

«Нет, ее имя не Джейн, – внезапно осознала Тоби. – Ее зовут Моника Траммель». Сослуживица Валленберга по Росслину.

Фургон раскачивался по петляющей дороге. Затем асфальт сменился грунтом. Труп старика то и дело наваливался на Тоби; она чувствовала холод его тела. Затем машина притормозила и остановилась, боковая дверь отъехала в сторону.

На фоне безлунного неба выделялся силуэт мужчины.

– Гидеон еще не приехал, – сказал мужчина. Голос принадлежал Карлу Валленбергу.

Женщина вышла из машины.

– Он должен подъехать. Мы все должны быть здесь.

– За пациентом нужно присмотреть. Гидеон останется с ним.

– Мы не можем сделать это без него. На этот раз мы должны разделить ответственность. Все поровну. Мы с Ричардом уже и так слишком много сделали.

– Я не хочу этого делать.

– Придется. Яма готова?

Ответ сопровождался тяжелым вздохом:

– Да.

– Тогда давайте покончим с этим. – Женщина обернулась к водителю, который тоже успел выйти из машины. – Вытаскивай их, Ричард.

Водитель ухватил Тоби за связанные ноги и наполовину выволок из машины. Когда Валленберг попытался ухватить ее за плечи, Тоби задергалась.

Он едва не выронил ее.

– Боже мой! Она еще жива!

– Ты неси, неси ее, – велела Моника.

– Господи, неужели обязательно нужно делать это таким образом?

– Я не захватила шприцы. Это бескровный способ. Я не хочу, чтобы повсюду остались улики.

Валленберг отдышался и снова ухватил Тоби за плечи. Двое мужчин выволокли ее из машины и понесли куда-то в темноту. Сначала Тоби не могла понять, куда ее тащат. Она понимала только, что почва под ногами неровная и мужчины с трудом передвигаются в темноте. Несколько раз в поле ее зрения попадала голова Ричарда Траммеля, его светлые волосы белели в свете луны. Затем она увидела небо и силуэт строительного крана на звездном фоне. Повернув голову, Тоби заметила пробивавшийся из-за ограды свет и узнала здание – стационар Казаркина Холма. Ее несли к котловану нового корпуса.

Валленберг споткнулся и выпустил плечи Тоби. Она ударилась головой о землю так, что клацнули челюсти. Вдобавок она прикусила язык, и рот наполнился привкусом крови.

– Господи, – пробормотал Валленберг.

– Карл, – спокойно проговорила Моника; в ее голосе зазвенел металл. – Давай уж побыстрее покончим с этим.

– Да ну к черту! Сама этим и занимайся.

– Нет, теперь твоя очередь. Пора и тебе запачкать руки. И Гидеону тоже. А теперь заканчивай.

Валленберг снова сделал глубокий вдох, поднял сопротивлявшуюся Тоби и понес к яме. Мужчины остановились. Тоби смотрела прямо в лицо Валленбергу, однако не могла разобрать его выражения на фоне неба, залитого лунным светом. Она разглядела только темный овал и прядь растрепанных от ветра волос. А потом они раскачали ее и отпустили.

Хоть Тоби и была готова к приземлению, удар был настолько сильным, что у нее перехватило дыхание. Несколько мгновений перед глазами стояла сплошная чернота. Постепенно зрение вернулось. Она увидела раскинувшееся над ней небо и поняла, что лежит на дне ямы. Сбоку со склона полетели комочки земли, жаля ее в глаза. Она повернула голову и почувствовала гравий под щекой.

Мужчины отошли от ямы. «Пора, – решила она. – Это мой единственный шанс». Она попыталась освободиться, крутясь то в одну сторону, то в другую; земля сыпалась на нее от ударов в стенки ямы. Бесполезно – запястья и лодыжки были стянуты слишком туго; от этих усилий у нее только руки онемели. Правда, один уголок пластыря чуть отстал от щеки. Она принялась тереться о гравий, сдирая пластырь вместе с кожей. «Быстрее, быстрее».

Она задыхалась от поднявшейся пыли. Вот еще сантиметр ленты отошел, освободив ее рот. Она набрала побольше воздуха и закричала. На краю ямы появилась фигура.

– Никто тебя не услышит, – заверила Моника. – Яма глубокая. А завтра ее не станет, все заровняют. Сначала гравий насыплют, потом фундамент зальют.

Она повернулась – снова появились мужчины, тащившие труп. Его они тоже зашвырнули в яму, и он упал рядом с Тоби, ударив ее головой в плечо. Она отпрянула в дальний угол ямы, и снова в лицо посыпался град из комков земли.

«Значит, вот он какой, конец. Три скелета в яме. И бетонная плита сверху».

Мужчины ушли за вторым трупом.

И снова Тоби закричала, призывая на помощь, но голос ее, казалось, терялся в глубокой яме.

Моника склонилась над краем, вглядываясь вниз.

– Ночь сегодня холодная. Окна у людей закрыты. Так что они ничего не услышат.

Тоби закричала опять.

Моника швырнула пригоршню земли ей в лицо. Тоби закашлялась и отвернулась, уткнувшись в труп. Моника права. Никто ее не слушал, никто не услышит и теперь.

Мужчины вернулись, пыхтя под тяжестью ноши, и бросили в яму последнее тело.

Оно упало прямо на Тоби, клеенка накрыла ей лицо. Она почти не могла пошевелиться под его весом, но слышала доносившиеся сверху голоса, а также звук втыкаемой в грунт лопаты.

Первая порция земли полетела в яму и упала Тоби на ноги. Она попыталась ее стряхнуть, но за первым броском последовал второй, потом еще и еще.

– Подождем Гидеона, – сказала Моника. – Он должен поучаствовать.

– Он появится здесь к самому концу. Давайте закругляться, – возразил ее муж, крякнул, и новая порция земли упала на лежавшего поверх Тоби мертвеца, частично засыпав и волосы Тоби.

Она еще раз попыталась выбраться из-под него. Клеенка сдвинулась, открыв ей обзор. Она присмотрелась к фигурам, окружившим яму. Казалось, они почувствовали ее взгляд и на мгновение застыли в тишине.

Затем Моника скомандовала:

– Ну ладно, закапывайте.

Тоби закричала: «Нет!» – но голос заглушали клеенка и тяжесть трупа.

Земля посыпалась вниз. Тоби заморгала, спасаясь от мелких камней и песка. Следующая порция грунта засыпала ей волосы, за ней полетели все новые и новые; целые горы земли обступали ее тело, накрывали ноги. Она пыталась подвинуться, но тяжелый труп и увесистые комья удерживали ее. Она слышала, как удары сердца грохочут у нее в ушах, как воздух с натугой пробивается в легкие. В последний раз мельком взглянув на звезды, она спрятала лицо под клеенкой. Затем ее голова скрылась под землей, и света больше не стало.

21

Настала его очередь браться за лопату.

Руки у Карла Валленберга дрожали; он ухватился за черенок и поддел первую порцию земли. Потом остановился на краю ямы, вглядываясь вниз, в темноту, думая о женщине, которая все еще была жива. Ее сердце все еще билось, перекачивая кровь. Миллионы нейронов сгорали в мучительной предсмертной агонии. Она умирала под этим земляным одеялом.

Он скинул комья земли в яму и снова вонзил лопату. Карл слышал одобрительно бормотание Моники и мысленно проклял ее за то, что она вынудила его принять участие в столь отвратительном деле. Нужно было отделаться от оставшейся улики – уничтожить последние два трупа, результат чудовищно провалившегося эксперимента.

«Нам нужно было тщательнее подбирать доноров. Нужно было проверить эмбриональный материал не только на бактерии и вирусы. Мы даже не задумывались о том, что можно занести прионы».

Но Ярборо торопился с пересадкой клеток. Он настаивал, что ткань должна быть свежей. Клеточную суспензию нужно было вводить не

позднее семи дней с момента получения, иначе клетки не выживут в своем новом доме. Не станут делиться. А был уже длинный список страждущих, три десятка мужчин и женщин, заплативших вперед и с нетерпением ожидавших, когда им представится возможность обрести вторую молодость. Их уверяли, что никакого риска нет. По сути, так оно и было, пустячная процедура – местное обезболивание, инъекция эмбриональных клеток гипофиза в мозг при помощи рентгена, и через несколько недель постепенное обновление главной железы. Они с Гидеоном проделывали это десятки раз без всяких осложнений, до тех пор, пока Росслин не закрыл проект из соображений нравственности. Если бы не использование абортивных эмбрионов, эта процедура была бы названа настоящим прорывом в медицине. Эликсир молодости, полученный из мозга нежеланных и нерожденных.

Конечно, прорыв. Но такой, которого будут всегда старательно избегать – из этических соображений.

Он остановился перевести дух, пот холодил его кожу. Яма была почти полна. Легкие женщины наверняка уже забились пылью, клетки мозга испытывали кислородное голодание. Сердце отчаянно отсчитывало последние удары. Он не любил Тоби Харпер и был согласен, что ее нужно заставить замолчать, однако предпочел бы для нее более легкую смерть, чтобы призрак врачихи не преследовал его в последующие годы.

Он никогда не собирался никого убивать.

Несколькими эмбрионами действительно пришлось пожертвовать, но только в самом начале. Теперь они использовали клонированную ткань, которую вряд ли можно было назвать человеком; имплантировали и выращивали ее в матке. Он не чувствовал никакой вины из-за источника ткани. Не тревожились и его пациенты; они просто хотели омолодиться и готовы были платить. И пока в Казаркином Холме ничего об этом не знали, он мог продолжать работу, и денежки по-прежнему текли рекой.

А потом умер Маки, за ним другие. Теперь он мог потерять не только деньги, но и положение, репутацию. Будущее.

«Но стоит ли за это убивать?»

И все-таки, продолжая швырять землю в быстро заполнявшуюся яму, он болезненно сознавал, что внизу умирает женщина. «Но, в сущности, всех нас ожидает смерть. Только одни умирают страшнее, чем другие».

Он опустил лопату. Его подташнивало.

– Подкинь еще. Сровняй с краями, – велела Моника. – Это место не должно выделяться. Нельзя, чтобы строители это заметили.

– Сама ровняй, – он швырнул ей лопату. – С меня хватит.

Она взяла лопату и несколько секунд пристально смотрела на Валленберга.

– Я тоже думаю, что с тебя хватит, – наконец процедила она. – И теперь ты увяз в этом так же, как мы с Ричардом.

Она поставила ногу на лопату и приготовилась бросить еще земли.

– А вот и Ярборо, – сказал Ричард.

Валленберг обернулся и увидел свет приближающихся фар. Черный «Линкольн» Ярборо вперевалку проехал по ухабистой дороге и притормозил у забора. Открылась и снова захлопнулась водительская дверь.

Вспыхнул яркий свет, заливая лучами котлован. Валленберг попятился и прикрыл глаза от неожиданного сияния. Он услышал яростный скрежет шин по гравию, затем хлопнули еще две двери, и послышался звук бегущих шагов.

Прищурившись, он вглядывался в силуэты, внезапно возникшие в ослепительных лучах. «Это не Ярборо, – подумал он. – Кто же это?»

К нему приближались двое мужчин.

Свежий воздух хлынул в ее легкие, холодный и обжигающий. Она жадно втянула его раз, другой, третий, заходясь хриплым кашлем после каждого вдоха. Что-то прижали к ее лицу, она попыталась увернуться, отбиваясь от рук, сжимавших ее голову. Она слышала голоса, их было слишком много, и все они говорили одновременно.

– Продолжайте подачу кислорода!

– Она отбивается…

– Эй, придержите ее! Не могу поставить капельницу.

Она извивалась и царапалась вслепую. Где-то вдалеке был виден свет, и она пыталась пробиться к нему сквозь тьму, добраться до него, пока он не исчез. Но руки не слушались Тоби, что-то придавило их. Воздух, который она вдыхала, запах резиной.

– Тоби, перестань драться!

Она почувствовала, как чья-то рука схватила ее, словно в попытке выдернуть из тьмы.

Внезапно черная пелена перед глазами расступилась, и ей в лицо ринулся поток света. Тоби увидела обращенные к ней лица. Увидела другие огни, синие и красные, бегущие хороводом. «Как красиво, – подумала она. – Эти цвета… такие красивые». Из ночной тьмы раздались хрипы и шорохи. Полицейские рации.

– Док, подойдите-ка и взгляните на это, – предложил один из полицейских.

Дворак не ответил. Его взгляд был прикован к пляшущим на неровной дороге огонькам задних фар «скорой помощи», увозившей Тоби в больницу Спрингер. Не нужно оставлять ее одну сегодня, решил он. Я должен быть с ней, я хочу быть с ней. И хочу с ней остаться.

Он повернулся к полицейскому и понял, что ноги не слушаются и его попросту трясет. Эта ночь обернулась сумасшедшим калейдоскопом. Все эти машины, мигалки. А за забором уже собрались зеваки – непременный атрибут места преступления; однако эта толпа была постарше. Обитатели Казаркина Холма, заслышав сирены, с любопытством выбрались на улицу в своих домашних халатах. Они стояли торжественным строем, сквозь сетку забора глядя в котлован, где лежали два откопанных мертвых тела.

– Наверху вас ждет детектив Шиэн, – снова заговорил полицейский. – Только он решился до него дотронуться.

– Дотронуться до кого?

– До тела.

– Еще одно?

– Боюсь, что да.

Следом за полицейским Дворак, то и дело оступаясь, полез из котлована вверх, к забору.

– Оно было в багажнике машины, – сообщил полицейский, отдуваясь после крутого подъема.

– Какой машины?

– В «Линкольне» доктора Ярборо. Мы следовали за ним от Ховарта. Похоже, он торопился добавить его к захоронению. Вот уж чего мы никак не ожидали увидеть у него в багажнике.

Пройдя мимо престарелых зевак, они приблизились к машине Ярборо, стоявшей у забора. Детектив Шиэн остановился возле открытого багажника.

– Нынче у нас сплошные троицы, – заметил он.

Дворак покачал головой.

– На сегодня с меня, пожалуй, хватит.

– Вы себя хорошо чувствуете, док?

Дворак помолчал, прикидывая, что за ночь ему предстоит. Сколько часов пройдет, прежде чем он доберется до Тоби. С этой отсрочкой нельзя было ничего поделать, ему придется закончить работу.

Он вытащил из кармана латексные перчатки.

– Давайте к делу, – сказал он и заглянул в багажник.

Шиэн направил фонарик на лицо трупа.

Несколько мгновений Дворак не мог проронить ни слова. Он стоял, глядя на девичье лицо, на синяк, портивший нежную кожу, на серые глаза, открытые и пустые. Когда-то в них была душа, и он видел ее яркий свет. «Где ты теперь? – думал он. – Надеюсь, там хорошо. Тепло, уютно и безопасно».

Он протянул руку и осторожно закрыл глаза Молли Пикер.

Смех медсестер в коридоре прервал беспокойный сон Дворака. Он открыл глаза и увидел, что в окно льется дневной свет. Он сидит на стуле возле больничной кровати Тоби. Она все еще спала, дыхание было ровным и спокойным, щеки раскраснелись. Прошлым вечером грязь с ее лица смыли, но в волосах все еще поблескивал песок.

Дэниел встал и потянулся, пытаясь размять затекшую шею. Наконец-то солнечный денек, подумал он, глядя в окно. Лишь крохотное облачко сиротливо плыло по небу.

Голос у него за спиной пробормотал:

– Я пережила самый жуткий кошмар в своей жизни.

Обернувшись, он поймал взгляд Тоби. Она протянула руку. Дворак с нежностью взял ее и подсел к кровати.

– Но ведь это был не сон, правда? – спросила она.

– Нет. К сожалению, реальнее некуда.

Она лежала некоторое время молча, нахмурившись, словно пытаясь собрать воедино осколки воспоминаний.

– Мы нашли их медицинские карты, – сообщил Дворак.

Она вопросительно взглянула на него.

– Там сведения обо всех пересадках. Семьдесят девять папок хранилось в подвале Ховарта. Имена пациентов, протоколы операций, данные последующего сканирования.

– Они собирали эту информацию?

Дворак кивнул.

– Да, чтобы потом задним числом объявить о своем успехе. На первый взгляд, судя по этим записям, пересадки имели неплохой эффект.

– Но были сопряжены с риском, – мягко добавила она.

– Да. В начале прошлого года Валленберг пересаживал клетки абортированных зародышей. Пятерым пациентам пересадили ткань из одного и того же источника. Все они заразились одновременно. Первые симптомы появились у одного из них только через год.

– У доктора Маки?

Он кивнул.

– Ты сказал, там было семьдесят девять карт. А что с другими пациентами?

– Живы-здоровы. И процветают. Отсюда возникает моральная дилемма. Что, если это лечение и вправду эффективно?

По тревоге на ее лице Дворак понял, что Тоби разделяет его сомнения. «Как далеко можно зайти, чтобы продлить жизнь? Нужно ли приносить в жертву человечность?»

– Я знаю, где искать Гарри Слоткина, – внезапно сказала она и посмотрела на Дворака пугающе ясными глазами. – Казаркин Холм, новое крыло. Несколько недель назад они залили фундамент.

– Да, Валленберг рассказал нам.

– Неужели?

– Они сейчас старательно топят друг друга. Валленберг и Гидеон против семейки Траммель. Наперегонки сдают друг друга. Похоже, у Траммелей сейчас самое невыигрышное положение.

Тоби помешкала, набираясь храбрости для следующего вопроса:

– А Роби?

– Это дело рук Ричарда Траммеля. Пистолет зарегистрирован на него. Мы ждем подтверждения баллистиков.

Она кивнула, молча приняв эту болезненную новость. Дворак видел, что в ее глазах блеснули слезы, и решил пока не говорить ей о Молли. Не стоит усугублять и без того тяжелую ношу.

В дверь постучали, вошла Вики. Она была еще более бледной, чем прошлой ночью, когда приходила навестить Тоби. Бледной и странно испуганной. Она остановилась в нескольких шагах от кровати, словно стеснялась подойти.

Дворак поднялся.

– Наверное, мне лучше оставить вас вдвоем, – заметил он.

– Нет, – возразила Вики. – Пожалуйста, останьтесь.

– А я никуда и не ухожу. – Дэниел наклонился и поцеловал Тоби. – Я просто подожду в коридоре.

Он выпрямился и направился к выходу.

У двери он остановился. И, оглянувшись, увидел, что Вики словно внезапно вырвалась из невидимых пут. В три шага оказавшись возле кровати, она заключила Тоби в объятия.

Проведя рукой по глазам, Дворак бесшумно вышел из палаты.

ДВА ДНЯ СПУСТЯ

Аппарат искусственного дыхания давал двадцать вдохов в минуту, за каждой порцией воздуха следовал спад ребер и грудной стенки. На Тоби этот ритм действовал умиротворяюще, пока она расчесывала матери волосы и обмывала ее тело. Махровая рукавичка скользила по коже, замирая на столь хорошо знакомых Тоби отметинках. Вот родинка в форме звездочки – на левой руке. Небольшой шрам от биопсии – на груди. Палец, скрюченный артритом и напоминающий пастуший посох. А вот этот шрам на коленке… откуда он? Похоже, очень старый, превосходно залеченный, почти незаметный, и наверняка появился давным-давно, когда Элен еще была совсем девчонкой. Разглядывая его в ярком свете ламп, Тоби думала: «Этот шрам у мамы был столько лет, а я заметила его только сейчас».

– Тоби!

Она обернулась и увидела в дверях бокса Дворака. Возможно, он стоял там уже несколько минут, а она просто не заметила его прихода. Это так на него похоже. За полтора дня, проведенных на больничной койке, Тоби не раз, просыпаясь, думала, что одна. А потом поворачивала голову и видела Дэниела, который по-прежнему сидел в палате, молча и незаметно наблюдая за ней. Вот как сейчас.

– Твоя сестра приехала, – сообщил он. – Доктор Стейнглас сейчас поднимется.

Тоби посмотрела на маму. Волосы Элен разметались по подушке. На вид они, скорее, напоминали роскошную гриву юной девушки – яркие, словно сверкающие серебряные струи. Тоби нагнулась и коснулась губами ее лба.

– Спокойной ночи, мама, – шепнула она и вышла из бокса.

Вики уже стояла у окна в палату; Тоби заняла место рядом с ней.

Дворак встал позади них, его присутствие было незримым, но ощущаемым. Они смотрели через стекло, как доктор Стейнглас вошел в бокс и приблизился к аппарату искусственного дыхания. Он вопросительно посмотрел на Тоби.

Она кивнула.

Он выключил аппарат.

Грудь Элен замерла. Десять секунд прошли в тишине. Вики взяла Тоби за руку и крепко сжала.

Грудь Элен оставалась неподвижной.

Сейчас ее сердце замедляет ритм. Сначала пауза. Неуверенный удар. И наконец, полный покой.

Для Элен история закончилась – поздней осенью, в два пятнадцать пополудни.

К Дэниелу Двораку смерть может прийти и через два года, и через сорок лет. Она может заявить о себе дрожанием руки, или ворваться без предупреждения, когда внуки будут мирно спать в соседней комнате. Ему придется привыкнуть к этой неопределенности, как и к другим неопределенностям в этой жизни.

«А все остальные?»

Тоби прижала руку к стеклу, чувствуя горячую и мощную пульсацию в кончиках пальцев. «Я уже один раз умирала», – пронеслось у нее в голове.

И теперь начинается новая история.

Примечания

1

Синдром внезапной детской смерти. Случается по непонятной причине у младенцев первого года жизни.

2

ЦКЗ (CDC–Centers for Desease Control and Prevention) – Центры по контролю и профилактике заболеваний, подразделение Министерства здравоохранения и социальных услуг США, занимающееся охраной здоровья и профилактикой заболеваний.

3

Дело в Верховном суде США (1973 г.), решение по которому узаконило аборты в Америке.